КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ LXXXIV.

1904 г.

МАРТЪ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.
1904.

Дозволено цензурою. Кiевъ. 5 марта 1904 года.

Генеральный судья Иванъ Чарнышъ и его родъ.

Родословіе Чарнышей.

I колѣно.

№№ по порядку. №№ отцовъ.

1. *Ѳедоръ* (?).

Ж. Татьяна (?).

II колѣно.

2. *Иванъ (Ѳедоровичъ?)*, 1698—войсков. канцеляристъ; 1700-1703—господарь Гадяцкаго замка; 1709-1715—полковникъ гадяцкій; съ 1715—генеральный судья, † 30-го декабря 1728 г. въ Москвѣ и погребенъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Ж. 1) Елена Степановна *Гречаная*, дочь генеральнаго писаря.

2) Евдокія Константиновна *Голубъ*, † 31-мая 1743 г., дочь генеральнаго бунчучнаго и Настасьи Марковны, бывшей во второмъ бракѣ за гетманомъ Иваномъ *Скоропадскимъ*. 1

3. *Тихонъ (Ѳедоровичъ?)*, житель батуринскій, † до 1716 г.

Ж. Марина Романовна, родомъ изъ Батурина, † 1717; во 2-мъ бракѣ была за сотникомъ Ковалювскимъ (1715—1717) Аѳанасіемъ Николаевичемъ *Кицешемъ* 1

III колѣно.

4. *Иванъ Ивановичъ*, отъ 1-го брака, бунчуковый товарищъ (1735), † 1756. 2

Ж. 1) Татьяна Осиповна *Костенецкая*, дочь сотника конотопскаго.

2) Зиновія Якимовна (упом. 1755) 2

5. *Петръ Ивановичъ*, отъ 1-го брака, † 173. бездѣтнымъ.

Ж. Ульяна Степановна *Бутовичъ*, вдова гадяцк. полк. Мих. *Милорадовича* 2

6. *Иванъ Ивановичъ*, отъ 2-го брака, † холостымъ въ 1741 г. 2

7. *Семенъ Ивановичъ*, отъ 2-го брака, канцеляристъ 1737—39; † холостымъ въ 1742 г. 2

8. *Яковъ Ивановичъ*, отъ 2-го брака, канцеляристъ, † 28-го декаб. 1745 г.

Ж. Марѳа Степановна *Ширай*, † 1764; съ 1747 г. во 2-мъ бракѣ за генер. подскарбіемъ Михаиломъ Вас. *Скоропадскимъ*, † 1758 2

— *Анастасія Ивановна*, † 1742. За *Забѣлой* . . . 2

— *Анна Ивановна*, † 1745. За бунч. тов. Андреемъ Ив. *Войцеховичемъ*. 2

— *Елена Ивановна*, † дѣвицей въ 1745 г. . . . 2

9. *Ѳедоръ Тихоновичъ*, упом. 1717. 3

— *Агафья Тихоновна*, упом. 1717. За Романомъ NN (1717) 3

IV колѣно.

10. *Иванъ Ивановичъ*, 1754—канцеляристъ, † до 1769.

Ж. Настасья Романовна, во 2-мъ бракѣ за Ѳедор. Петров. *Войной* 4

11. *Данило Ивановичъ*, упом. 1754, † до 1769.

Ж. Пелагея, вдова 1784. 4

12. *Александръ Ивановичъ*, малолѣтній въ 1754 г., † до 1769 4

— *Анна Яковлевна*, род. 1746; † около 1769 г. Съ 1765 г. за д. с. с. Григоріемъ Григорьевичемъ *Фридрикевичемъ* 8

V колѣно.

13. *Василій Ивановичъ*, род. 1759; маршалъ Полтав. губерніи.

Ж. Анна Петровна *Бѣлуха*, дочь полтавск. полков. писаря. 10

VI колѣно.

14. *Петръ Васильевичъ*, р. 1771; 1798—капитанъ Сѣверскаго драгунскаго полка 13
15. *Дмитрій Васильевичъ*, р. 1795 13
— *Ульяна Васильевна*, р. 1795 13
— *Анастасія Васильевна*, р. 1787 13
— *Анна Васильевна*, р. 1788 13
— *Анастасія Васильевна* 2-ая, р. 1790 13
— *Екатерина Васильевна*, р. 1797 13

Происхожденіе Чарнышей, выдвинувшихся въ старшину благодаря личнымъ качествамъ извѣстнаго генеральнаго судьи Ивана Чарныша, намъ неизвѣстно. Въ синодикѣ Любецкаго монастыря записанъ «родъ пана Іоанна Чарниша, бувшого судѣ енералного», въ которомъ сказано: «помяни Господи рабовъ своихъ: Феодора, Татіану, Тихонія, Параскевію, іереа Петра, Марію, Елену, Максима, младенцевъ: Петра, Іоана, Іакова, Іоана, Григорія» [1]). Можно предполагать, что упоминаемые здѣсь на первомъ мѣстѣ Федоръ и Татьяна были—отецъ и мать генеральнаго судьи; далѣе слѣдуетъ братъ послѣдняго—Тихонъ, о которомъ будетъ рѣчь ниже; Параскевія—лицо намъ неизвѣстное, Елена—по всей вѣроятности, первая жена генеральнаго судьи. Остальныя упоминаемыя синодикомъ лица намъ раскрыть не удалось. Изъ лицъ, носившихъ прозвище Чарниша или Чорниша, намъ извѣстенъ лишь Иванъ Чорнишъ, житель конотопскій, упоминаемый въ одномъ актѣ 1681 года [2]), но врядъ-ли это одно лицо съ будущимъ генеральнымъ судьею. Родиной послѣдняго былъ, по всей вѣроятности, Гадячскій полкъ, гдѣ онъ впослѣдствіи жилъ и обзаводился хозяйствомъ. Здѣсь же, повидимому, Чарнышъ и

---

[1]) Синодикъ Любецкаго монастыря, изд. Черниг. губ. арх. комм., Черниговъ. 1902, стр. 52.

[2]) Обозрѣніе Румянцевской описи, стр. 258.

высмотрѣлъ себѣ невѣсту. Это была Елена, дочь Степана Прокофьевича Гречанаго, служившаго въ 1663—65 годахъ генеральнымъ писаремъ у Брюховецкаго [1]); кромѣ того, невѣста Чарныша приходилась родной племяницей стольнику и полковнику харьковскому Өедору Донцу-Захаржевскому [2]). Когда и какимъ образомъ состоялось сватовство и затѣмъ женитьба Чарныша—неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ этотъ бракъ для Чарныша былъ очень выгоденъ, ибо тесть его Степанъ Гречаный былъ человѣкъ вліятельный и зажиточный. Универсаломъ гетмана Мазепы 27 августа 1688 года дано было п. Стефану Гречаному, «значному и заслуженому въ Войску Запорожскомъ товаришевѣ: село Римаровка въ уѣздѣ гадяцкомъ знайдуючоеся, да подъ тимъ селомъ, на греблѣ, на рецѣ Грунѣ, млинъ стоячой, два кола, да село Борки зо всѣми до нихъ належитими приналежностями, грунтами поліовими, сѣножатми и всякими угодіи» [3]), а въ слѣдующемъ году гетманъ выхлопоталъ на эти имѣнія и царскую грамоту. Хотя у Гречанаго были сыновья, но тѣмъ не менѣе Чарнышъ могъ разсчитывать получить отъ тестя что-либо за женою и этотъ бракъ поставилъ сразу же на твердое основаніе его благосостояніе. Что касается до того, какое положеніе занималъ Чарнышъ въ это время, то на этотъ вопросъ отвѣтить трудно: свѣдѣній, касающихся первыхъ годовъ выступленія его на арену жизни, очень мало. Въ царской грамотѣ 1718 года, подтверждающей его имѣнія, между прочимъ имѣется указаніе на то, что дѣдъ и отецъ Чарныша участвовали въ чигиринской баталіи, а онъ самъ отъ малыхъ лѣтъ служилъ и былъ при взятіи Казикермена и Тавани (1695), «такожъ по царскому указу посыланъ былъ къ солтану турецкому въ Царигородѣ и оттуду привезъ постановленіе тогда мирніе договори». Затѣмъ извѣстно, что въ 1698 году онъ былъ войсковымъ канцеляристомъ [4]), что позволяетъ думать, что онъ не лишенъ былъ

---

1) Маркевичъ, Исторія Малороссіи, т. III, изд. 1842 г., с. 207.

2) Любецкій Архивъ гр. Милорадовича, стр. 9.

3) Н. П. Василенко, Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Гадяцкаго полка, стр. 15—17.

4) Каталогъ музея В. В. Тарновскаго, стр. 247.

образованія, или, по крайней мѣрѣ, обладалъ хорошимъ почеркомъ и умѣньемъ составлять бумаги. Служа въ гетманской канцеляріи, Чарнышъ сумѣлъ обратить на себя вниманіе Мазепы и настолько серьезное, что тотъ въ 1701 году посылалъ его «въ обозъ царскаго величества къ великому государю, подъ Рукголдъ» [1]). Несомнѣнно, что такое порученіе могло быть дано только лицу, чѣмъ-либо особеннымъ обратившему на себя вниманіе гетмана и сумѣвшему заслужить довѣріе его. Гетманъ настолько цѣнилъ Чарныша, что въ 1700 году назначилъ его даже «господаремъ гадяцкого замку», т. е. управителемъ имѣній, принадлежавшихъ гетману. На эту должность обыкновенно назначались люди ловкіе и расторопные, которые, лично служа гетману, пробирались затѣмъ и въ старшину [2]). Занимая должность управителя гетманскихъ имѣній, Чарнышъ имѣлъ возможность развернуть всѣ свои способности, чѣмъ онъ и пользовался, стараясь угождать какъ своему патрону, такъ и вообще людямъ богатымъ и вліятельнымъ. Господаремъ у Мазепы Чарнышъ пробылъ до 1703 года, и за это время сохранились его два письма къ Ивану Забѣлѣ; въ одномъ изъ нихъ (1701 г.) онъ, между прочимъ, увѣдомляетъ его о томъ, что присланное Забѣлой въ подарокъ гетману мартовское пиво принято «до пивницѣ велможного добродѣя» и что съ этого «обзсланья вдачень есть велце ясневелможній добродѣй панъ гетманъ и рейментарскою ласкою и респектомъ пріобѣцуетъ вм. мосцѣ пану нагорожати» [3]). Служа у гетмана, Чарнышъ успѣлъ заслужить его довѣріе, но, видимо, господарство ему было не совсѣмъ по душѣ, и онъ жаждалъ быстраго возвышенія, чего ему не могла дать служба у гетмана, имѣвшаго уже въ это время замыслы о политическомъ переворотѣ. Поэтому

---

[1]) Лазаревскій, Описаніе старой Малороссіи, т. I, стр. 313.

[2]) Напримѣръ, Михаилъ Турковскій, бывшій впослѣдствіи генеральнымъ писаремъ. Степанъ Трощинскій, будущій гадяцкій полковникъ и другіе.

[3]) Кіевская Старина 1883 г., т. VI, стр. 530, 533. Подлинники писемъ Чарныша хранятся въ музеѣ В. В. Тарновскаго въ Черниговѣ (Каталогъ его, стр. 247).

Чарнышъ оставилъ господарство и принялъ участіе въ войнѣ со шведами. Въ 1705 году онъ уже былъ какимъ-то козацкимъ начальникомъ [1]) и назывался даже полковникомъ. Вмѣстѣ съ гетманскимъ племянникомъ Войнаровскимъ Чарнышъ одно время находился въ Гроднѣ, а Мазепа въ Дубно, причемъ Чарнышъ прислалъ гетману письмо и копію съ указа, по которому будто-бы два козацкіе полка, Кіевскій и Прилуцкій, посылались въ Пруссію для изученія ратнаго дѣла и для перестроенія ихъ впослѣдствіи по образцу драгунскихъ полковъ [2]). Въ слѣдующемъ году Чарнышъ участвовалъ въ калишскомъ сраженіи, затѣмъ рѣшилъ, по всей вѣроятности, что послужилъ довольно и потому сразу же заявилъ притязанія на стародубское полковничество, урядъ котораго остался вакантнымъ послѣ смерти Михайла Миклашевскаго, убитаго въ 1706 году подъ Несвижемъ [3]).

Хотя Чарнышъ лично былъ извѣстенъ царю, но тѣмъ не менѣе онъ все-таки былъ въ это время опять лишь войсковымъ канцеляристомъ и потому его притязанія на полковничій перначъ были нѣсколько преждевременными. Но Чарнышъ былъ вообще неразборчивъ въ средствахъ и плохо разбирался въ окружающей его обстановкѣ. Надѣясь на поддержку гетмана, онъ поѣхалъ хлопотать о полковничествѣ въ Москву, гдѣ тогда находился царь, и отъ имени гетмана сталъ просить о назначеніи своемъ въ Стародубъ. Благодаря лично пріобрѣтеннымъ связямъ и умѣнью угождать лицамъ, власть имущимъ, Чарнышъ заручился обѣщаніями объ удовлетвореніи своего ходатайства и съ тѣмъ собирался вернуться на родину. Но онъ ошибся въ своихъ разсчетахъ, такъ какъ гетманъ разбилъ его

[1]) Письма и бумаги императора Петра Великаго, т. III, С.-Пб. 1893; стр. 928, письмо Корчмина отъ 27. VIII. 1705 г. къ Петру въ Митаву: «И я лутче козаковъ радъ ихъ лошадямъ; посланной отъ вашей милости началникъ козацкой господинъ Чернышъ пріѣхалъ до меня вечоръ средь лѣсу».

[2]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. III, стр. 1489.

[3]) Черниговская лѣтопись по новому списку, стр. 23.

надежды, представивъ царю своего кандидата—генеральнаго есаула Ивана Скоропадскаго. Дѣло въ томъ, что Мазепѣ, задумавшему планъ измѣны, нужно было имѣть въ лицѣ Стародубскаго полковника, коему подчинялся одинъ изъ самыхъ большихъ полковъ, человѣка себѣ угоднаго, или въ достаточной степени безличнаго; не найдя человѣка первыхъ качествъ, Мазепа выбралъ Скоропадскаго, человѣка, какъ извѣстно, мало энергичнаго, слабаго характеромъ. Гетманскій кандидатъ получилъ утвержденіе, а Чарнышу, такимъ образомъ, пришлось возвратиться на родину ни съ чѣмъ. Раздраженный противъ гетмана, онъ по возвращеніи изъ Москвы сталъ распускать слухи о томъ, что полковничество ему пожаловано помимо воли гетмана, причемъ, вѣроятно, не упустилъ случая не совсѣмъ хорошо отозваться и о самомъ гетманѣ. На это обстоятельство намекаютъ письма Мазепы къ графу Головкину и Шафирову о томъ, что Чарнышъ будто бы «всѣвалъ многіе плевелы о имени монаршемъ и иные многіе непристоинства къ возмущенію народа малороссійскаго». Поѣхавъ, затѣмъ, въ Москву, гетманъ добился у царя разрѣшенія судить Чарныша «по воинскимъ правамъ»; но, вѣроятно, бывшій канцеляристъ успѣлъ вымолить у гетмана прощеніе при помощи какого-либо подарка, и онъ, кажется, не былъ и вовсе преданъ суду. Съ этихъ поръ Чарнышъ пересталъ быть войсковымъ канцеляристомъ, окончательно, повидимому, разойдясь съ гетманомъ.

Скоро послѣ того онъ былъ замѣшанъ въ дѣлѣ Кочубея и Искры и едва не поплатился головой. Въ грамотѣ отъ 20-го апрѣля 1708 года царь Петръ писалъ гетману слѣдующее: «И понеже по тому розыску явились въ томъ же воровствѣ приличные полковникъ миргородскій Апостоленокъ и бывшій канцеляристъ Чарнышъ, того ради повелѣваемъ, дабы ты, вѣрной подданной нашъ, оныхъ немедлено взявъ за крѣпкой караулъ, а по разсмотрѣнію своему и сковавъ, у себя державъ, гдѣ пристойно, или послалъ въ Кіевъ къ воеводѣ князю Голицыну, пока привезены будутъ отсюда выше помянутые воры Кочубей и Искра» [1]).

---

[1]) Маркевичъ, Исторія Малороссіи, изд. 1842 г., т. IV, с. 183.

На основаніи этого указа Чарнышъ былъ схваченъ, закованъ въ кандалы и посаженъ въ тюрьму въ Бѣлой Церкви, гдѣ тогда находился и самъ гетманъ. На допросахъ Чарнышъ признавалъ себя совершенно непричастнымъ къ дѣлу Кочубея, утверждая, что Головкинъ и Шафировъ изъ личной немилости къ нему посылаютъ указы ему на погибель. Гетманъ, конечно, не преминулъ о словахъ бывшаго канцеляриста довести до свѣдѣнія всесильнаго въ то время Головкина и Шафирова. Надо думать, что Чарнышъ дѣйствительно не былъ причастенъ къ доносу на гетмана. Въ розыскѣ о немъ указано было только на слѣдующее. На допросѣ 19-го апрѣля Искра показалъ, что онъ не знаетъ достовѣрно, кто изъ старшинъ по преклонности къ Мазепѣ не доноситъ о его измѣнѣ и прибавилъ: «а ежели-бъ былъ Чарнышъ, то-бъ онъ пространнѣе о томъ донесть могъ, ибо о томъ онъ съ нимъ (Искрой) часто говорилъ, и естли-бъ онъ вѣдалъ о ихъ поѣздѣ, то-бъ и онъ былъ съ ними». Петръ Яценко, въ допросѣ 21-го апрѣля, показалъ, что въ концѣ 1707 года Чарнышъ посылалъ къ полтавскому протопопу своего человѣка съ письмомъ, къ которому была приложена и особая «цидула», а въ ней стояло, что «великаго государя указу было великое поруганіе, плеваніе и смѣяніе, а сказывалъ протопопъ, что Чарнышъ сіе письмо писалъ о гетманѣ». Въ этихъ двухъ «пунктахъ» и заключалась вся прикосновенность Чарныша къ дѣлу Кочубея и Искры. Трудно предполагать, чтобы Чарнышъ выказалъ себя активнымъ лицомъ въ этомъ дѣлѣ, зная его всю послѣдующую дѣятельность, основнымъ мотивомъ которой была ненасытная алчность. Тѣмъ не менѣе надо удивляться, какимъ образомъ онъ выпутался изъ этого опаснаго дѣла. Съ гетманомъ въ это время онъ находился въ полномъ разрывѣ, графъ Головкинъ и Шафировъ были раздражены противъ него за его нареканія, будучи извѣщаемы о томъ самимъ гетманомъ,—а все-таки Чарнышъ ничѣмъ, кромѣ тюрьмы, не поплатился за участіе въ доносѣ, тогда какъ другіе участники, даже слуги и писаря доносчиковъ, потерпѣли строгую кару... Самъ Чарнышъ видѣлъ свое «спасеніе отъ бѣдъ» въ заступничествѣ и помощи Божіей Матери. Разсказывая о томъ, что

онъ чувствовалъ, сидя въ оковахъ въ Бѣлоцерковской тюрьмѣ и видя казнь Кочубея и Искры, не надѣясь на иную помощь, какъ только свыше, онъ сообщаетъ о томъ, какъ женѣ его, томимой страшнымъ безпокойствомъ объ участи мужа, явилась «въ тонкомъ снѣ» сама Богородица и сказала ей, что мужъ ея будетъ освобожденъ. И дѣйствительно, Чарнышъ былъ освобожденъ въ тотъ самый день, когда его женѣ было чудесное видѣніе, т. е. 18-го іюля, на третій день послѣ казни Кочубея и Искры [1]). Кто былъ его дѣйствительнымъ освободителемъ—мы не знаемъ. Быть можетъ самъ Мазепа, знавшій хорошо ловкость и пронырливость Чарныша, освободилъ его изъ тюрьмы, надѣясь милостью этой привлечь его на свою сторону.

Выпутавшись такъ счастливо изъ бѣды, Чарнышъ, именовавшійся знатнымъ войсковымъ товарищемъ, снова попытался добиться уряда стародубскаго полковничества, ставшаго вакантнымъ послѣ избранія гетманомъ Скоропадскаго, но не встрѣтилъ поддержки у гетмана. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Скоропадскому Головкинъ 15-го января 1709 года пишетъ: «Что-же изволилъ ваша вельможность писать въ цыдулѣ своей о Чарнышѣ, дабы ему не быть въ полковникахъ стародубовскихъ, понеже полчане того требуютъ, а быть-бы сотнику новгородскому (Лукьяну Жоравкѣ), и его царское величество повелѣлъ быть въ Стародубѣ полковнику по прежнему указу сотнику новгородскому, а отъ Чарныша о томъ и прошенія намъ не было» [2]). Такимъ образомъ и во второй разъ Чарнышъ не успѣлъ въ своемъ исканіи Стародубскаго полковничества. Въ полку, гдѣ онъ хотѣлъ быть полковникомъ, онъ былъ совершенно чужимъ человѣкомъ, а изъ сильныхъ людей ему не на кого было опереться, тогда какъ его конкуррентъ Жоравка, по преданію, оказалъ услугу царю въ Мазепину измѣну, сдавъ ему Новгородсѣверскъ, укрѣпленный Мазепою [3]).

---

[1]) Кіевская Старина, 1893 г., т. 59.

[2]) Матеріалы Судьенка, II, 105.

[3]) А. Лазаревскій, Описаніе Ст. Малороссіи, т. I, 38.

Сохранилось преданіе[1]), что съ извѣстіемъ объ избраніи новаго гетмана, Чарнышъ былъ посланъ къ крымскому хану и запорожцамъ по назначенію самаго царя. Возвращаясь изъ Крыма, Чарнышъ заѣхалъ къ державшимъ сторону шведовъ запорожцамъ въ Сѣчь, гдѣ атаманъ Гордѣенко арестовалъ его и выдалъ шведамъ, а послѣдніе размѣняли его на своихъ плѣнныхъ при сдачѣ шведскаго войска подъ начальствомъ Левенгаупта князю Меньшикову подъ мѣстечкомъ Переволочной. Изъ этого преданія можно вѣрить только тому, что Чарнышъ дѣйствительно посылался кѣмъ-то въ Крымъ, но зачѣмъ, неизвѣстно[2]). Взамѣнъ стародубскаго полковничества гетманъ далъ Чарнышу по универсалу 2-го марта 1709 года въ батуринской сотнѣ село Митченки: «Ознаймуемъ, ижъ п. Иванъ Чарнишъ, знатній войсковій товаришъ, понесши подъ часъ руины батуринской въ добрахъ и хуторахъ своихъ, около Батурина будучихъ, разореніе, просилъ насъ для подпоможеня своихъ шкодъ и убытковъ о надане села Митченокъ; мы теди, тому его прошенію давши у себе мѣстце, тое село Митченки ему, п. Чарнышеви, въ подданское владѣніе надаемъ» — [3]). Трудно предположить, чтобы понесенные Чарнышемъ убытки были такъ велики, чтобы у него было право на вознагражденіе за нихъ въ видѣ цѣлаго села подъ самымъ Батуриномъ. Въ это время Чарнышъ былъ вдовцомъ и по всей вѣроятности уже предназначался въ мужья гетманской падчерицѣ Евдокіи Константиновнѣ Голубъ, дочери генеральнаго бунчучнаго, отъ брака его съ извѣстной Настасьей Марковной, вышедшей вторично замужъ за Скоропадскаго, и гетманъ поэтому награждалъ своего будущаго зятя.

Не успѣвъ въ своихъ хлопотахъ о стародубскомъ полковничествѣ, Чарнышъ на «Полтавской баталіи» былъ уже гадяцкимъ полковникомъ. На этотъ разъ Скоропадскій, по всей вѣроятности, напомнилъ уже самъ царю о Чарнышѣ, и послѣдній назна-

---

[1]) Кіевская Старина 1884 г., т. 9, стр. 342—3.

[2]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. IV, стр. 32.

[3]) Лазаревскій, Описан. Стар. Малороссіи, т. II, стр. 277—78.

ченъ былъ на мѣсто Степана Трощинскаго, смѣщеннаго съ уряда за близость къ Мазепиному дѣлу. Сразу же по прибытіи въ Гадячъ Чарнышъ далъ почувствовать полчанамъ, какого полковника они себѣ получили. Въ іюлѣ 1709 года данъ былъ «рѣшительный» указъ гетману изъ посольской походной канцеляріи въ отвѣтъ на присланные отъ гетмана пункты, что «по докучному челобитью» жителей мѣстечка Котельвы, которое раньше принадлежало къ Гадячскому полку, опредѣлено то мѣстечко «для близости и удобства въ вѣдѣніе къ Ахтырскому полкꙋ», а въ февралѣ 1710 года графъ Головкинъ писалъ Скоропадскому: «Нынѣ били челомъ здѣсь его царскому величеству помянутого мѣстечка Котельвы жители, что гадячскій полковникъ Иванъ Чарнышъ въ то мѣстечко видѣніемъ вступается и пишетъ къ нимъ и нарочныхъ посылаетъ съ великими угрозами и прещеніемъ, чтобъ были ему во всемъ послушны, и прислалъ къ нимъ отъ себя сотника бывшаго котельвскаго Ивана Долгополова невѣдомо для чего; того ради я вашей вельможности симъ напоминаю, дабы вы изволили къ помянутому гадячскому полковнику послать универсалъ свой, чтобъ онъ и никто иной въ то мѣстечко Котельву не вступались и нимало къ оному видѣніемъ не интересовалися» [1]). Такъ неудачно окончилась попытка Чарныша присоединить къ своимъ владѣніямъ лишнюю сотню.

Получивъ въ свои руки полковничій перначъ, Чарнышъ уже могъ оффиціально посвататься къ гетманской падчерицѣ Евдокіи Голубовнѣ. Когда состоялась свадьба его, въ точности неизвѣстно, но въ ноябрѣ 1710 года имъ былъ выданъ «записъ» своей будущей женѣ, въ которомъ онъ писалъ:--«поймуючи я въ доживотное сожителство еи мосць благородную панну Евдокію

---

[1]) Матеріалы Судьенка, II, 145—6. Гадяцкій полкъ, какъ извѣстно, почти цѣликомъ (кромѣ двухъ сотенъ—камышанской и рашевской) принадлежалъ на булаву гетманскую и такимъ образомъ Чарнышу нелишнимъ казалось забрать подъ свою власть третью сотню, ибо всѣ остальныя находились въ вѣдѣніи господаря гадяцкаго замка.

Константиновну Голубовну зъ дому висоцеповажного рейментарского ясневелможности его милости пана Іоана Скоропадского, гетмана, ясневелможной еи мосцѣ панеи Анастасіи Марковни, гетмановой, родителского, вручаю въ вѣчную опеку двохъ синовъ моихъ, съ первобрачною блаженной памяти панею малжонкою моею Еленою Гречановною, спложенныхъ, Ивана и Петра, власне единоутробной матери еи мосцѣ панеи Евдокіи Голубовнѣ». Далѣе Чарнышъ записалъ своей второй женѣ половину всѣхъ своихъ «добръ, власнимъ коштомъ зъ праци и заслугъ набутихъ, то есть: дворѣ, въ злотѣ, въ среблѣ, въ клейнотахъ, въ перлахъ, въ суконахъ, въ млинахъ, ставахъ, пасѣкахъ, лѣсахъ, степахъ, хуторахъ, бидлѣ и протчіихъ угодіяхъ господарскихъ», причемъ другая половина должна была достаться его двумъ сыновьямъ отъ перваго брака. «Если жъ вседаровитій Господь», говорилось въ концѣ записа, «подасть сполное имѣти потомство, теди при особѣ еи мосцѣ панеи Евдокіи захованши половину, зъ половини Ивана и Петра, синовъ моихъ, ровная половина новимъ отъ Бога дарованнимъ потомкамъ нашимъ всѣхъ добръ конечне половина бити». Конечно, Анастасія Марковна, выдавая свою дочь замужъ, сумѣла вытребовать отъ Чарныша и это обязательство, по которому онъ завѣщалъ своей женѣ половину не только бывшихъ въ то время его «добръ», но и тѣхъ, которыя «подай Господи Боже въ долголѣтномъ пожитіи набути»—[1]). За женою же своей Чарнышъ получилъ большую скуплю Голубовъ подъ селомъ Подоловымъ, кролевецкой сотни, Нѣжинскаго полка [2]).

Надо думать, что Чарнышъ съ полученіемъ полковничества ощущалъ особенное удовольствіе бытія и считалъ, войдя въ близкія родственныя отношенія съ гетманомъ, свое благополучіе навѣки устроеннымъ. По крайней мѣрѣ, въ 1710 году онъ приказалъ сдѣлать серебряную ризу на той иконѣ, которая спасла его отъ бѣдъ и отъ кары за участіе въ Кочубеевскомъ дѣлѣ и пе-

---

[1]) Любецкій архивъ, стр. 1—2.

[2]) А. Лазаревскій, Опис. Стар. Малор., II, 386.

редъ которой молилась первая его жена, и вырѣзать на ней вирши, въ которыхъ выставлялъ себя какъ жертву гоненія измѣнника гетмана [1]):

Полковницствомъ Гадяча от Бога почтеній,
Іоанъ Чарнішъ, азъ бѣхъ егда обложеній
Желѣзы в Бѣлой-Церквѣ от лютейша звѣрных
Мазепи, полковництва раді от безмѣрных
Сылъ царя наданого Стародуба града,
За вѣрну мою службу,—се ми бысть отрада
Едина Дѣва Мати, къ Ней же взирахъ вину,
Дабы-мъ обрѣлъ свободы радостну годину.
Но не презри слезнаго, о Царыца славы,
Риданія: въ то время, в онь же ма избавы,
Явися во снѣ тонкомъ моей супружницѣ,
Свѣтлѣйшіми от солнца украшенна вѣнцы,
Глаголющи: «Не бойся! От сѣты ловляща,
Акы птенецъ, изиде из руки губяща:
Твой господинъ воскори, умолих бо Сына,
Яко избавлен (будетъ) от узъ; тому вина
Сей ест, Егоже зрішы на рукахъ, преславній
Судія, злим отмстітель, Богу отцу равній.
Внегда прейдетъ в радосты путы сіе тѣсны,
Воспоетъ Богу и Мнѣ побѣдные пѣсны».
Збавлень от бѣдъ, услішахъ сей глас торжественій,
Верху защищенія Дѣвы подложеній.
Сію исповѣдую чудотворну быти,
Юже со Сыномъ долженъ во вѣки хвалити.

Року Божого ҂афі (1710), мца юля дня иі (18).

Однако, какъ ни было прочно положеніе Чарныша въ Гадячѣ, ему вскорѣ же пришлось столкнуться съ человѣкомъ, не менѣе его убѣжденнымъ въ безнаказанности своей. Это былъ из-

[1]) Кіевская Старина 1897 г., т. 59.

вѣстный протопопъ Лисовскій [1]), пожалованный, по его словамъ, на протопопство въ Гадячъ «за вѣрность» въ измѣну Мазепину. Само собой разумѣется, что такой соперникъ по вліянію и самовластію въ Гадячѣ Чарнышу былъ очень нежелателенъ, и между этими двумя лицами завязалась борьба, окончившаяся, благодаря вмѣшательству царя, благополучно для обоихъ. Характеръ Лисовскаго и его притязанія прекрасно обрисовываются въ жалобѣ гадячскихъ священниковъ, поданной гетману: «Присемъ же похваляется» (пишутъ они про Лисовскаго), «же не ради протопопства одного тутъ зосланъ, але ради всѣхъ управленій и постереганя и преслѣдованя змѣни, самъ и архіерей и гетманъ именуючися!» Чарнышъ, конечно, принялъ сторону священниковъ и съ своей стороны посылалъ гетману извѣты на протопопа, яркими красками изображая беззаконныя дѣянія Лисовскаго. Вотъ одинъ изъ нихъ: «Не разъ уже передъ симъ доносилъ я вашей ясневельможности и письменно, и словесно, по требованію всей гадяцкой громады, что богомолецъ нашъ не токмо по смертнихъ, певнихъ убійствахъ, самовольныхъ околѣченіяхъ людскихъ и безсовѣстныхъ окривавленіяхъ, при всечастнихъ погибельныхъ перехвалкахъ, неправилного своего не поправуетъ поступку, лечъ ясно, явно, безъ стида и страха божія, злодѣйствомъ бавячися, во горшое преуспѣваетъ: нѣкого нѣ за що вомѣняючи, одинъ бичъ надъ людьми невинними, аки во Израили Фараона себе поставляетъ!» Въ заключеніе этого письма, писаннаго въ 1712 году, Чарнышъ проситъ гетмана ходатайствовать у кого слѣдуетъ, «дабы освободившися мы такого бодрого до коней и воловъ чужихъ богомолца, воспѣли градъ со людьми: лютыя работы избывъ Гадячъ и безмолвенъ поживе» [2])! Но на эти краснорѣчивыя письма гетманъ не давалъ отвѣта: онъ не имѣлъ власти судить Лисовскаго, поставленнаго царемъ на протопопство;

---

[1]) О немъ см.: С. Моравскій, Ѳедоръ Лисовскій (1709—1722), очеркъ изъ внутренней исторіи Малороссіи 1-й половины XVIII столѣтія, Кіевъ, 1891 (оттискъ изъ «Кіевской Старины»).

[2]) А. Лазаревскій, Описаніе Стар. Малор., I, 200.

къ тому же Лисовскій былъ лицо духовное. Въ концѣ концовъ различныя «плутни» Лисовскаго, среди которыхъ главное мѣсто занимало конокрадство, дошли (быть можетъ, не безъ стараній Чарныша) до вѣдома духовной власти, и изъ Кіева было наряжено надъ нимъ слѣдствіе, отъ котораго Лисовскій убѣжалъ, долго «плутался» около Гадяча и другихъ городовъ, а затѣмъ, когда узналъ, что судьи пріѣхали въ Гадячъ и на розыскѣ подтвердились многія изъ его насилій,—«побѣгъ къ Москвѣ и тамъ змышленные плутовства своего пункта» на Чарныша, подалъ въ Сенатъ. Случилось это въ августѣ 1712 года. «Доношеніе» Лисовскаго [1]) о нѣкоторыхъ «противныхъ» поступкахъ Чарныша было направлено къ тому, чтобы обвинить своего врага въ «государевомъ дѣлѣ». Въ своемъ доносѣ онъ, между прочимъ, пишетъ, что Чарнышъ, узнавъ о его намѣреніи ѣхать въ Москву съ доносомъ. «хотѣлъ его посадить подъ колоколню въ яму и засыпать землею, и для поимки его въ городѣ Гадичѣ и около дворовъ его загородныхъ, и хуторовъ, и вездѣ по дорогамъ посланы были отъ него, полковника, козаки, и приказано его ухватя, гдѣ ни есть, безвѣстно погубить, о чемъ онъ, протопопъ увѣдавъ, ушелъ въ городъ Каменское къ воеводѣ, и воевода каменскій, давъ ему провожатыхъ, отпустилъ его къ Москвѣ, которому онъ о вышеупомянутыхъ своихъ нуждахъ сказывалъ». «И полковникъ—де и паки на него рнясь, домъ его и деревни всѣ разорилъ и крестьянъ его посажалъ въ тюрьму». Самымъ важнымъ пунктомъ обвиненія Чарныша въ доносѣ протопопа было слѣдующее обстоятельство: «Въ нынѣшнемъ 1712 году, въ день тезоименитства великаго государя святыхъ верховныхъ апостолъ Петра и Павла», писалъ Лисовскій, «служилъ онъ въ городѣ Гадячѣ въ соборной церкви Богоявленія Господня по литургіи за его государево здравіе молебенъ соборный, на который гадичскій полковникъ Иванъ Чарнышъ не пришелъ и изъ пушекъ стрѣлять не велѣлъ, и съѣхалъ

---

[1]) Полный доносъ Лисовскаго напечатанъ въ «Матеріалахъ военно-ученаго архива Гл. Штаба», т. I; Судьенко, Матеріалы, II, 210—215; А. Лазаревскій, Опис. Стар. Малор., I, 200—201.

въ маетность свою». Замѣтивъ отсутствіе полковника, Лисовскій спросилъ о причинѣ его у есаула Грабянки, а тотъ объ этомъ сказалъ Чернышу; послѣдній послѣ этого и хотѣлъ посадить Лисовскаго подъ колокольню и засыпать землею, зная, что протопопъ не преминетъ по своей враждѣ къ нему донести объ этомъ кому слѣдуетъ... Далѣе Лисовскій писалъ, что Чарнышъ, «старшихъ Гадячскаго полку полковыхъ особъ, которыя служили царскому величеству вѣрно, а именно: полкового судью Василія Велецкаго изъ города выгналъ, да писаря полкового Степана Залескаго билъ дубьемъ, а жену его плетьми смертнымъ боемъ, и изъ города выгналъ, и маетности у него взялъ и инымъ тамошнимъ жителямъ многія обиды и грабежи и разоренія чинитъ непрестанно; а вмѣсто ихъ въ тотъ полкъ принялъ на судьино мѣсто есаула полкового Василія, а въ есаулахъ велѣлъ быть измѣннику запорожцу Мартыну Штыху, который пріѣхалъ изъ Крыму; да Гадячскаго полку козаку измѣннику жъ (а какъ его зовутъ и чей сынъ и прозвищемъ, не вѣдаетъ) велѣлъ быть въ городѣ Гадичѣ городничимъ, который и понынѣ тамъ городничимъ». Кромѣ этихъ насилій, Чернышъ въ доносѣ Лисовскаго обвиняется еще и въ измѣнѣ: «А измѣна его такая, что во время бытности Шведскихъ войскъ въ Гадичѣ подводилъ подъ городъ Веприкъ шведовъ, и тотъ городъ шведами взятъ, и многихъ малороссійскаго народу людей, которые служили царскому величеству вѣрно, мучилъ и ихъ и пожитки ихъ отдавалъ шведамъ, и на подъѣзды подъ войска царскаго величества шведовъ проводилъ, а по дорогамъ, гдѣ имъ идтить, ставилъ тычки для знаку, и черезъ рѣки для опыту, крѣпокъ-ли ледъ,—по льду возилъ куфы съ водою, чтобъ шведы не проломились».

Ужъ, кажется, этихъ тяжкихъ обвиненій было достаточно для того, чтобы уничтожить гадяцкаго полковника, но Лисовскому казалось мало этого: онъ увѣрялъ, что въ его полковничьей маетности, въ селѣ Боркахъ, его полковничій котельникъ дѣлаетъ копѣйки мѣдныя московскія государева герба изъ красной мѣди и лудить, а по чьему велѣнію тѣ деньги онъ дѣлаетъ—прибавлялъ Лисовскій—и куда ихъ дѣваетъ,—о томъ онъ самъ

скажетъ». Далѣе въ «доношеніи» Лисовскаго слѣдуетъ указаніе на насилія, дѣлаемыя Чарнышемъ козакамъ, которыхъ онъ заставляетъ работать на себя въ своихъ маетностяхъ, отъ чего «тѣ козаки разорились въ конецъ и лошадей измучили и (главное) служить имъ стало не на чѣмъ,—о чемъ подлинно будутъ бить челомъ сами»—и, наконецъ, доносъ на Чарныша за взятки: «въ городѣ Гадичѣ подписокъ его полковничій Иванъ Криницкій у вдовы Ульяны дочь, дѣвочку шести лѣтъ, растлилъ, и за то она вдова ему полковнику била челомъ, и онъ, полковникъ, съ того подписка взялъ сто ефимковъ и безъ наказанія и безъ суда его освободилъ. И которые своевольники чинятъ убійства и женамъ и дѣвкамъ насиліе,—изъ тѣхъ онъ, полковникъ, емлетъ себѣ взятки, а ихъ безъ наказанія и суда освобождаетъ, а что кому учинено,—о томъ явно будетъ по ихъ челобитнымъ»...

Нельзя, конечно, вполнѣ вѣрить извѣтамъ озлобленнаго протопопа, но весьма возможно, что Чарнышъ, получивъ, наконецъ, возможность удовлетворять своимъ алчнымъ наклонностямъ, и былъ виноватъ въ томъ, въ чемъ его обвинялъ протопопъ... Какъ-бы-то ни было, но челобитной Лисовскаго былъ данъ ходъ: списокъ съ нея былъ пересланъ Головкинымъ Скоропадскому съ приказомъ разсмотрѣть ее по пунктамъ и «освидѣтельствовать подлинно». «А межъ тѣмъ (писалъ Головкинъ гетману), пока тотъ розыскъ чиниться тамо будетъ, извольте ваша вельможность полковнику Ивану Чернышу велѣть побыть при себѣ въ Глуховѣ, дабы во отбытіи его оттуду наилучшимъ образомъ тотъ розыскъ продолженъ и окончанъ былъ и не могъ бы никто послѣ нарекать, чтобъ кто за присутствіемъ его, полковника, съ боязни неправду въ розыску отважился сказать; полковнику жъ Ивану Чернышу извольте приказать, чтобъ онъ помянутого гадячскаго протопопа женѣ никакихъ обидъ, разоренія и нападковъ не чинилъ, и ежели что у него взято съ пожитковъ или маетностей его, то бъ онъ все ему возвратилъ, покамѣстъ по тому розыску увидится, чья сущая правда» [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Головкинымъ по-

[1]) Судьенко, Матеріалы, II, 210—11.

ручалъ гетману на розыскъ отправить кого-либо отъ себя вмѣстѣ съ опредѣленнымъ офицеромъ отъ Протасьева, состоявшаго при гетманѣ.

Вскорѣ и самъ Лисовскій прибылъ изъ Москвы для обвиненія полковника. Вернулся онъ на родину съ какимъ-то подьячимъ и съ указомъ, коимъ повелѣвалось гетману, коменданту Глуховскому князю Гагарину и стольнику Протасьеву «тое его доношеніе по существенной правдѣ розыскать». Дальнѣйшее движеніе дѣла видно по одной изъ челобитныхъ Чарныша, поданныхъ имъ на Лисовскаго: «И взятъ я, полковникъ, — разсказываетъ Чарнышъ,— з старшиною полковою, з козаками, з мѣщанами, з попами и черноризцами въ Глуховъ и противъ его плутовскихъ наносовъ допрашиваны мы были предъ Гагаринымъ, Протасьевымъ и генеральнымъ судьей, писаремъ и асауломъ, и по его ложнымъ доношеніямъ ніякой на насъ не взыскано вынности, а на его протопопа явлени за руками и печатми майстратовыми и живыми свидѣтелми в лице ему о двоеженствѣ, чего и самъ онъ не запирается, также о воровствѣ, в кого лошади покралъ, в кого волы и коровы, з якими ворами на воровство ѣжувалъ, а зворовавши, гдѣ тые лошади и воли дѣвалъ, кому продавалъ, другимъ за горѣлку мѣнялъ, третьимъ за котли мѣдные промѣневалъ» [1]). Розыскъ, начатый въ 1712 году, продолжался довольно долго и подъ конецъ его «для существеннѣйшаго розыску и очнаго видѣнія», былъ посланъ въ Гадячъ полковникъ Вестовъ съ товарищи, «а мене, полковника (писалъ Чарнышъ въ челобитной), з товарищи потоль держано въ Глуховѣ, поколь по всему полку розыскъ чинено по ложнымъ его протопоповымъ наносамъ, который пріѣхавши въ Гадячъ, собиралъ предъ себе всю старшину, урядниковъ, козаковъ, мѣщанъ, и всякаго чина свѣцкихъ людей, поповъ и черноризцевъ, и отъ себе посылалъ во всѣ города и села солдатъ, которые въ колокола церковніе, по городахъ и селахъ ѣздячи, дзвонили, велегласно говорячи и на письмѣ указомъ ва-

---

[1]) С. Моравскій, Ѳ. Лисовскій, стр. 7—9.

шего царскаго пресвѣтлаго величества, по десяти разъ читаючи, приказовали, чтобы на едного полковника приносили челобитія».

Такую картину торжества Лисовскаго рисуетъ Чарнышъ въ своей челобитной. Но несмотря на это, челобитныя во множествѣ подавались на самого Лисовскаго,—до того онъ былъ ненавистенъ гадячанамъ за свои насилія. Сторону Лисовскаго держалъ и Вестовъ, «отвѣтуючи, же нѣтъ мнѣ указу на протопопу челобитя пріймать». Въ Гадячѣ Вестовъ пробылъ цѣлую недѣлю, а когда «з Гадяча имѣлъ выѣздити, тогды его-жъ протопопа Лисовского баба, (т. е. жена) во время звоненя на набожество утреннее ночю въ челобитной своей написанніе байки принесла и ему полковнику Вестову тайно отдала; а когда подалъ Богъ свѣтъ, и старшина гадяцкая з жителями тамошними, извѣстившися о томъ неправедномъ челобитю, просили его, полковника Вестова, дабы онъ тую челобытную велѣлъ вычитать, а мы, мовятъ, на всякое въ ней написанное ложное слово праведній за руками нашими з очисткою учинимо отвѣтъ, на которой старшины гражданъ гадяцкихъ вопросъ онъ, полковникъ Вестовъ, таковый учинилъ отвѣтъ: «Въ челобитной, мовитъ, отъ попадѣ бабы Лисовской поданной, дѣла нѣтъ, читать нечего, и уже оная до возка схована». И старшина ему, полковнику Вестову, повторне отказали: «Если в нюй дѣла нѣтъ, то ненадобно еи и пріймать, а если принята, то надобно еи обявить намъ, и мы противъ всего того готови будемъ учинить очиску». Вестовъ и паки бабиной челобитной не обявивши, отъѣзжалъ з Гадяча въ Глуховъ».—«Да онъ-же, протопопъ Лисовскій, мене, вѣрнаго вашего царского пресвѣтлаго величества слугу, безчестилъ тимъ, клевещущи всенародно, будто я, полковникъ, герба государева денги дѣлавъ, и якъ въ прочіемъ, такъ и въ томъ его протопопова явная есть неправда: понеже тотъ котелникъ скоро з воровскими копѣйками на ратуши гадяцкой освидѣтельствованъ засталъ и мнѣ полковнику о томъ з ратуши объявлено; того жъ часу я велѣлъ котелника крѣпко заковать и до ста ударовъ дубьемъ безъ пощады велѣлъ бить, допрошуючи, якъ давно воровскіе денги началъ дѣлати, сколь много и с кимъ дѣлалъ, и хто о томъ бы зналъ; который котелникъ подъ немило-

стивымъ боемъ, якъ тамъ передо мною, полковникомъ, и передъ прочіею старшиною, такъ и въ Глуховѣ, скованный, з денгами воровскими и рецептами отъ мене присланный, на ратуши глуховской и передъ княземъ Гагариномъ и столникомъ Протасьевымъ въ килкахъ допросахъ однаково жъ сказалъ; и сказка его есть особно записана и его самого котелника послано з Глухова къ Москвѣ въ приказъ посолскій къ крайнему допросу». Оправдываясь такимъ образомъ, Чарнышъ въ заключеніе челобитной проситъ защитить его отъ безчестья Лисовскаго: «А мене, вашего царского пресвѣтлаго величества полковника, вѣрнаго раба и слугу, ему, протопопу, явному вору и весьма никчемному ябеднику и плуту, такимъ безчестнымъ клеветаніемъ и другими его плутовскими напрасно-злобными наносами не доводилося бы безчестить и измишленными клеветами въ народѣ тривогъ и смятенія затѣвати». Перечисливъ, затѣмъ, службы отца и свои собственныя, Чарнышъ заключаетъ свою челобитную воззваніемъ: «Только и паки стократно пренайпокорнѣй васъ, великого государя, ваше царское пресвѣтлое величество, со слезами прошу: умилосердися, великій государь, при вѣрной многой службѣ моей на мене и на ввесь полкъ мой и повели милостиво вовся оборонити мене з многими тысячами вѣрными рабы своими и богомолцами, полчанами моими, отъ такого ябедника, явного вора, двоеженца и плута, протопопа гадяцкого Лисовскаго, на котораго біа челомъ, у стопъ ногъ монаршихъ со слезами упадаю!» [1]).

Приведенная челобитная подана была Чарнышемъ уже въ 1714 году; она возбудила вопросъ о двоеженствѣ Лисовскаго и его, наконецъ, убрали изъ Гадяча, назначивъ сотникомъ въ Новгородъ-Сѣверскъ. Что же касается Чарныша, то несмотря на то, что слѣдствіе произведено было, какъ мы видѣли, строгое и слѣдователи держали руку Лисовскаго, онъ остался на полковничествѣ и ничѣмъ не пострадалъ; должно быть, слѣдствіе ничего важнаго не обнаружило, а, кромѣ того, Чарныша спасла непа-

---

[1]) Ѳ. Лисовскій. С. Моравскаго, стр. 8—10.

висть полчанъ къ своему протопопу, который тѣснилъ ихъ еще больше, должно быть, чѣмъ самъ полковникъ.

Избавившись отъ своего соперника, Чарнышъ сталъ полновластно распоряжаться въ полку, увеличивая свои и безъ того уже значительныя богатства и маетности. Такъ, на рангъ ему принадлежали: мѣстечко Рашевка—300 дворовъ [1]), городъ Комишная—275; села Комышанской сотни: Гримячка—18, Остаповка—46 дворовъ; затѣмъ Скоропадскій отдалъ ему изъ принадлежавшихъ ранѣе на булаву, т. е. ему лично, какъ гетману: Хитцы—59, Плѣшивецъ—140, Будища—185, Капустинцы—169, Опанасовку,—101, Сергѣевку—108, Свинарную—60 и Вельбовку—92 двора. Кромѣ того, Чарнышъ получилъ еще въ бытность свою господаремъ у Мазепы изъ имѣній Гречанаго, брата своей жены, село Борки—191 дворъ, и съ 1709 года владѣлъ, какъ мы видѣли, селомъ Митченками, которыя были отобраны Скоропадскимъ для своего зятя у Батуринской ратуши. Какъ только Чарнышъ получилъ полковничество, гетманъ сталъ выдавать ему универсалы на различныя маетности, награждая ими своего зятя якобы за службы: 10-го января 1710 года Чарнышъ получилъ подтвердительный универсалъ на село Борки, «дворъ и при дворѣ байракъ съ саженкою, луками, левадою и полемъ пахатнымъ, и греблею на рѣкѣ Грунѣ, въ селѣ Буркахъ будущею, гай и ставокъ Куриловскій съ лугомъ Олшанскимъ, подъ селомъ обрѣтаючимися, греблю, прозиваемую Куличиху, съ луками и полемъ пахатнимъ; неподалеку села обрѣтающійся байракъ, прозваніемъ Біевецъ, со степю, около того байрака степъ, луки, завоміе Пробудка, лѣсъ Колитинецъ и инніи при томъ же селѣ Боркахъ угодія»,—а *на слѣдующій день* гетманъ далъ Чарнышу разрѣшеніе занять греблю на рѣкѣ Пслѣ для устройства мельницы [2]).

---

[1]) Данныя о количествѣ дворовъ и о принадлежащихъ Чарнышу деревняхъ заимствуемъ изъ „Генеральнаго слѣдствія о маетностяхъ Гадяцкаго полка (1729—1730 г.г.), изд. Н. П. Василенко, стр. 6, 7, 9, 38—39.

[2]) Каталогъ музея Тарновскаго, стр. 247.

Черезъ два года, 23-го августа 1712 года, Скоропадскій нашелъ возможнымъ прибавить Чарнышу изъ принадлежавшихъ къ гадяцкому замку, «за всегдашніе на урядѣ полковничества гадяцкаго тщателно дѣйствителніе труди и прислуги, «ко вспоможенію господарства. до ласки войсковой,—села Сары и Крутки, въ уѣздѣ гадяцкомъ будучіе», въ которыхъ по ревизіи 1729 года показано во Сарахъ—55, Круткахъ—32 двора.

Помимо полученія богатствъ изъ рукъ гетмана, Чарнышъ и самъ увеличивалъ ихъ, скупая у окрестныхъ жителей грунты. Особенное вниманіе свое онъ обратилъ на село Борки, владѣніе которымъ ему казалось самымъ прочнымъ, тогда какъ другія маетности были лишь ранговыя, т. е. принадлежавшія Чарнышу до тѣхъ поръ, пока онъ занималъ урядъ гадяцкаго полковничества. Такъ, въ 1711 году онъ купилъ у жителя броварскаго Демка Бутенка луку; въ 1712 году—отъ Наума Кошеленка лѣсъ; отъ Семена и Василія Михайловичей, жителей гадяцкихъ,—греблю на рѣкѣ Грунѣ съ прудомъ или ставомъ, и съ ловлею рибною, въ гору по греблю Римаровскую, съ млинами, съ дворомъ, лугомъ, лѣсомъ и садомъ, съ левадами въ селѣ Красной Луцѣ, около того жъ села съ лѣсами, лугами, полемъ пахатнимъ, степю и луговыми сѣнокосами»—и много другихъ мелкихъ грунтовъ. Само собой разумѣется, что Чарнышъ покупалъ земли не только у добровольныхъ продавцовъ, но, пользуясь своей властью, употреблялъ и насиліе, если встрѣчалъ препятствіе своему желанію округлить какую-либо маетность. Не имѣя наслѣдственныхъ имѣній, Чарнышъ, получивъ въ свои руки власть, спѣшно наживался. Особенно онъ тѣснилъ обывателей рашевскихъ и комышанскихъ, которые, занимаясь преимущественно ремеслами, отличались зажиточностью, чѣмъ Чарнышъ и пользовался, увеличивъ ихъ повинности. Когда, вслѣдъ за поставленіемъ Апостола гетманомъ, разнесся въ Гадячѣ слухъ, что полковникомъ туда будетъ назначенъ Гаврило Милорадовичъ, гадяцкая полковая старшина писала гетману, прося его не содѣйствовать этому назначенію: «Довольно натерпѣлись мы бѣдъ», писали они, «отъ Чарныша и Милорадовича, которые, наѣхавъ въ нашъ полкъ со стороны и желая

съ другими застарѣлыми полковниками въ богатствѣ сравняться, прежде всего стали добывать себѣ грунта, чѣмъ такъ стѣснили народъ, что чуть не пустъ остается нашъ полкъ теперь» [1]). Съ нѣкоторыми отдѣльными случаями насилій Чарныша мы познакомимся ниже.

Но не долго Чарнышъ мирно жилъ въ своихъ маетностяхъ, увеличивая свои богатства. Въ 1715 году на Чарныша были поданы доносы о его злоупотребленіяхъ и по разслѣдованіи оказались справедливыми; кромѣ того Петръ Великій хотѣлъ наградить извѣстнаго Михаила Милорадовича за услуги, оказанныя ему, и для этого рѣшилъ дать ему полковничій урядъ въ Малороссіи. Чарнышъ и раньше былъ извѣстенъ своими насиліями въ Москвѣ и хотя его, послѣ разслѣдованія доносовъ, и нельзя было держать болѣе на полковничествѣ, но царь не хотѣлъ обижать гетмана смѣщеніемъ его зятя, да еще за насилія, а, между тѣмъ, свободныхъ полковничьихъ урядовъ въ то время не было. Царь былъ поставленъ въ затруднительное положеніе, изъ котораго однако былъ найденъ исходъ, и въ январѣ 1715 года Головкинъ писалъ Протасьеву: «Надлежитъ вамъ гетману объявить, что когда онъ будетъ, по указу царскаго величества, выбирать и назначать въ генеральныя старшины, то между другими написалъ бы и зятя своего, гадяцкаго полковника Чарныша, потому что по доношеніямъ на него и жалобамъ въ обидахъ царское величество не изволитъ ему больше быть полковникомъ въ Гадячѣ; но сіе время мы терпимъ для гетмана, потому что отнятіе полковничества у зятя его не можетъ ему, гетману, быть безъ зазору. Надѣюсь, что господинъ гетманъ приметъ это объявленіе за знакъ моей къ нему пріязни, ибо лучше зятю его быть въ чинѣ генеральной старшины, нежели просто». Но Скоропадскій былъ тоже въ затрудненіи, такъ какъ всѣ уряды генеральные были заняты. Въ такомъ неопредѣленномъ положеніи Чарнышъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда 1-го іюля 1715 года была подписана царская грамота, назначающая его генеральнымъ судьей:

---

[1]) Кіевская Старина, 1882 г., т. I, стр. 497.

«Въ Малороссіи для управленія войсковыхъ генеральныхъ судовъ было прежде всегда по два человѣка, а теперь одинъ Туранскій, и тотъ уже старъ, и ему одному управлять не безъ трудности; о выборѣ въ генеральную старшину на праздныя мѣста писано было къ тебѣ, подданному нашему, однако по сіе время никто не выбранъ, а ты о томъ къ намъ не писалъ по сіе время. Поэтому мы, милосердуя о народѣ малороссійскомъ, дабы въ судахъ войсковыхъ не было какихъ затрудненій, указали быть другимъ судьею генеральнымъ полковнику гадяцкому Ивану Чернышу» [1]). 10-го іюля состоялось назначеніе замѣстителя Чарнышу—Михаила Милорадовича. О истинной подкладкѣ назначенія Чарныша генеральнымъ судьей не знали въ Малороссіи, и потому гетмана упрекали въ томъ, что онъ роздаетъ уряды своимъ родственникамъ. Новомлинскій сотникъ Шишкевичъ, между прочимъ, открыто заявлялъ: «Пусть гетманъ знаетъ, что своихъ родичей—одного генеральнымъ судьею, а другого—лубенскимъ полковникомъ (Марковичъ, братъ гетманши) наставилъ... У моего хлопца больше въ головѣ. чѣмъ у нихъ!» [2]).

Не хотѣлось Чарнышу покидать Гадяча... Хотя для взяточничества и наживанія денегъ новый урядъ генеральнаго судейства представлялъ обширное поле, все-же Чарнышъ былъ недоволенъ перемѣщеніемъ, теряя ранговыя маетности. Къ тому же, генеральный судъ находился въ Глуховѣ, гдѣ былъ гетманъ, а при немъ великороссійскіе чиновники... Въ виду этого Чарнышъ, вообще неразборчивый въ средствахъ, ведущихъ къ намѣченной цѣли, воспротивился назначенію Милорадовича. Поднимая вражду противъ своего замѣстителя, Чарнышъ опирался на свое свойство съ гетманомъ, который, какъ увидимъ, поддерживалъ его, но тѣмъ не менѣе Чарнышъ, возстановляя полчанъ противъ новаго полковника, дѣйствовалъ опрометчиво, непонимая, повидимому того, что Милорадовичъ назначенъ царскимъ указомъ и, слѣдовательно, удалить его изъ Гадяча нѣтъ возможности. Какъ-бы то ни было,

---

[1]) С. Соловьевъ, Исторія Россіи, т. IV, стр. 288, 289.
[2]) А. Лазаревскій, Опис. Стар. Малор., II, 287.

но Чарнышъ рѣшилъ идти противъ Милорадовича и когда тотъ пріѣхалъ въ Гадячъ, то Чарнышъ встрѣтилъ его, нанеся «безъ всякой причины многія безчестья». Скоропадскій очень былъ недоволенъ тѣмъ, что Милорадовичъ былъ назначенъ полковникомъ безъ его вѣдома, и 9-го августа 1715 года писалъ графу Головкину: «Увѣдомился я отъ царскаго величества, что на полковничество (гадяцкое) опредѣленъ иноземецъ господинъ Милорадовичъ, который, не вѣдая войсковыхъ ихъ порядковъ (а въ томъ полку люди посполитые издавна на гетманскую булаву належатъ), не похотѣлъ-бы интересоваться, но довольствовался-бъ особливо въ двухъ сотняхъ, рашевской и комишанской, людьми, также издавна на полковника опредѣленными». Написавъ это предостереженіе, подъ которымъ скрывалось желаніе избавиться отъ новаго полковника, Скоропадскій 24-го августа вновь писалъ Головкину съ ходатайствомъ за Чарныша, который просилъ, чтобы послѣ назначенія Милорадовича полковникомъ, «изъ тѣхъ двухъ сотенъ, на полковника надлежащихъ, одною (Милорадовичъ) правилъ, а другую Чарнышу оставить». Просьба эта мотивировалась тѣмъ, что «онъ, Чарнышъ, въ тѣхъ полковыхъ маетностяхъ многіе себѣ грунты и немалые заводы сдѣлалъ, а онъ гетманъ (присовокуплялось далѣе)—вмѣсто той полковничьей маетности Милорадовичу дастъ отъ себя». Конечно, все дѣло было въ томъ, что Чарнышу не хотѣлось разставаться со своими ранговыми маетностями....

Но всѣ эти хлопоты и гетмана и Чарныша не привели ни къ чему, и первому изъ нихъ былъ посланъ отвѣтъ, что Милорадовичъ на полковничество опредѣленъ уже давно, отправленъ туда и велѣно владѣть ему всѣми принадлежащими на урядъ маетностями, какъ прежніе полковники владѣли,—«потому отмѣнить того царскаго величества указу не мочно; а чтобъ онъ, Милорадовичъ, въ маетности его, гетманскія, къ булавѣ принадлежащія, не интересовался,—о томъ писано къ нему, Милорадовичу»[1]. Пока происходила эта переписка, Милорадовичъ уже былъ въ Гадячѣ и терпѣлъ отъ Чарныша разныя «противности». Столкно-

[1]) Матеріалы Судьенка, II, 250—51.

веніе Чарныша съ Милорадовичемъ повело за собою весьма цѣнное для характеристики перваго дѣло, изъ котораго приводимъ любопытныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ дѣяніяхъ бывшаго гадяцкаго полковника[1]).

Въ жалобѣ своей гетману Милорадовичъ писалъ про Чарныша, что тотъ «козаковъ сарскихъ и крутковскихъ (эти села принадлежали Чарнышу), подъ командою полковничьею издавна будучихъ, за то, что подали они челобитную, дабы при бытности его, Милорадовича, въ волностяхъ козацкихъ могли пребывать, а мужики на него, Черныша, не работать,— наславъ ночью (людей), велѣлъ ловить, бити и кого изловятъ—заковати, грозя, чтобъ изъ подданства не отбывали; козаковъ комишанскихъ (Комышная принадлежала на рангъ гадяцкихъ полковниковъ) знатныхъ, прежде бывшихъ на урядахъ, за то, что по пріѣздѣ его, Милорадовича, приносили ему хлѣбъ по обычаю,—при пушкѣ черезъ нѣсколько дней держалъ; рыбалокъ изъ села Роменца, полковнику належныхъ, нарочно разослалъ для своихъ дѣлъ, чтобы выгоды никакой ему, Милорадовичу, не было; когда на него, Милорадовича, послано было нѣсколько подводъ привезти сѣна, которого сто возовъ гетманъ на пріѣздъ далъ,—тогда дворецкій Чарнышовъ, набѣжавъ, людей тѣхъ побилъ и коней позабиралъ; слуги его, Чарнышевы, во время ярмонки, о святой Параскевіи въ Гадячѣ бывшей, разбивая ночью (коморы?), грабя ихъ,—какъ на самомъ дѣлѣ изловлены были,—безъ розыску за караулъ ратушской отданы,—то сверсники, отъ дворецкаго посланные, сторожей всѣхъ разогнали и тюрму отбивъ, самовольно ихъ выпустили, (а) вино, посланное отъ него, Милорадовича, велѣлъ запечатать и не велѣлъ продавать, а вмѣсто того своего вина чрезъ три мѣсяца выдалъ кухъ 15, съ коихъ прибыли взялъ 150 рублевъ; приходъ съ ярмонки Дмитріевской, 70 талярей, онъ завладѣлъ; о пашнѣ яровой того лѣта, котораго онъ, Милорадовичъ, туда прибылъ, приказъ гетмана

---

[1]) Полное дѣло Чарныша съ Милорадовичемъ напечатано (къ сожалѣнію со многими ошибками) въ книгѣ: «Сказаніе о родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей», Кіевъ, 1884, стр. 90—111.

былъ, чтобъ пополамъ ему съ Чарнышомъ раздѣлить, а онъ, Чарнышъ, до пяти скирдъ вымолотя, забралъ на свою потребу и ничего ему отъ того не далъ. Онъ-же Чарнышъ, многимъ полчанамъ гадяцкимъ выдалъ судейскіе универсалы, уволняя ихъ отъ всякихъ податей и зимовыхъ квартиръ войску царского величества».... Но не только Чарнышъ старался принести Милорадовичу имущественный ущербъ,—онъ хотѣлъ его поссорить съ Саввою Рагузинскимъ, для чего не остановился и передъ подломъ: «Палетъ (?) тотъ, который, по опознанію на ратушѣ гадяцкой, положено въ маетности Борки (это село принадлежало Чарнышу) для квартиръ солдацкихъ»,—писалъ Милорадовичъ,—«за рукою и печатю его, Милорадовича, фортелне скасованъ, ибо сверху его надпись *Борковскій* вытерши, написалъ *Розбышовскій* и въ Розбышовку (принадлежавшую Рагузинскому) отослалъ, приводя его, Милорадовича, въ ссору съ господиномъ Рагузинскимъ». Кромѣ всего этого, «онъ-же, Чарнышъ, писалъ къ нему, Милорадовичу, письмо укорителное и отъ гордости имени своего не подписалъ, вмѣняючи его за найгрубшаго простака».—«На остатокъ, что есть паче всего жалостнѣйше (пишетъ Милорадовичъ гетману), онъ-же, Чарнышъ, подписка своего, а господаръ замковый шафара своего, посылали въ Комишную съ универсаломъ, чтобъ козаки ни въ чемъ его, Милорадовича, не слушали, но его, Чарныша, и тотъ универсалъ на рынку въ Комишной прочитанъ былъ. Да тотъ-же подписокъ въ Сарахъ (имѣніе Чарныша), собравъ множество козаковъ и мужиковъ, явно и публично предъ народомъ безчестилъ его, Милорадовича, срамотне, называючи измѣнникомъ, запорожцомъ, плутомъ, цыганомъ и шалберомъ (бездѣльникомъ)»....

Въ такихъ размѣрахъ и формахъ выразилось противленіе Чарныша новому гадяцкому полковнику. Мы не имѣемъ возможности провѣрить справедливость этихъ жалобъ Милорадовича, но весьма возможно, что онъ не преувеличивалъ. Одно только можно сказать въ защиту Чарныша, что онъ перемѣною наименованія села Борки на Розбышовку имѣлъ въ виду, быть можетъ, лишь избавить свою маетность отъ непріятнаго воин-

скаго постоя, а не имѣлъ намѣренія поссорить Милорадовича съ его землякомъ Рагузинскимъ,—но тѣмъ не менѣе подлогъ, сдѣланный Чарнышомъ, остается на лицо. .

Какъ же относился народъ къ борьбѣ Чарныша съ Милорадовичемъ? Мы можемъ на это отвѣтить, что, по всей вѣроятности, народъ, отлично знавшій насилія Чарныша, былъ склоненъ скорѣй къ новому полковнику. По крайней мѣрѣ, подданные чарнышевскихъ селъ, вслѣдъ за прибытіемъ Милорадовича въ Гадячъ, взбунтовались противъ своего прежняго «державцы» и не хотѣли отдавать ему «послушенства»... Возмущеніе было настолько серьезно, что гетманъ принужденъ былъ выдать 3-го ноября 1715 года въ защиту своего зятя универсалъ, обращенный къ жителямъ саровскимъ, камышанскимъ и остаповскимъ: «Увѣдомился онъ, гетманъ, яко они съ чьегось науценья будучи ослушными, не хотятъ державцу своему, Ивану Чарнышу, судьѣ войсковому енералному, отдавати послушенства; того ради нарочно тѣмъ универсаломъ накрѣпко упоминаемъ, дабы они,— знаючи одного державцу своего господина судью, безъ жадной противности ему, несмотря ни на кого (разумѣется—Милорадовичъ), по прежнему отдавали послушаніе и повиновеніе. А хто будетъ противный—таковаго велѣно будетъ сыскивать въ Глуховѣ и карать немилостиво, какъ бунтовщиковъ». Получивъ въ свои руки этотъ универсалъ, Чарнышъ послалъ въ Сары слугу своего Ивана Ставецкаго и Якова Реченка, шафара замковаго, которые, по разсказу Милорадовича, велѣли всѣмъ тамошнимъ козакамъ собраться въ домъ священника для слушанія универсала, а по прочтеніи его Яковъ Реченко говорилъ:

«Дурни козаки! Для чего хочете сего полковника—плута, цыгана, шалбера? Ибо сей такой-же, какъ и запорожцы: можетъ за море запровадить, или на границу вывевши, запропаститъ...»

Ставецкій же при этомъ прибавилъ:

«Ибо уже онъ, Милорадовичъ, измѣнилъ одному,—и государю измѣнитъ!»

Но несмотря на эти дѣйствія агентовъ Чарныша, народъ, много натерпѣвшись отъ прежняго своего полковника, былъ на сторонѣ Милорадовича. Козакъ Иванъ Руда, напримѣръ, говорилъ:

«Тогды я за все товариство говорилъ, что довольно его (Чарныша) терпѣли! Хвала Богу, имѣютъ они нынѣ себѣ (полковника) отъ великаго свѣта государя!».

Кромѣ того, гадяцкая полковая старшина и сотники 9-го ноября 1715 года выдали Милорадовичу свидѣтельство, въ которомъ писали, что они «его царскому величеству за благороднаго господина Михаила Милорадовича, по милости царскаго величества опредѣленнаго (полковникомъ къ нимъ)—рабски покорно благодарствуютъ, который (полковникъ) по природному добронравію своему любезенъ, милостивъ и добротенъ есть ко всѣмъ, будучи въ службѣ царскаго величества безъ найменьшей обиды, ибо никого ничѣмъ не озлобляетъ, но паче ущедряетъ, желая во всемъ изобиловати».

Своей жалобой Милорадовичъ хотѣлъ добиться того, чтобы надъ дѣйствіями Чарныша былъ наряженъ розыскъ, по которому несомнѣнно подтвердились бы многія изъ злоупотребленій Чарныша. Но гетманъ нашелъ возможнымъ выручить своего зятя изъ бѣды; о томъ, какой былъ найденъ исходъ, Милорадовичъ разсказываетъ въ письмѣ своемъ отъ 14-го января 1716 года къ Головкину. Оказывается, что послѣ подачи имъ челобитной на Чарныша гетману, послѣдній «велѣлъ (пишетъ Милорадовичъ) полковникамъ и старшинѣ генеральной жалобы моей выслушать; тогда всѣ, сторонѣ господина Чарныша будучи фаворизантами, убѣдили мене до примиренія, выговариваючи, что мы тебѣ будемъ противниками, если примиренія не возьмешь!» На примиреніе Милорадовичъ сперва согласился было, но потомъ, когда требованія его относительно пытки безчестившаго его подписка Чарнышевскаго исполнено не было («подписку тому польгочено и не допрашиванъ какъ належало, кромѣ того, что 7 разъ по шубѣ ударенъ»), онъ взялъ свои слова назадъ, говоря, что онъ съ такой пытки—«не контентъ». Слѣдствіемъ несостоявшагося примиренія было то, что Милорадовичъ, не нашедшій суда надъ своимъ врагомъ у гетмана, принужденъ былъ обратиться съ жалобой къ Головкину въ январѣ 1716 года. Упоминая уже объ извѣстномъ намъ подлогѣ, сдѣланномъ Чарнышемъ, Милорадовичъ

прибавляетъ: «Для чего я опасаюся, что можетъ онъ искати главы моей, понеже когда случится мнѣ писати до ясневелможнаго, или до другого лица высокаго, то онъ вытретъ и подпишетъ письмо мое къ хану татарскому»... При челобитьѣ своемъ Милорадовичъ приложилъ особые «пункты», въ которыхъ сообщалъ о новыхъ злоупотребленіяхъ Чарныша: «Онъ, Чарнышъ», писалъ Милорадовичъ, «полкъ Гадицкой до конца разорилъ, въ чемъ на него, Чарныша, болше ста челобитенъ есть, которыя челобитныя не смѣлъ онъ, Милорадовичъ, закрыти, держитъ у себя, а къ господину гетману посылалъ списки, однакоже, или за его (гетмана) многими оккупаціями, или свойствомъ—о чемъ ни пишетъ,—не видитъ ничего, кромѣ продолженія, а челобитчики кричать и грозятъ ему: ежели имъ суда не будетъ—то всѣ пойдутъ ко двору его царскаго величества искати суда за свои обиды; и той ради причины, дабы ему, Милорадовичу, не отвѣтствовать впредь, принужденъ онъ донести о всемъ, а также и о томъ, что онъ-же, Чарнышъ, всѣ доходы, полковникамъ надлежащіе, прежде времени нареченнаго выбралъ» [1]). «Онъ же, Чарнышъ», пишетъ

---

[1]) Весьма вѣроятно, что число челобитчиковъ на Чарныша Милорадовичемъ преувеличено: въ числѣ бумагъ Чарнышей, бывшихъ у А. М. Лазаревскаго, а теперь принадлежащихъ университету св. Владиміра, сохранилось лишь около десятка ихъ; приводимъ нѣкоторыя изъ нихъ: 1) Марія Ющиха жаловалась Милорадовичу, что Чарнышъ «въ началѣ своего властелства», вырубилъ въ ея лугѣ надъ Хоромомъ «тридцятеро дерева олшини», а затѣмъ взялъ у нея «лошака молодого таранковатаго рижого» и далъ за него лишь десять талярей, когда цѣна ему больше ста золотыхъ; 2) Лукьяниха Холодиха вдова жаловалась на завладѣніе Чарнышемъ ея лѣса, гдѣ онъ и «пасѣку вчинилъ; спамятаючи на тую удову, которая приносила до Христа Сина Божого два пѣнязѣ, а Христосъ Синъ Божій на неѣ милость показалъ», Холодиха прибавляетъ: «такъ и ти, милосердній пане, покажи милосердіе свое на мене, убогую удову»; 3) Федоръ Кущенко просилъ о возвращеніи срубленнаго Чарнышемъ его лѣса, бывшаго близъ винницы генеральнаго судьи въ с. Березовой Лукѣ; 4) Панасиха, жителька остаповская, жаловалась на насилія Чарныша за то,

далѣе Милорадовичъ, «будучи полковникомъ, изъ артиллеріи гадицкой пушки городовыя въ маетности свои вывозилъ, порохъ и протчее,—запасъ военной, невѣдомо гдѣ подѣвалъ, особенно войсковыхъ большихъ 3000 злотыхъ забралъ». Затѣмъ, Милорадовичъ сообщаетъ подробности объ отдачѣ ему ранговыхъ имѣній: «Отдавалъ ему ясаулъ енеральный Бутовичъ сотню рашавскую, а комышанской не отдалъ. Тогда онъ, Милорадовичъ, говорилъ ему, есаулу: «для чего не по прежнему опредѣляетъ»? И онъ, есаулъ, сказалъ, что онъ, Милорадовичъ, не можетъ тѣхъ правъ имѣть, какъ прежніе полковники имѣли, ибо одинъ былъ племянникъ (Трощинскій, предшественникъ Чарныша, былъ племянникъ Мазепы), а другой (Чарнышъ) – зять гетманской». Кромѣ всего этого, Милорадовичъ сообщалъ еще «что прежніе генеральные судьи жили при гетманахъ и тамо дѣло судейское управляли, а до

что она не продавала ему своего хутора близъ Бодаквы; 5) Василь Лященко писалъ Милорадовичу, что когда онъ продалъ свой грунтъ, то узнавшій объ этомъ Чарнышъ сталъ обвинять его въ томъ, что тотъ хотѣлъ «на той бокъ ити зъ его держави» и по этому случаю забралъ у него: «товару двое, гусей тридцятеро, трохъ талярей грошей»; 6) Войтъ рашевскій сообщалъ гадяцкому полковнику отъ имени всей громады, что Чарнышъ «на строеніе млина подъ Рашевкою вырубалъ лѣси наши и хату у млиновъ построивъ з нашего-жъ дерева»; 7) Иванъ Харченко жаловался, что Тихоній небожчикъ (братъ генеральнаго судьи) вырубилъ у него «неисчетно» дерева въ грунтѣ подъ Березовой Лукой; 8) Семенъ Коломыецъ, житель подставскій, писалъ, что генеральный судья выкосилъ у него насильно луку, «за якую якъ перво упомянулемся, такъ его милость пріобѣцалъ мнѣ третую часть отдати»; однако, сколько потомъ жалобщикъ ни ходилъ къ Чарнышу, тотъ нетолько не отдалъ ему ничего, но «отдалилъ» насильно отъ всей луки, вручая ему за нее деньги; 9) трое жителей комишанскяхъ жаловались на то, что староста Чарнышевскій комишанскій завладѣлъ ихъ сѣножатями и т. д. Изъ этого списка насилій Чарныша можно видѣть, насколько онъ былъ изворотливъ въ выборѣ средствъ для веденія своихъ хозяйственныхъ операцій.

полку не интересовались, а господинъ Чарнышъ живетъ въ Гадичѣ и командѣ его, полковника Милорадовича, чинитъ помѣшательства» [1]).

Положеніе Милорадовича было дѣйствительно затруднительнымъ: съ одной стороны, былъ Чарнышъ, а съ другой—онъ, по его собственному выраженію,—человѣкъ пришлый, «странный», и ему, разумѣется, не хотѣлось сразу же становиться во враждебныя отношенія со всей, державшей сторону Чарныша, генеральной старшиной и гетманомъ. Результатъ его челобитныхъ получился, однако, благопріятный: ему, въ концѣ концовъ, отдана была комышанская сотня [2]), но за обиды, понесенныя имъ отъ Чарныша и его челядниковъ, онъ, кажется, удовлетворенія не получилъ; по крайней мѣрѣ не видно, чтобы Чарнышъ пострадалъ въ какомъ-либо отношеніи изъ-за своего столкновенія съ Милорадовичемъ. Что-же касается, собранныхъ гадяцкимъ полковникомъ, челобитенъ, то они тоже Чарнышу не принесли никакого вреда. Попавъ въ руки Скоропадскому, они были переданы имъ самому же Чарнышу, а тотъ сумѣлъ совершенно оправдаться. Мы не будемъ приводить данные генеральнымъ судьей и сохранившіеся на оборотахъ самихъ челобитенъ собственноручные его отвѣты на каждую жалобу. Скажемъ только, что насильная покупка грунтовъ и прочаго имъ совершенно отрицалась и взамѣнъ ея—утверждался добровольный торгъ со стороны продавца. Почти во всякомъ отвѣтѣ Чарнышъ обращаетъ вниманіе на запоздалость жалобы и, намекая на Милорадовича, наивно спрашиваетъ: «И для чего передъ симъ не скаржился? Учинена была-бы справедливость! Знать теперъ з наущеня супплѣкуетъ, чили с приказаня»!

Въ общемъ дѣло съ Милорадовичемъ закончилось въ 1716 году вполнѣ благополучно для Чарныша, хотя еще и въ слѣду-

---

1) Генеральный судья Туранскій, въ помощь которому назначенъ былъ Чарнышъ, умеръ въ 1716 году, послѣ того, какъ происходили описываемыя событія и Чарнышъ, можетъ быть, потому и не ѣхалъ въ Глуховъ, что тамъ было кому рѣшать дѣла.

2) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Гадяцк. полка, стр. 7.

ющемъ году эти два противника спорили изъ-за нѣкоторыхъ земель [1]. Чарнышъ, при несомнѣнной своей виновности, не только вышелъ сухимъ изъ воды, но получилъ еще, вслѣдъ за поставленіемъ своимъ въ генеральные судьи, нѣсколько универсаловъ, утверждающихъ за нимъ какъ скуплю, такъ и дающихъ новыя маетности: гетманъ, видимо, не скупился для своего зятя... Такъ, 19-го февраля 1716 года Чарнышъ получилъ универсалъ на скупленные имъ дворы въ Гадячѣ и множество мелкихъ грунтовъ при селахъ: Книшовкѣ, Римаровкѣ, Красной Лукѣ, Хитцахъ, Боркахъ, Сарахъ, Круткахъ, Рашевкѣ, Остаповкѣ, Коваловкѣ—въ Гадяцкомъ полку, и при Батуринѣ, Митченкахъ, Шаповаловкѣ, Ксендзовкѣ, Алтановкѣ, Подоловѣ—въ нѣжинскомъ полку; 1 марта 1716 года гетманъ нашелъ возможность дать Чарнышу изъ принадлежавшихъ гадяцкому замку села: Сватки (144 двора) и Цѣпки (101 дворъ), находящійся подъ Гадячемъ, и 31-го іюля 1716 же года Чарнышъ получилъ на урядъ генеральнаго судейства «села Аксютинцы съ Пустовойтовскою и съ млинами, подъ Аксютинцами будучими, и инними грунтами и угодіями, ко воспоможенію домовственному, что онъ при боку его гетманскомъ будетъ жити»... Но, какъ мы видѣли, Чарнышъ и не думалъ жить въ Глуховѣ, при «боку гетманскомъ», а проводилъ время въ своихъ маетностяхъ; тѣмъ не менѣе—предлогъ для дачи маетности былъ найденъ—и Чарнышъ получилъ цѣлыхъ два села...

В. Модзалевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1] Матеріалы Судьенка, II, 86—87.

Степная Лубенщина [1]).

Глава II.

Южная степь. Оржицкая волость.

Поселенія лѣваго и праваго берега Большой Оржицы. М. Оржица. Иржавская балка. С. Зарогъ. М. Т. Симоновъ.

Дорога отъ Великой Селецкой до Онушекъ идетъ полями, среди блѣдной зелени которыхъ то здѣсь, то тамъ виднѣются пролѣски. Недалеко отъ села по обѣ стороны дороги стоятъ двѣ высокихъ продолговатыхъ могилы; на пригоркѣ мелькаютъ хаты и мельницы; главныя же части села внизу, на невысокомъ полуостровѣ вдавшемся въ широкую болотистую Оржицкую низину. Куда ни кинь глазомъ, только и видишь яркую, пышную зелень болота. «Село якъ у мишку зашыто зъ трёхъ сторонъ, а зъ четвертои—уйихавъ и выйихавъ». Село возникло не ранѣе XVII в., и предположеніе мѣстной церковной лѣтописи о существованіи его еще и въ XVI в. не доказано. Начало ему положено Онушкомъ, дѣйствительной, а не легендарной личностью, какъ большинство осадчихъ: потомокъ его живъ и сейчасъ. Фамилія эта, а вмѣстѣ съ нею и названіе села, происходитъ отъ имени Онисимъ, Онисько, извѣстнымъ образомъ произносимаго, подобно тому, какъ имя Маруся произносятъ иногда Марушка. По преданію, израненный запорожецъ Онисько, основавшись здѣсь на островѣ въ лѣсу, съ товарищемъ Селекомъ, занялся скотоводствомъ и рыболовствомъ. Родъ обѣднѣлъ съ половины XVIII в. потому, что,

---

[1]) См. Кіевск. Стар. 1904 г., № 2-й.

какъ показали свидѣтели во время производства генеральной описи 1767 года, Лукомскій сотникъ Степанъ Пиковецъ купилъ насильно у козака Федора Онушка, изобличеннаго въ «блудодѣйствіи», дворъ съ двумя избами и коморой рублеными, лѣсъ, рыболовлю и ставище за 8 руб., а у нихъ свидѣтелей: Онушокъ и Краснячого—помѣрокъ съ лозой и лѣсомъ за 17 руб., и выстроилъ мельницу на ставищѣ[1]).

Онушки состоятъ изъ двухъ опредѣленно разграниченныхъ частей: Стараго села, или собственно Онишокъ, и новаго—Заричья. Первое, начинаясь со стороны Оржицы и Плехова, доходитъ до плотины и растягивается длинною прямой улицей—рядомъ хатъ и повитокъ, обсаженныхъ берестами и ясенями. Вездѣ зелень и садики. Въ одномъ изъ огородовъ, козака Яковенка, невысокая густолистая груша указываетъ мѣсто, гдѣ была прежде церковь, перестроенная въ 1763 г. за ветхостью[2]). Эту главную улицу окружаетъ боковая, при началѣ которой вблизи стараго погоста съ грушей, у небольшого выпуста, стоитъ хорошенькая бѣлая хатка, крытая очеретомъ, съ желтыми ставнями, въ которой живетъ послѣдній отпрыскъ древняго рода Онушекъ. Кромѣ него здѣсь живутъ Яковенки, Шульги, особая вѣтвь которыхъ Шульги-Шульженки выслужились въ дворянство, Горбани и переселившійся изъ сосѣдняго Плехова—Нестеренко. Старое село спускается въ низину, черезъ которую насыпана гать съ такимъ узкимъ мосткомъ, что развѣ только пара лошадей пройдетъ по немъ. Но и такого мостика прежде не было,—люди ѣздили прямо черезъ болото возами, топились и мучились. По низинѣ проходятъ двѣ поперечныя канавы, отдѣленныя насыпями (греблями), сажня въ 4 ширины. Объ этихъ канавахъ разсказываютъ слѣдующее. Прежде рѣка Оржица проходила за селомъ, но сотникъ Пиковецъ[3]), войдя въ соглашеніе съ Онушковскимъ и Оржицкимъ

---

[1]) Лазаревскій. Истор. очер. Полт. Лубенщ. 128.

[2]) А. Грановскій. Полт. епар. 402.

[3]) По смерти Василія Пиковца, сына богатаго лубенскаго козака, отправлявшаго воловъ въ Гданскъ, вдова его вышла замужъ за

обществами о постройкѣ мельницы, говоря: «Зробымъ млынокъ и вы будете молоть»,—запрудилъ естественное русло рѣки и, прорѣзавъ съ помощью Онушковцевъ канавы, заставилъ ее обогнуть село. Впрочемъ, устроенная имъ мельница не молола, а только заболотила луга. Гораздо позже, въ началѣ XIX в., хорольскій стряпчій Акендинъ Левицкій, потомокъ лукомскаго священника Петра Левицкаго, пріѣхавъ въ родовое имѣніе[1]), осуществилъ мысль Пиковца и построилъ двѣ мельницы, которыя выкуплены въ концѣ вѣка у преемниковъ Левицкаго Косинскихъ лубенскимъ земствомъ и уничтожены для осушенія болота, а рѣка возвратилась въ старое русло. За греблей раскинута на неровной, холмистой мѣстности другая часть села, Зарѣчье, состоящая изъ слѣдующихъ кутовъ: Титаренковыхъ сутокъ къ болоту, Кучанского, Средняго и Зацаринскаго подъ гору[2]). На Кучанскомъ среди свѣжей, яркой зелени ясеней, берестовъ и осинъ видна церковь, перенесенная изъ стараго села и обновленная въ 1864 г.[3]) Иконостасъ въ ней синій, потемнѣвшій съ круглыми очертаніями

серба Славуя Требинскаго, а сыновья—Иванъ и Степанъ—были лукомскими сотниками (1732—1758 гг.). Первый женатъ на Лизогубовой, второй на Маркевичевой. Дочь Ивана вышла за Родзянку, а Степана за Квитку. (Лазаревскій. Ист. оч. 108—110).

[1]) Ів. 128.

[2]) Урочища вокругъ села носятъ слѣдующія названія: Бурты, на спускѣ въ болото, Гряда, среди самаго болота съ зарослью и сѣнокосомъ, Юровка—протокъ воды между плавами, Романчикъ, лѣсъ, мѣсто поселенія запорожца Романа Селека, товарища Онушка. тамъ была его хата и селище, Малый Романчикъ, Осово, лѣсъ. «Тамъ по лисахъ було звиря, вечоромъ, якъ заспивають—куды ваше дило! Теперъ звиря не слышно и не выдно». Съ той же стороны есть еще лѣсъ Билошапка, въ которомъ хоронился отъ враговъ человѣкъ съ такимъ именемъ. Съ другой стороны села по Яблоновской дорогѣ, возлѣ Калытчыного озера замѣчателенъ колодязь, освящаемый ежегодно, въ которомъ воды достаточно на всю окрестность. Могилы называются: Блызныця, Вовча «де звирь збирався», Лыса—«покопаться тамъ кирпичъ и ружжя. Свидова,—«тамъ труну найшлы» и Халова.

[3]) Грановскій. Полт. епарх. 402.

и тусклой позолотой. Надъ вратами спускная икона Божіей Матери, украшенная лентами и рушникомъ, а среди ритуальныхъ предметовъ интересны два льняные подризника, внизу расшитые золотыми и серебряными нитями. На одномъ изъ нихъ вышиты: тюльпаны, нарцисы, колокольчики и циніи, а на другомъ фантастическіе цвѣты и листья. На Зарѣчьи живутъ, кромѣ членовъ перечисленныхъ раньше фамилій, еще: Олейники, Пелехи[1]), Писаренки и вѣтвь ихъ—дворяне Писаревичи. Первоначальная фамилія послѣднихъ была Афанасьевы, настоящую же фамилію они получили отъ полкового писаря Ивана, погибшаго въ стычкѣ съ татарами у Войнихи. Сынъ его Максимъ, сотенный эсаулъ, уволенъ въ отставку въ 1787 г. съ чиномъ корнета, а родъ Писаревичей внесенъ во 2-ю часть дворянской родословной книги. Максимъ Писаревичъ былъ хорошій хозяинъ, имѣвшій двѣ винокурни. Бывало предъ рождественскими и свѣтлыми праздниками подсосѣдокъ Писаревича ходилъ по селу и объявлялъ людямъ: «Звозьтесь, звозьтесь—горилку будемъ гнать!» Люди свозили солому, очеретъ и муку для заторовъ. Писаревичъ получалъ 10-ю часть выкуреннаго вина въ свою пользу, подобно тому какъ хозяева маслобоенъ получаютъ 10-ю макуху съ масломъ, а каждый изъ выкуривавшихъ бралъ себѣ водки, сообразно привезенному имъ количеству муки. Сынъ Максима, Кириллъ Писаревичъ, скоро закрылъ винокурни, оставивъ лишь трактиръ, приносившій большую выгоду, когда шинкаркой была красавица Гапка, дѣвушка, лишившаяся ноги. Послѣ смерти жены Кириллъ Максимовичъ взялъ Гапку домой, а трактиръ скоро закрылся. Гапка такъ и не вышла замужъ, занялась хозяйствомъ и высмотрѣла молодыхъ Писаревичей, питавшихъ къ ней сыновнее почтеніе. Хлѣбопашество Писаревичей не было значительнымъ вслѣдствіе крайне низкихъ мѣстныхъ цѣнъ на хлѣбъ; пудъ ржи, напримѣръ, стоилъ

---

[1]) Пелехъ былъ кошевымъ атаманомъ при Ханенкѣ. (Костомаровъ. Руина въ Вѣст. Евр. 1879 г., IX, 24).

тогда пивкопы, т. е. 7½ коп. Были волы, 15—20 рыжихъ и гнѣдыхъ лошадей и около сотни овецъ[1]).

Онушки средней величины село, въ немъ теперь насчитывается 1442 души. Населеніе почти исключительно козачье, благосостоятельное, гостепріимное и честное. Богатырями, имѣющими свыше 50 дес. земли, признаются: часть Нестеренковъ, Назаренковъ, Пелиховъ, Шульгъ и Яковенковъ. Есть нѣсколько достаточныхъ семей съ 15—30 десятинами, у большинства не болѣе 5 дес., безземельныхъ не свыше десятка. Изъ документовъ, сообщенныхъ козакомъ Д. Нестеренкомъ, и изъ разсказовъ старожила Чмихала видно, что хозяйственныя отношенія мѣстнаго населенія складывались такимъ образомъ. Цѣна земли была ничтожна: въ общемъ день не свыше 5 руб. Въ 1773 г. Онушковскій атаманъ Кириллъ Дьяченко купилъ поле за 3 р. 10 коп., а въ 1775 г. онъ же продалъ сестрѣ Пелагеѣ и зятю Никитенку леваду и поле за 12 руб. 20 к.[2]); въ 1807 г. онъ же продалъ имъ еще лѣсъ за 8 руб. За пользованіе чужой землей отдавали хозяину прежде 10-ю, потомъ 4-ю копну (по расчету 5 изъ 20 копенъ).

---

[1]) У нихъ былъ свой хуторъ съ подсосѣдками, крестьяне: Бутурлимы, Крайсвитни и Чепиги приведены изъ с. Юсковецъ, Черевковской волости, позднѣйшимъ владѣльцемъ Никитенкомъ, женатымъ на Славинской. Кромѣ хутора Писаревича, въ Онушковской дачѣ есть еще нѣсколько хуторковъ, разбросанныхъ вдоль Оржицкой дороги, такъ какъ появленію хуторовъ въ другія стороны препятствовало болото. Ближайшій къ Онушкамъ Биλановъ хуторъ, населенный Яковенками, стоитъ у рощи надъ ставкомъ, въ немъ не болѣе 10 хатъ. Возлѣ хуторокъ Шульгъ въ 2 хаты и Ефрема Пелеха. Далѣе хуторъ Корніенковъ Постилъ. Основатель хорольскій козакъ Корніенко, участвовавшій въ 60-ти сраженіяхъ и стычкахъ, но ни разу не раненный, георгіевскій кавалеръ, дослужившійся до чина прапорщика. Онъ женился на Шульгиной изъ Онушекъ и построилъ хуторокъ въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія.

[2]) Этотъ актъ подписали: атаманъ Тимофей Вишневецкій, С. Яковенко и П. Онунoшко. Встрѣтился еще документъ о наймѣ рекрута вмѣсто А. А. Нестеренка за 600 руб., 3 четверика жита, гречки, пшена и уплату податей—въ 1820 г.

Иногда нанимали десятину съ условіемъ день покосить владѣльцу. Зажинщики отдавали хозяину поля 2-й, даже третій снопъ съ него приваркомъ. Вообще «старовына дуже сыто жыла» [1]). Въ настоящее время цѣна земли повысилась до 200 руб. за десятину, наемъ до 8—12 руб. Зажинщики получаютъ: 4-й снопъ съ отработкомъ 2—3 дней отъ десятины и 5-й снопъ безъ отработка. Землевладѣлецъ П. К. Писаревичъ беретъ лишь третью копу отъ съемщика, но послѣдній долженъ поставить 4—5 рабочихъ съ десятины, смотря по качеству земли; 2—3 дня отработка въ жатву и косовицу и по дню весной и осенью. Луговое сѣно убиралось за 4-ю копицу хозяину. Старое козачье хозяйство ничѣмъ не отличалось отъ хозяйства другихъ окрестныхъ селъ, уже описаннаго.

Жители вышесредняго роста, волосы довольно темные при голубоватыхъ глазахъ. Встрѣчаются миловидныя дѣвушки. Моды оржицкія, кофточки, длинныя исподницы. Весильный обрядъ своеобразенъ. Молодая, заходя въ субботу въ дома съ приглашеніемъ, только кладетъ шишку на столъ, но не оставляетъ ее хозяевамъ, какъ въ сѣверной части уѣзда. Позже молодой со свитой и музыкой приходитъ къ невѣстѣ, окруженной подругами. Здѣсь «бесидуе одна молодь». Женщины, между тѣмъ, приготовляютъ большую, круглую, «княжеську» шишку, которую въ понедѣльникъ дѣлятъ свадьбанамъ, намазывая медомъ. Молодой сидитъ на покути безъ шапки; зимой во время domu deductio молодыхъ переводятъ чрезъ огонь и молодой расплетаютъ косу въ домѣ жениха. Рождественскіе праздники проводятся иначе, чѣмъ на сѣверѣ уѣзда: нѣтъ ни щедривокъ взрослыхъ, ни святочнаго маскарада, взамѣнъ чего сохранился старый крещенскій обычай. Въ этотъ день онишковская и оржицкая молодежь—дѣвицы, парни, дѣти—разъѣзжаютъ по рѣкѣ въ саняхъ. У крестовъ санки останавливаются. Къ дѣвкамъ подходятъ парни и умываютъ ихъ рукой. Отъ этого умыванія нельзя отказаться. Какъ бы ни

---

[1]) Исключеніе составляли только голодные годы. По разсказу Чмихала, козачка Борщиха, ея сынъ и дочь умерли отъ голода, неѣвши 12 дней.

«пручалась» гордая богатырка, парни потащутъ ее насильно къ кресту и умоютъ. Умытая дѣвушка утирается хусткой. Незнакомый парень угощаетъ насиннямъ, спрашивая: «Насиння хочешь?— Я не знаю звидкиля се насиння, де воно родылось?—Въ Оржыци.— Ну, вже давай». Если парень понравился дивчыни, то она также брызнетъ (хлюпне) ему въ лицо и потомъ умоетъ рукой. Это взаимное умыванie, символизирующее будущую общую жизнь, наводитъ на воспоминанie о древнихъ и позднѣйшихъ обыкновенiяхъ предковъ настоящихъ малоруссовъ. Такъ: «Умыкиваху у воды дѣвиця. Сѣверъ схожахуся на игрища и ту умыкаху жены себѣ съ нею же кто совѣщашеся» [1]). И затѣмъ на второй день Пасхи,—читаемъ у Боплана,—парни обливаютъ дѣвицъ съ ногъ до головы водой, а на третiй парня подстерегаютъ и окружаютъ съ громкимъ крикомъ дѣвушки. Сильнѣйшiя придерживаютъ его за руки, а прочiя окачиваютъ водой [2]).

Вблизи Онушокъ у широкой Оржицкой долины расположилась Остаповка на незначительномъ возвышенiи, вокругъ большого солонцоватаго выгона. Со въѣзда нѣсколько панскихъ усадьбъ едва замѣтны за зеленью садовъ и вѣковыхъ деревьевъ, и дальше все село въ зелени. Нѣкогда столѣтнiй старикъ Чмихало говорилъ: «Се все недавни села, а отъ Остаповка давня». Дѣйствительно, она отмѣчена на картѣ Боплана, но всякiя воспоминанiя о началѣ села утрачены. Повидимому въ образованiи села участвовалъ мѣстный родъ Верпетъ, такъ какъ они заняли большое пространство вблизи церкви, но ихъ семейныя преданiя неясны и преувеличены. «Якъ Польщу воювалы, такъ бувъ полководецъ Верпета. Ёму було опредилено владить одъ самого Яблонова по мистечко Оржыцю по ричци. Такъ винъ тутъ и основавсь. Одъ ёго сына Яна Хрыстофоровыча пишлы Верпеты. Винъ и церкву збудовавъ малесеньку на сохахъ и очеретомъ укрыта». Нѣкоторымъ подтвержденiемъ древности рода Верпетъ служитъ грамота изъ VI части дворянской родословной книги Кiевской

---

[1]) Несторъ Лѣтоп. 8.

[2]) Опис. Укр. 79.

губерніи, выданная 12 марта 1795 г. Иустину [1]) Назаровичу Верпетѣ. Впрочемъ, потомки его утратили дворянское званіе и вновь обратились въ козачество, и лишь нѣкоторые представители этой фамиліи вновь выслужились, но даже дѣды настоящихъ дворянъ Верпетъ еще были козаками. Крестьяне ихъ произошли изъ подсосѣдковъ, были также выходцы изъ Литвы—Лейбачи. Здѣсь же подъ вѣковыми осокорями жили дворяне и козаки Дейнеки [2]), уже выведшіеся, а за ними Коршуны, также паны и козаки, дальше Березняки, вышедшіе изъ Довгои, Золотоношскаго уѣзда, и козаки Компанійцы. Крестьяне носятъ фамиліи: Гуцп, Житинскіе, Проценки и Тищенки [3]). Остаповка невелика, въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка въ ней было лишь до 700 душъ, теперь 1023. Жители въ общемъ довольно зажиточны; съ десятокъ панскихъ усадьбъ и три богатырскихъ: Верпетъ и Березняковъ прекрасно обстроены, и прочія усадьбы недурны. Въ старину и панскія и козачьи хозяйства не были обширны: въ каждомъ водилось по плугу воловъ да по нѣсколько кобылъ; крестьяне не имѣли тягла. И теперь поземельныя условія сравнительно не тягостны: земля нанимается по 7—10 руб., болотные сѣнокосы убираются съ половины; только пѣшіе, какъ и вездѣ почти, получаютъ 5—6-ой снопъ съ отработкомъ 2-хъ дней съ десятины. Сонное существованіе панковъ и богатырей разнообразилось прежде безчисленными дрязгами, ссорами и тяжбами, сведшими преждевременно въ могилу нѣкоторыхъ любителей «позвовъ». Случалось, что во время разбора у мирового судьи истецъ только что начиналъ еще поддерживать свой искъ, какъ отвѣтчикъ уже набрасывалъ апелляціонную жалобу въ съѣздъ на предполагаемое рѣшеніе судьи. Многочисленныя тяжбы породили особыя слова и выраженія въ мѣстномъ говорѣ: «заведене дило» или «заведене» въ

---

[1]) Такъ въ грамотѣ.

[2]) Дейнеками называлась толпа, приставшая къ войску Ромодановскаго, шедшему противъ Выговскаго. (Костомаровъ. Гетм. Выгов. Основа, 1861 г., VII, 81).

[3]) Возлѣ Остаповки одинъ только хуторъ Косинскаго, населенный Коршунами и Телюками.

значеніи утвержденія, вмѣсто: эге, такъ; осудовыще вмѣсто судъ. Былъ и постоянный свидѣтель съ уличнымъ названіемъ Сороковый, приданнымъ ему священникомъ. Священникъ, знакомя вновь появившагося панка съ мѣстнымъ обществомъ, сказалъ: «Васъ тутъ трыдцять девять панивъ, а се вамъ сороковый». Но и въ прозаической Остаповкѣ есть прелестный уголокъ, маленькій рай, это церковный погостъ, осѣненный вѣковыми берестами, ясенями, грушами, закрывающими церковь св. Николая [1]). Еще лучше въ срединѣ церкви. Тамъ въ лѣвомъ притворѣ помѣщается образъ Пр. Дѣвы съ младенцемъ Іисусомъ, ласкающимъ ее ручкой. Пресвятая Дѣва изображена съ нѣсколько широко разставленными ясными очами, тонкимъ носомъ и съ неземной ласковой улыбкой на слегка изогнутыхъ губахъ. По типу изображеніе близко къ Корсуновской Богоматери. Икона довольно большая въ $2^1/_2$ арш. вышины и 1 арш. ширины. По преданію она взята во время сраженія, была нѣкоторое время въ семействѣ Ивахненковъ, по смерти которыхъ передана въ церковь. Подъ иконою надпись: «1834 года, марта 7 дня, сдѣлана сія риза прихожанами и доброхотными дателями на половину же цени [2]) оной ризи [3]) принесено въ даръ малолѣтнимъ Иваномъ Тоцкимъ». Сбоку привѣшено много серебряныхъ досточекъ съ фигурками святыхъ и изображеніями.

Издалека со стороны степи по Онушковской и Остаповской дорогѣ виднѣется на продолговатомъ возвышеніи старое мѣстечко Оржица, съ рощами, постройками и церковью посрединѣ. По разъясненію покойнаго профессора Потебни *о* въ словѣ Оржица приставное, подобно тому, какъ въ названіи Овручъ, древній Вручій [4]), корень же сло́ва—ржа, ржарчина, т. е. водная окись

---

[1]) Старая церковь 1732 г. стояла посреди села, перенесена въ 1752 г. на новое мѣсто, состояла изъ средины и алтаря, въ 1752 г. перестроена иждивеніемъ прихожанъ, придѣланы притворы. На погостѣ стертыя, сглаженныя могилы—остатки стараго кладбища.

[2]) и [3]) Такъ въ надписи. Есть еще антиминсъ 1732 г. и крестъ съ частицами мощей.

[4]) Замѣт. о малор. нарѣч. Воронежъ, 1871 г., 22, 23.

желѣза, содержащаяся въ мѣстной водѣ и торфяникахъ [1]). Въ кіевскій періодъ Оржица входила во вторую оборонительную линію Переяславльской земли. Послѣ разоренія Переяславльскаго княжества Батыемъ оржицкая степь служила лишь кочевьемъ татарамъ въ XIV и XV вѣкахъ; въ XVI в. Оржицы также еще не существовало, а были только замковые уходы: Козакевича, Колоденскаго, состоявшаго въ спорѣ съ Русановичемъ, а выше устья Оржицы (Жицы)—Морозовича и Чайки [2]). Но съ начала XVII в. возникаетъ мѣстечко, становящееся въ половинѣ столѣтія центромъ самостоятельной сотни Кропивенскаго полка, потомъ отчисленное въ Горошинскую сотню Лубенскаго. Во второй половинѣ XVII в. Оржица настолько была разорена татарами [3]), что Дорошенко считалъ необходимымъ поддержать мѣстное населеніе двумя универсалами: 1668 г. о предохраненіи жителей отъ дальнѣйшаго разоренія проходящими войсками, и о предоставленіи имъ перевоза чрезъ рѣку [4]).

Рѣка Оржица характеризована покойнымъ М. Т. Симоновымъ въ извѣстномъ этнографическомъ трудѣ «Риздвяни святкы» [5]) такимъ образомъ: «иногда между берегами ея версты двѣ, три, но посрединѣ большой островъ и лѣсъ. Притомъ часто вся эта ширина очерета да лозы съ узкимъ главнымъ ложемъ рѣки посрединѣ да съ густою затѣйливою сѣтью дорогъ, дорожекъ, прогалинъ, каналовъ, ямъ на остальномъ пространствѣ». Чрезъ весь этотъ лабиринтъ ведетъ теперь въ м. Оржицу недавно построенная земская плотина, длинная, обсаженная вербами, но еще въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія плотину гатили кое-какъ навозомъ, а

---

1) Гуровъ. Геол. опис. Полт. губ. 319.

2) Лѣвобереж. Укр. въ XV—XVII в.в. въ Кіев. Стар. 1896 г. № IV и V, 94, 95. Къ истор. колониз. Лѣвоб. Укр. въ XV—XVI в.в. въ Сбор. Харьк. Ист. Фил. Общест. 1892 г., IV, 20.

3) Старожилы вспоминаютъ: „Татары булы на поли, здивалысь. Изъ хатъ тикалы люде у берегъ“.

4) Лазаревскій. Ист. очерк. 132—134.

5) Въ Основѣ 1861 г., перепечатаны въ Кіев. Старинѣ 1899 г., IX, 145.

на потокахъ стояли дрянные мостики. Грязь была невылазная. Тотчасъ за плотиной на пригоркѣ «На Бéрези, заперетикъ» живетъ оржицкое крестьянство, потомки подсосѣдковъ, которыхъ усиленно садили здѣсь въ концѣ XVIII вѣка мѣстные владѣльцы: Требинскіе, Сахновскіе и др. [1]). Здѣсь же живутъ древнѣйшія козацкія фамиліи: Семперовичи и Авраменки, по уличному прозвищу Шаповалы. Далѣе на самомъ холмѣ тѣснилась старая Оржица, среди валовъ, достигающихъ 5 саженъ вышины, очень широкихъ, начинающихся у небольшого выгона, скорѣй выпуста, застроеннаго мельницами. Посреди валовъ—проѣздъ, гдѣ нѣкогда по преданію были чугунные ворота. Здѣсь будто бы проживалъ иногда гетманъ Дорошенко. «Тутъ его дворыще, тутъ поховани зъ гетманивъ. Тутъ и старынни входни погреба. Якъ прыйты надъ гору, ступыть, гукнешъ—озывается; кажемъ: оце мабуть тутъ гетманша захована, шо гука. А въ Лукомьи була столыця Дорошенка». Впослѣдствіи на этомъ же мѣстѣ была усадьба Сахновскихъ, потомковъ Горошинскаго сотника [2]) Петра Сахновскаго, уроженца Черниговскаго полка, и свойственниковъ генеральному писарю Безбородку [3]). Внутри усадьбы у воротъ, среди вишенъ, стоитъ крестъ надъ каменнымъ столбомъ, обозначающій мѣсто старой Преображенской церкви. Церковь была уже въ 1745 г., какъ видно изъ надписи на евангеліи, сдѣланной въ томъ году и гласящей: «Сіе божественное евангеліе купилъ Антонъ Семеновичъ Зѣнченко съ порадою жены своей и чадъ своихъ до м. Оржицы за пресвитеровъ того-же храма о. Антонія да о. Гавріила Семперовичевъ». Эта старая церковь упразднена въ 1759, а новая трехглавая выстроена лишь въ 1767 г., колокольня позже въ 1774 г. [4]). Новая церковь сдѣлана была въ формѣ корабля изъ

---

[1]) Лазаревскій. Истор. очер. Полт. Луб. 132—134.

[2]) 1756—1763 годовъ.

[3]) Лазаревскій. Ист. Очер. 1[illegible] 161.

[4]) А. Грановскій. Полт. епар. 415. Въ этомъ изслѣдованіи упоминается еще о существованіи въ м. Оржицѣ другой Михайловской церкви, о чемъ нѣтъ никакихъ мѣстныхъ данныхъ или воспоминаній,

дубовыхъ плахъ, шириной въ аршинъ, мѣстнаго дерева [1]), въ шулы, а не въ замки. Бревна скрѣплялись желѣзными шворнями, болтами. Тѣмъ не менѣе 24 іюня 1848 г., на Іоанна Крестителя, ураганъ разбросалъ бревна и сорвалъ какъ куполы церкви, такъ и колокольню до половины. Новѣйшая церковь, построенная въ 1872 г. далѣе на выгонѣ на крутой терасѣ Оржицы, просторна, свѣтла, съ зеленымъ куполомъ, усѣяннымъ звѣздами, съ колокольней въ одной связи. Внутри церкви—зеленый иконостасъ съ намѣстными иконами въ массивныхъ серебряныхъ шатахъ, и хоры [2]). Отовсюду: изъ церкви, съ холма, изъ валовъ древней крѣпости открывается широкій видъ на оржицкую низину, покрытую яркой зеленью, а по снятіи сѣна усѣянную стогами, частыми какъ копы. Внизу подъ валомъ надъ берегомъ проходитъ узкая улица Коваливщына, жилье Ковалей, а къ востоку отъ нихъ живутъ Жалы. Гдѣ кончается валъ, тамъ кончалась и царина въ старину, почему новая восточная часть Оржицы, похожая на миніатюрный городокъ, называется Зацаринье. По главной улицѣ Зацаринья постройки и дома выдвигаются на улицу фасадами, иногда за палисадниками; встрѣчаются и желѣзныя крыши. Главная улица расширяется къ выѣзду на Иржавецъ, у новой царины, и переходитъ въ широкій выгонъ съ мельницами. И здѣсь всѣ козачьи хаты одинаково на городской образецъ выступаютъ причилками на улицу и площадь. На главной улицѣ жили: дворяне Лазоренки, потомки мѣстнаго сотеннаго атамана Трофима Ивановича Тамары, потомки прежнихъ священниковъ, Брайковскіе,

---

а только до отдѣленія Зарога въ самостоятельный приходъ въ Оржицѣ было два священника и діаконъ.

[1]) Дорошенкомъ подарено церкви 33 десят. лѣса и 160 десят. болота, универсалъ о томъ отосланъ въ Полтавскій церковный музей.

[2]) Среди иконъ есть маленькій образъ Покрова съ омофоромъ, а среди богослужебныхъ предметовъ: складень 1786 г., два старинныхъ мироносныхъ креста, и крестъ съ надписью: «Сооружися крестъ въ местечко уѣзда Хорольского до храму Преображеня Господня Оржицю».

одинъ изъ которыхъ былъ войсковымъ писаремъ. Послѣдняя Брайковская вышла замужъ за штабсъ-капитана Герасима Тиховскаго, участвовавшаго въ крымской кампаніи и между прочимъ въ атакѣ Хрулевымъ Евпаторіи,—и дворяне Терлецкіе, родомъ изъ Волыни. По главной улицѣ живутъ старыя козацкія фамиліи: Давиденки, Кулики, Нестеренки, Паламаренки, Паськи и Семперовичи [1]); посреди мѣстечка и на кутѣ Падаливщинѣ, расположенномъ влѣво къ Опишкамъ, живутъ: Вороны, Гапоны, Мистюки, Татуси, по уличному Яшныкы, Тыщенки и Цупры, далѣе Падалки и Копильки на особомъ куточкѣ Копилькахъ. На Зацариньи же помѣщаются и слѣдующія козацкія фамиліи: Комлачи, Трелюсы и Руденки, а на крайнемъ восточномъ кутѣ къ Плехову—Куевдыхѣ—Лобуренки, по уличному Куевды. При Вишневецкихъ въ Оржицѣ былъ только 91 хозяинъ, теперь всѣхъ жителей 1608 душъ [2]). О хозяйственномъ положеніи жителей въ старые годы передають, что только въ Сосновскихъ было болѣе значительное состояніе. Въ XVIII в. они скупали земли у сосѣднихъ козаковъ, между прочимъ Голубъ продалъ сотнику Петру Сахновскому ниву за 2 руб. 40 коп. для покупки сабли [3]). Во время крѣпостного права у Сахновскихъ было 3 экономическихъ плуга, 12 паръ воловъ ходили въ дорогу, были стада скота, лошадей и простыхъ овецъ. У мелкихъ пановъ было по одному, и всѣ крестьяне были пѣшими. Также у стараго богатыря Авраменка былъ свой плугъ и 6—8 паръ воловъ при 100 десятинахъ земли. Прочіе козаки спрягались. Какъ они, такъ и паны, одинаково выбрасывали пѣшимъ 3-й снопъ. Козаки имѣли 127 десят.

---

[1]) Изъ этой фамиліи были священники Семперовичи, въ старину называвшіеся Сеперами. (Грановскій. Полт. епарх., 415). Вокругъ мѣстечка расположились слѣдующія урочища и могилы: Садкова, возлѣ нея валъ, «хвистъ» котораго выходитъ на Горошинскую дорогу, Мощыха, возлѣ которой также валъ, Гостра и Рогова, обѣ круглыя. Хуторовъ нѣтъ.

[2]) Кулишъ: Истор. возсоед. Руси. 1, 26 - 28, и Борьба шлях. съ козач. Библіот. для чт. 1865 г., IX, 5.

[3]) Лазаревскій. Ист. очер. Полт. Лубенщ. 132.

общественнаго сѣнокоса въ общемъ владѣніи съ передѣлами черезъ 5—6 лѣтъ [1]). Скотъ пасся въ общественномъ стадѣ съ платежемъ 20 коп. и гарнца муки въ 4 ф. отъ скотины, 10 коп. отъ овцы безъ руна и 5 коп. съ руномъ отъ десятка.

Въ самой Оржицѣ мужчины красивѣе женщинъ. Они стройны, высоки, съ прямыми чертами лица, волосы темные. Одежда за небольшими исключеніями однообразна во всей волости. Шапки ровныя, средней величины, черныя, рѣдко сѣрыя. Въ сосѣднемъ Иржавцѣ болѣе высокія. Рубашки съ стоячимъ, вышитымъ даже у стариковъ воротникомъ, у молодежи расшиты манишки и концы рукавовъ (чохла), «каптанкы» чорныя, ниже колѣнъ съ отрѣзной таліей и сборами, сверхъ нихъ въ дорогу надѣваютъ длинныя сѣрыя свиты (кобеняки). Городскіе пиджаки и штаны изъ покупныхъ матерій (крамни) теперь повсемѣстны. Кромѣ сапогъ для работъ въ болотахъ служатъ еще кожанные толстые башмаки (постолы). Женскій головной уборъ состоитъ изъ невысокаго, круглаго, цвѣтного или темнаго очипка, ситцеваго или кумачеваго съ вырѣзками для ушей. Часто его замѣняютъ уже сборникомъ. Сверхъ очипка надѣвается «бежовый, кашмирный, отласовый, ящыковый и шовковый» платки, первые гладко безъ выпуска концовъ (рожкивъ), послѣдній съ концами вверхъ. Начосовъ у женщинъ, кромѣ иржавскихъ, незамѣтно, и мычка мало видна. Дѣвушки зачесываются въ одну и двѣ косы и закрываются, а не повязываются платкомъ. Въ уши часто вдѣты одни кольца безъ привѣсокъ. На шеѣ молодицы и дивчыны надѣты: шнурокъ съ крестикомъ и иконками, «добре намысто», коралловыя трубочки (кострычка), разноцвѣтныя гранаты, а въ Иржавцѣ старинные рубли (дукачи). Рубашки конопляныя, рѣдко льняныя, расшитыя красными и черными крестиками и розами, у старухъ встрѣчаются еще мережанные подолы, молодицамъ же, опускающимъ низко исподницы, нѣтъ необходимости въ мережкѣ. Корсеты средней длины черные, коричневые, рѣдко яркіе, обшиты черной или цвѣтной ленточкой, грудь и полы расшиты черными нитками вол-

---

[1]) Сб. хоз. стат. Полт. губ. VI. Луб. у. 11.

нообразными линіями. Сзади плоско, «до усивъ», которыхъ 7—11, и «дощечокъ». Темныя литнячки и ватянки сшиты тѣмъ же фасономъ. Много кофтъ. Свиты черныя и сѣрыя. Запаски сохранились только у старухъ, у молодицъ длинныя сподницы и фартухи, подвязанные поясомъ, сзади спускающимся внизъ. Молодежь носитъ черевики и ботинки, изрѣдка разноцвѣтные чулки, а зимой сапоги на косую колодку, съ низкими подборами. Наблюдательныхъ посѣтителей уѣзда поражаетъ преобладаніе вкуса къ чорному цвѣту у мѣстныхъ женщинъ.

Узкій проселокъ ведетъ изъ Оржицы въ Плеховъ мимо глубокаго яра, заросшаго лѣсомъ. Иногда на пригоркахъ при встрѣчѣ нельзя и разминуться. За полемъ виднѣется село въ зелени вишневыхъ садовъ на возвышеніи праваго берега Оржицы, впадающей въ Сулу версты за двѣ отъ села у обширной, зеленой низины, отдѣляющей Плеховъ отъ Онушокъ и Великой Селецкой, и полной протоковъ и озеръ. Въ прямомъ разстояніи между селами только четыре версты. О началѣ села ничего точнаго неизвѣстно; по предположенію же покойнаго А. М. Лазаревскаго, Плеховъ основанъ въ первой половинѣ XVII в. выходцами изъ подъ Чернигова, такъ какъ и тамъ есть село съ тѣмъ же названіемъ [1]). На картѣ Боплана онъ названъ Плюховымъ. Ничто кромѣ созвучія не даетъ права предполагать, что названіе села произошло отъ Онушковской козачьей фамиліи Пелеховъ. Въ мѣстной церковной лѣтописи осадчимъ признается рыболовъ Плехъ; по болѣе точнымъ сказаніямъ Плеховъ начатъ нѣсколькими основными фамиліями съ трехъ хатъ. Крайній поперечный кутокъ, Дригивка, населенъ Дригамы, предкомъ которыхъ былъ рыболовъ изъ Великой Селецкой. Здѣсь живутъ также Дмитренки изъ Юсковецъ; здѣсь же расположена и усадьба почетнаго гражданина Ф. К. Черныша. На Дриговкѣ есть подземный ходъ на глубинѣ 5 саженъ съ боковыми проходами, въ которомъ свободно ходитъ человѣкъ средняго роста. Изъ Юсковецъ пришла и древнѣйшая мѣстная фамилія Нестеренко, занявшая

---

[1]) Историч. очер. Полт. Лубенщ. 132—134.

Нестеривку, кутъ, перпендикулярный Дригивкѣ. Кутъ заселенъ исключительно Нестеренками, одинъ изъ которыхъ былъ полковникомъ [1]).

Восточнѣе Нестеривки, на Трегубивкѣ живутъ: Трегубы, вышедшіе изъ Калкаева, хутора хорольскаго уѣзда, Сизоненки, Охрименки, Люти («Йихъ баба була ляхивна»), и паны Герасименки, козацкаго происхожденія. Еще болѣе къ востоку размѣстились слѣдующіе куты: Налучанскій, жительство Кобзарей, пришедшихъ изъ Селецкой и Бурыхъ, Кобзаривщина, на которой живутъ: Дмитренки, Кобзари и Слиньки изъ Калкаева, Мизюривщина, жительство Семперовичей, Садкивъ и бывшихъ крестьянъ Скаржинскаго: изъ Новаго Иржавца: Винниченковъ и Кишинскихъ, и Довга, жилье козаковъ Андрусенковъ, и Рожки—Рожковъ и Семперовичей Старая церковь была надъ горою въ средоточіи Дригивки и Нестеривки въ такъ называемомъ Городкѣ. По преданію она основана Сеперомъ, предкомъ Семперовичей въ честь Рождества Пр. Богородицы, а по письменнымъ даннымъ Семперовичи были первыми священниками [2]). По письменнымъ же даннымъ извѣстно, что Плеховъ отданъ былъ въ 1734 г. Требинскимъ «съ угодіи, кромѣ козачьихъ грунтовъ и виключивъ изъ села Плехова посполитныхъ два двора, какъ свободны» [3]). И впослѣдствіи оно числилось въ Горошинской сотнѣ за бунчуковымъ товарищемъ Даніиломъ Требинскимъ [4]). Послѣдній выстроилъ въ 1777 г. новую церковь взамѣнъ старой тѣсной церковцы Сепера [5]). Эта вторая церковь прелестной древнемалорусской архитектуры въ видѣ корабля стояла среди сирени, тополей и ясеней въ саду, но по неизвѣстнымъ соображеніямъ она выдви-

---

[1]) Можетъ быть фамильное преданіе подразумѣваетъ Лубенскаго полковника А. К. Нестеренка (1672 г.) зятя Многогрѣшнаго (Лазаревскій. Ист. Очер. 52).

[2]) А. Грановскій Полт. епарх. 414.

[3]) И. Лучицкій. Сборн. матер. 52, Лазаревскій, Ист. очер. Полт. Луб. 132—134, Кіев. Стар. 1896 г., VI, 309.

[4]) Грановскій. Полт. епарх. 414.

[5]) Ibid.

нута въ 1880 г. впередъ на выгонъ и еще только обсажена деревомъ. Новѣйшая церковь обыкновенной сельской архитектуры. Иконостасъ синій съ круглыми очертаніями; намѣстные образа—въ драгоцѣнныхъ шатахъ, хорошей кисти, но нѣсколько напоминаютъ греческія божества, образъ же Пресвятой Дѣвы очень индивидуаленъ, какъ будто списанъ съ живой женщины. Къ счастію, маляры, обновлявшіе храмъ, отказались поновить образа, сказавъ: «мы такъ не нарисуемъ» [1]).

О хозяйствѣ старѣйшихъ поповъ Требинскихъ ничего неизвѣстно. Слѣдовавшій за нимъ помѣщикъ Иванъ Михайловичъ Скаржинскій имѣлъ здѣсь винокурню, 5 плуговъ и стадо сѣрой украинской породы. Крестьяне имѣли своихъ 2 плуга, работали 4 дня пану и 2 себѣ, пѣшіе получали 3-й снопъ, женщины пряли по 3 пивмитка. Жена его, урожденная Закревская, овдовѣвъ, вышла вторично за Паскевича (Пасько), и затѣмъ имѣніе пріобрѣтено Ф. К. Чернышемъ. У Т. С. Герасименка былъ одинъ плугъ, нѣсколько коровъ и табунъ въ 15 матокъ съ однимъ жеребцомъ. Сынъ его Иларіонъ Тимофеевичъ построилъ винокурню. Хозяйство мѣстныхъ козаковъ не было значительно, зажиточные держали по плугу воловъ, пѣшимъ выбрасывали 3-й снопъ, а теперь зажонщикъ получаетъ 4—5 снопъ съ отработкомъ по востребованію; за деньги землю нанимаютъ по 10—12 р. десятину. Обиліе луговъ давало возможность держать по 20 и болѣе лошадей. «У Кобзаривъ була копа самихъ кобылъ». Была общественная череда съ быкомъ, въ которую платили, помѣщая скотъ, по 3 к. отъ головы и коробку жита отъ пары воловъ. Средней величины пасики, въ 50—60 пней въ зиму, были у Бурыхъ и Дмитренковъ.

---

[1]) На одномъ изъ евангелій встрѣчается надпись: «З попади Оржицкой Екатерины Михайловны Антона Сеперова обѣцявши сіе евангеліе за свои собственныя деньги цѣною за 13 руб. съ полтиною дала его синови своему о. Івану, пресвитеру Плехова и потомства его во вѣчные роды въ Богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ Иваномъ Боровскимъ и Стефаномъ Смирницкимъ по моему прошенію за вышеписанную цѣну власными моими деньгами».

Мѣстное рыболовство такое же какъ и въ сосѣднихъ селахъ; ловятся тѣже породы рыбъ: щука, вязь [1]), караси, лины, вьюны. Раковъ нѣтъ. Ловятъ крылачами на свободномъ мѣстѣ (на гайду), ятерями и неводами, зимою помощью камышовыхъ «котей». Уловы невелики: пуда два рыбы; прежде фунтъ рыбы стоилъ 3 к., пудъ 1 р. 20 коп., а теперь 8—10 к. фунтъ и 3 руб. пуд. Всего населенія теперь 1600 душъ. Оно высоко, темнорусо, съ голубоватыми глазами; темные волосы и глаза встрѣчаются въ семействахъ: Бурыхъ, Дригъ и Трегубовъ. Мода оржицкая, отличающаяся отъ хорольской. На лѣвомъ берегу Сулы въ хорольскомъ у. женщины носятъ очипки пирожкомъ, повязываются платкомъ узломъ (гулею) впередъ; въ одеждахъ большіе выкаты у шеи; сапоги цвѣтные. Мужскія одежды длиннѣе.

Въ Плеховскомъ приходѣ только два хутора [2]): Слиньковъ и Нестеренковъ. Первый, основанный тремя братьями: Герасимомъ, Яковомъ и Никитой, состоитъ изъ 18 дворовъ, раскинутыхъ на безлѣсной равнинѣ. У хутора Слинькова сплошная возвышенность сульской террасы разрывается крутымъ спускомъ къ рѣкѣ. Слѣва къ хутору—отвѣсная гора, вправо другая, гораздо выше, съ вершиной, увѣнчанной укрѣпленіями круглыми, причудливой формы. Послѣдняя гора называется Лысой. Валы протянулись и около хуторовъ. Внизу подъ самой горой темнѣетъ Сула узкимъ ручьемъ. За нею широкій, желтѣющій цвѣтами лугъ, а за нимъ межъ блѣдными вербами и осинами, темными берестами, разбросаны постройки хорольскаго хутора Калкаева. За зеленью въ синей дали виднѣются очертанья Нарожской церкви [3]). Тот-

---

[1]) Иначе билызна (leuciscus idus. L.). Мелкая рыбка носитъ въ лубенскомъ у. слѣдующія названія: верховодъ (leuc. alburnus. L.), вивсянка или вивсюшка, пидлешни, плитка (l. rulitus) плоскирка (ablamus blicca. L.), пукасы, сыкавка (cobius taenia. L.), таловирка и хавдодъ.

[2]) Урочища кругомъ Плехова называются луки Гряда; ямы на Сулѣ: Кобзарьки, Цыганка и Бакланка; могилы: Батарея, Бурты и Роскопана.

[3]) Нарожье село хорольскаго уѣзда.

часъ за Лысой горой къ востоку лѣпится на кругизнѣ среди грушъ, берестовъ и осинъ хуторъ Нестеренковъ въ 14 дворовъ, основанный Андреемъ и Тимофеемъ. Низина подъ хуторомъ называется Тванью [1]), прежде по ней ходилъ паромъ Оболонскихъ и Гудимъ съ платежемъ въ началѣ по востребованію, потомъ по 3 коп. отъ воза и по копѣйкѣ съ пѣшаго. Потомъ проложена длинная земская плотина съ рядомъ вербъ по краямъ. За Тванью Сула, пробѣгая мимо сосѣдней Чутовки, направляется къ Горошину, затѣмъ протекаетъ около Жовнина, золотоношскаго уѣзда, межъ низкими, песчаными берегами и скоро вливается въ Днѣпръ подъ высокой горой.

Вблизи хуторовъ Слинька и Нестеренка, у впаденія ручья Иржавца [2]) въ Сулу, расположена Чутовка, крайнее южное поселеніе лубенскаго уѣзда. По обѣимъ сторонамъ балки тѣснятся крестьянскія постройки, въ рощахъ вишенъ, грушъ, ясеней и серебристыхъ тополей. Внизу продолговатый прудъ съ зеленой водой, прежде обильный рыбой и раками. У пруда видны ряды итальянскихъ тополей и осокорей, обширный садъ и панская усадьба, принадлежавшая Требинскимъ, съ противоположной стороны села—другая панская усадьба. Названіе села происходитъ отъ имени козака Чута, жившаго вблизи на такъ называемомъ Городищѣ особымъ хуторкомъ [3]). Но о Чутѣ ничего неизвѣстно, хотя такая фамилія и встрѣчается среди мѣстныхъ крестьянъ. Дѣйствительная же исторія села, разукрашенная, впрочемъ, воображеніемъ, соединена съ герцеговинской фамиліей Требинскихъ, появившихся въ уѣздѣ по слѣдующему поводу. Какъ извѣстно, Петръ Великій, объявивъ войну Турціи, пригласилъ и южныхъ

---

[1]) Твань—невылазная грязь, болото.

[2]) Гуровъ. Геол. опис. Полт. г. 325. Этотъ ручей только одноименный съ протекающимъ по Черевковской и Селецкой волостямъ, описаннымъ въ «Средней Лубенщ.» (Кіев. Ст. 1903 г. II) и въ 1-й гл. настоящихъ очерковъ.

[3]) «Тамъ бувъ городокъ, одынъ старыкъ вертивъ землю буравомъ, найде клади: печище замуроване, родъ лёха и уголя»,—разсказываютъ старожилы о Городищѣ.

славянъ возстать противъ турокъ и скинуть позорное иго. Приглашеніе это воспѣто въ приводимой графомъ Милорадовичемъ сербской пѣснѣ:

Какъ Русія съ Турцимъ ратоваше,
Петаръ Првый, Императоръ Рускій
Оправіо посланника свога
Михаила Милорадовитя,
Одъ старице изъ Герцеговине
Да понесе Црной Горы книге
Петровитю Данилу Владици
И Главаромъ отъ Горице Црне [1])...

Полковникъ Михаилъ Милорадовичъ, явясь въ 1711 г. съ увѣщательными грамотами въ Скандербегіи, Герцеговинѣ и Чорной горѣ успѣлъ разжечь возстаніе, въ которомъ воевода Кастель-Нуово Славуй Требинскій, поднявъ оружіе противъ турокъ, содержалъ компанію на своемъ счету, а послѣ примиренія вынужденъ былъ переселиться въ Россію и опредѣленъ сотникомъ въ Ирклѣевъ, Переясловскаго полка, гдѣ купилъ грунты и съ согласія жителей занялъ свободное поле [2]). Потомъ въ 1734 г. по указу Анны Іоанновны дана Славую съ братьями: Алексѣемъ и Максимомъ м. Оржица, Лукомской сотни, «для лутшого утвержденія и ласканія всего тамошняго благочестиваго народа». Славуй вызвалъ изъ Герцеговины племянниковъ: Данила, Николая и Ивана, изъ которыхъ первый по смерти Славуя въ 1749 г. и Алексѣя въ 1753 г. получилъ Оржицу и Плеховъ, а Иванъ поступилъ вицекапраломъ въ полкъ, набранный генераломъ Шевичомъ. Однажды въ 1753 году онъ вмѣстѣ съ братомъ Николаемъ напалъ на хуторъ Оржицкаго богатыря Авраменка, избили хозяевъ и челядь, изнасиловали молодицъ и дѣвокъ, ограбили ху-

---

[1]) Сказаніе о родѣ граф. и двор. Милорадовичей. Кіевъ 1884 г., 92.

[2]) Изъ грамоты Елисаветы Петровны 13 сентября 1745 г.. приведенной проф. И. В. Лучицкимъ въ «Сбор. матер.». Кіевъ 1884 г., 50—52.

торъ и угнали скотъ. За такіе неоднократные набѣги на козацкое добро, рубку лозъ, потравы полей, захватъ козачьихъ участковъ Иванъ Угричъ-Требинскій посаженъ былъ генераломъ Хорватомъ въ темницу. Освободившись, онъ занялся устройствомъ Чутовки, зазывая людей и предоставляя имъ на шесть лѣтъ въ пользованіе каждому по 3 десятины пахоти, по 1 десятинѣ сѣнокоса, дерево и камышъ за 18 дней отработка въ году [1]). Объ этихъ наѣздахъ, о заселеніи Чутовки о самой личности Ивана сохранились въ окрестностяхъ слѣдующія народныя воспоминанія. «Іованъ Требинскій бувъ первый вояка и власть ёму дана: куды хочешъ иды и де найдешъ вольни степы, селысь тамъ. Якъ ухватылы ёго у плинъ, хотилы смерти предать, шо Требынській винъ, а винъ сказавъ: «Я Угрычичъ, а не Требынській, и війшовъ у се царство, поселывся у Чутовци на хутори Бекманивци надъ прудомъ. Жывъ у Чутовци Сеперъ и Требынському те мисто вподобалося и прыказавъ Требынській своёму війську: «якъ бы Сепера зогнать видтиля». Такъ одынъ служака, подданный, затоварышувавъ и позвавъ Сепера до себе у гости и начавъ ёго дурыть; упоивъ, такъ винъ якъ заснувъ, а військо зламало ёго постройку, зорало и жыта насіяло и семейство подалося на Твань, а Сеперъ кынувся, колы нема уже его постройкы, ходыть, плаче, дознавъ де ёго семейство. Ставъ позываться. Судъ спытавъ: «Якый то сонъ, шо ты спавъ, шо зламалы, выоралы и жыто насіялы, а ты й не чувъ»? Такъ судъ отказавъ: не може буть шобъ такъ. А Сеперъ бувъ богатый и давай просыться у Плехивъ: «Пустить мене, я выстрою церковъ и буду у васъ попомъ».—Разъ Іованъ йихавъ верхы, а гадъ вылизъ и злякавъ коня и Іованъ трохы не впавъ, такъ винъ у болото сославъ увесь гадъ, и на степку до Плехова, покы ёго земля, и доси нема гаду. Винъ, якъ треба рыбы, якъ крыкнувъ Горошынцямъ за пьять верстъ: «Давайте рыбы, а то осидлаю коня и головы поздіймаю!» Ёго боялысь уси. И патретъ ёго бувъ: страшный, чорнявый. Разъ занявъ винъ

---

[1]) «Кіев. Стар.», 1896 г. VI. 309, 311, 312, и IX, 220, 227 и 228.

кони Оржыцького попа. Пипъ пойихавъ до ёго, такъ веливъ Требыньскій забыть бороду попа въ пенёкъ и пипъ стоявъ двое сутокъ зъ заклынцёваною бородою. Жывъ винъ соби и одбывавъ землю, завоёвувавъ, прыбращавъ и козакивъ соби; було возьме бочку водкы и назбира людей; выйизжавъ винъ на буланому кони изъ своимы людьмы, подданными, сто чоловикамы, хотивъ Клыщыньци звоювать. Надъ Сулою гарне мисто, якъ и Чутовка. Пишовъ винъ прынуждать тихъ крестянъ. Воны бачять, що дило плохо и—тикать. Тоди лисно було тамъ. Такъ Їованъ сбере дитей та лавою до стины и подавывъ йихъ, а людей тихъ не розыскавъ. Тоди собралысь люде изъ Веремiивки зъ кiйкамы и одбылы Клищенци [1]).—Предокъ Требынськихъ бувъ сербъ. Въ старого сербына було тры сына: одынъ сивъ на мисти князємъ, другый подавсь сюда, а третій у Аглію. Сей прыйшовъ зъ войскомъ и сивъ у Чутовци надъ яромъ, зогнавъ Сепера, а то хотивъ зогнать Плехивъ и Оржыцю, зробывъ соби планъ на десять верстъ и сказавъ усихъ согнать. У ёго колдунъ бувъ. И войсько ишло на Плехивъ. Якъ Плехивци почулы, забралы дрюкы, вiйця и пишлы напротывъ зъ нымы быться. А Андрiець Нестеренко жывъ хуторомъ, у ёго пасика була и меду багацько. Винъ попросывъ до себе колдуна, давъ ёму горилкы и меду, а си идуть зъ дрючьямы Плехивци, такъ войсько злякалось, що колдунъ бросывъ, и вернулось. Пытае Требыньскій: «А шо?»—Вернулысь шо колдунъ покынувъ уже и прыставъ до Андрiйця». И Требыньскій покы вигналы, покы одбылы одъ Чутовкы, версты на дви звеливъ закопать ровомъ и ровъ и теперъ есть здоровый. Тоди винъ пославъ войсько на Оржыцю, колы и Оржыця одбылась. Колдунъ же оставсь на викъ у Андрiйця, гостывъ, покы не вмеръ [2]). У Iована була жинка изъ сербiянъ и одынъ сынъ Ла-

---

[1]) Оба поселенія золотоношскаго уѣзда. Преданія записаны отъ Чутовскихъ крестьянъ, кромѣ эпизодовъ о Сеперѣ и атаки Плехова, разсказанныхъ П. А. Нестеренкомъ.

[2]) Чародѣйство входило въ старинную тактику, какъ видно изъ многихъ примѣровъ, приводимыхъ покойнымъ Костомаровымъ. Такъ,

зарь. Якъ Іованъ ослабивъ,—а судъ у его бувъ за межи изъ Кантакузомъ, Неплюемъ и Скаржинскимъ, такъ винъ пославъ сына: «Пойидь на судъ». А Лазарь помырывсь не такъ, якъ батько велывъ, а по согласію суда, якъ судъ йихъ прызвивъ. Такъ винъ якъ прыйихавъ до-дому до отця, такъ отецъ хотивъ его застрелыть. Лазарь утикъ. У Лазаря бувъ одынъ сынъ Иванъ. Винъ бувъ добрый. Йиде винъ на бигункахъ и у его бублыкы и сахарь, и де табунецъ дитей,—по головци погладывъ и каждому по бублыку и по грудци. Утромъ на Полупетра (30 іюня) обййизжавъ винъ степъ и казавъ людямъ: «Берить хлибъ, молотить и мелить». Распорядывсь, сивъ на балкони и черезъ пивчаса померъ» [1]).

У Ивана Лазаревича было состояніе въ 3000 десятинъ, обработывавшихся 15-ю экономическими и 15-ю крестьянскими плугами; 10—12 возовъ ходило въ дорогу, было стадо сѣрой украинской породы въ 50 коровъ при 2-хъ быкахъ, 2000 мериносовъ, и табунъ въ 50 матокъ, преимущественно рыжихъ и гнѣдыхъ. Любимый жеребецъ карабахъ былъ сѣрый въ яблокахъ (яблуковый). Въ экономіи были: 4 водяныхъ, земляная и вѣтряная мельницы. Эта экономія, и вмѣстѣ съ нею село, распалось на двѣ части, раздѣленныя ручьемъ Иржавцемъ: юговосточную, собственно Чутовку, доставшуюся сыну Ивана, Михаилу Требинскому, оставившему одного лишь сына Сергѣя, который принялъ монашество и рано умеръ, и сѣверозападную, Новоалександровку, доставшуюся другому сыну Александру, продавшему имѣніе [2]). Подраздѣленія

при защитѣ Голтвы Остраниномъ на крышахъ сидѣли чародѣи, чаровницы и отводили польскіе выстрѣлы. (Борьба укр. козак. съ Польш. 231). Пораженіе подъ Пилявой поляки приписывали чарамъ. Хмельницкій совѣтовался съ колдунами. Чаровница Мавруша отсовѣтовала приступъ къ Замостью. При уничтоженіи загона Донца казнены поляками двѣ колдуньи. (Богд. Хмельн. 1859 г. 240, 276, 290, 336). См. «Лѣсн. Лубенщ.», 86.

[1]) Отъ мѣстныхъ крестьянъ.

[2]) По народнымъ толкамъ «Аглыцьки Требынськи змерлы и король сказавъ Александру Ивановычу: «Грошей не выпущу, а ты йидь сюды». Такъ Александръ Ивановычъ несхотивъ.

этихъ частей (куты) называются большею частью по именамъ жителей, ихъ заселяющихъ. Крайній кутъ Чутовки отъ Плехова—Зацеркивка—заселена: Евтушенками, Репиленками, Черненками; далѣе куты: Никонивка—жилье Блискавокъ, Давидовка—Дулей, Кайдъ, Криворучокъ, Радькивка—Лазоренкивъ, Омельченкивъ, Радченкивъ, и Мартыновка, на которой живутъ: Маслаки и Щербановскіе. На площадкѣ стоитъ небольшая деревенская церковь св. Іоакима и Анны, основанная въ 1773 г.[1]) подполковникомъ И. Л. Требинскимъ, среди погоста, обсаженнаго желтой акаціей и молодыми деревцами. Новоалександровка состоитъ изъ слѣдующихъ кутовъ: Щербанивки, занятой: Лазирскими, Омельченками и Чутами, Сукивки—Зузулями, Маслаками, Старущенками и Суками. Послѣдній древнѣйшій кутокъ Бекманивка за прудомъ представляется рядомъ стѣсненныхъ, однообразно, какъ въ казенныхъ поселеніяхъ, выдвинутыхъ причилками на улицу, хатъ, заселенныхъ: Гривами, Лепинскими и Шевченками. Жители взяты Требинскими большею частью изъ Оржицы[2]), частью же—судя по фамильнымъ прозвищамъ—жители переселились изъ нѣсколькихъ селъ лѣсной и западной Лубенщины, вѣроятно привлеченные перечисленными выше льготами, объявленными Иваномъ Требинскимъ. Положеніе крестьянъ наканунѣ отмѣны крѣпостного права различалось. Въ Чутовкѣ было 18 семей тяглыхъ, получившихъ по 4 десятины надѣла, въ Новоалександровкѣ не было тяглыхъ и положеніе вообще соединялось съ стѣсненіемъ. Люди отказались отъ надѣла и теперь нанимаютъ поле и пастбище исключительно за отработокъ. Всего жителей 1387; они вышесредняго роста, много брюнетовъ. Одежда въ складкахъ, какъ въ Оржицѣ, очипки только плоскіе, красные, въ родѣ конфедератки, чѣмъ мѣстныя женщины отличаются отъ золотоношскихъ смежныхъ селъ, гдѣ очипки широкіе съ двумя гребнями, переломленные посрединѣ.

---

[1]) Прежде Чутовка принадлежала Мохначскому приходу и только послѣ пожара Мохначской церкви, случившагося на Рождество, выдѣлилась въ особый приходъ.

[2]) Лазаревскій, Истор. очер. 135.

Вверхъ по Иржавской балкѣ за Чутовкой у самой Золотоношской границы расположены три Иржавца: Новый, Старый и Вершинный. Первый, называемый еще Слободой, протянулся вдоль дороги линіей бѣдныхъ хатъ, крытыхъ камышемъ, въ тѣсныхъ дворахъ среди небольшихъ садовъ. Основанъ Скаржинскими, «богатющымы панамы», имѣвшими здѣсь до 2000 десятинъ, треть которыхъ распахивалась 8—12 плугами; остальныя служили сѣнокосомъ и пастбищемъ для стада коровъ: 50-ти при 2—3 быкахъ сѣрой украинской породы, табуна лошадей въ сто головъ, большею частью рыжихъ и гнѣдыхъ съ 6-ю жеребцами верховыми и упряжными, и 1000 шпанокъ. 10 возовъ посылалось въ дорогу. На ручьѣ Иржавцѣ молола водяная мельница. И людямъ тогда жилось недурно. «Люды жылы краще козакивъ, було у 50-ти хозяивъ по пари воливъ, булы: коровы, бычня, вивци и свыни». Тяглымъ предоставлялся 1—2 дня земли и по 3 дес. сѣнокоса. Они обязаны были: пахать, волочить экономическіе поля, свозить экономическій хлѣбъ; пѣшимъ предоставлялось также по дню поля и выбрасывался 3-й снопъ на общемъ основаніи. Женщины отпрядали въ зиму по три мотка. Теперь народъ обѣднѣлъ: надѣлъ взятъ по 2 десятины на семью, притомъ не всѣми. Законъ—7—8 снопъ безъ отработка, 7—12 коробка молотникамъ, смотря по урожаю. Степное сѣно снимаютъ съ 7, 8, лучшее съ 10 копны. Всего жителей 625, переселенныхъ большею частью изъ х. Круглика, имѣнія Скаржинскихъ вблизи Лубенъ и изъ Чевельчи, денисовской волости, по фамиліямъ: Выговскіе, Дробницкіе, Капитаны, Карюки, Кобы, Кваши, Мигили, Моцные, Обизы, Трегубы, Чуприны, Шаповалы, Шеливестры, Уманцы и др. [1]). Посреди слободы у круглаго выгона стоитъ небольшая каменная церковь съ красивымъ розовымъ иконостасомъ. Куполъ церкви круглый, а колокольня готической архитектуры. Обѣ выстроены Ф. К. Чернышомъ въ 1848 г. [2]).

---

[1]) За оврагомъ была степь Оржицкихъ помѣщиковъ Сахновскихъ и жили ихъ крестьяне: Гордіенки, Норки, Тесли и др.

[2]) А. Грановскій. Полт. епарх. 411.

Съ новымъ Иржавцемъ незамѣтно соединяется старый, и только лучшія постройки и большая зажиточность жителей указываютъ на происшедшую перемѣну. Старый Иржавецъ расположенъ межъ двумя ярами: Иржавскимъ и другимъ, безимяннымъ, идущимъ къ хутору Крысамъ, золотоношскаго у. Основанъ онъ мѣстной фамиліей Зѣненковъ. «Предокъ йихъ бовкуномъ и бидкою прыйихавъ зъ Польши у Оржыцю, а зъ Оржыци выйшовъ у степъ на ричку Иржавець. Тутъ булы тоди степы верстъ на трыдцять, нихто йихъ не обработувавъ. Якъ винъ прыйихавъ сюды бидою, то и хуторы звалысь у старовыну Бидни хуторы». Крайній отъ Новаго Иржавца кутъ называется Мандолыннивщынною отъ имени жителей козаковъ Мандолынъ или Магдалынъ, «лытовченкивъ», далѣе Матяшивщына, занятая одними только Матяшами, имѣвшими въ старину пасику, за нею Боровкивщына, жилье Боровковъ, пришедшихъ сначала въ Оржицу, а уже оттуда въ Иржавецъ, и Ванцаковъ, родственниковъ Слиньковъ, затѣмъ Яцынивщына, гдѣ живутъ Яцыны, Надвирнивщына, прежде принадлежавшая козаку Слиньку, потомъ перешедшая за его дочерью козаку х. Шамбурова хорольскаго уѣзда, Надворному. Послѣдній кутокъ Биднивщына занятъ панами и козаками Зѣненками, также ихъ крестьянами, нѣкогда подсосѣдками. Вблизи церковь Всѣхъ Святыхъ, построенная въ 1802 г. землевладѣльцемъ Слинькомъ съ прихожанами, а фундаментъ подведенъ помѣщикомъ І. В. Косюрой [1]). Подъ фундаментомъ склепъ, въ которомъ погребенъ самъ жертвователь. Въ церкви выдаются слѣдующіе образа: храмовой въ роскошныхъ серебряныхъ шатахъ, св. Іосифа, патрона Косюры, Іоанна Крестителя, обнаженнаго до пояса, и пророка Иліи, мѣстной кисти. Въ сторонѣ на краю села расположена обширная усадьба Золотоношскаго предводителя дворянства В. В. Косюры, потомка старинной фамиліи Золото-

---

[1]) Родился 1769 † 1840 г. До построенія храма въ XVIII в. Старый Иржавецъ показанъ хуторомъ сотеннаго эсаула Семперовича (А. Грановскій Полтав. епарх. 412). Священники изъ фамилій Семяновскихъ и Сулятицкихъ.

ношской сотни, м. Крапивной. Эта фамилія въ формѣ Кусюръ встрѣчается между прочимъ въ спорѣ эсаула Лукашевича съ войсковымъ товарищемъ В. Косюрой [1]) въ XVIII вѣкѣ. Но общественная и хозяйственная дѣятельность этой фамиліи принадлежала преимущественно золотоношскому уѣзду. Средоточіе хозяйства, обширная усадьба, старый садъ были въ хуторѣ Марьяновскомъ или Крысахъ. Тамъ жила покойная К. Д. Косюрина, сестра харьковскаго профессора Борисяка, настоящая малорусская пани: гуманная, привѣтливая, гостепріимная. Самая свѣтлая женская личность стараго патріархальнаго времени. Крестьяне Косюръ въ Иржавцѣ называются: Волки, Махны, Цимбалы и др. При учрежденіи прихода въ 1812 г. всего въ немъ жителей было 855 душъ, въ тридцатыхъ годахъ прошлаго вѣка до тысячи, въ 60-хъ годахъ 1300 и въ началѣ XX вѣка—1600 съ лишкомъ.

Послѣдній поселокъ, раскинувшійся по обѣимъ сторонамъ иржавской балки, называется Вершинно-Иржавскимъ или Чайковщиной. Второе названіе мѣстные старожилы производятъ отъ осадчаго оржицкаго козака Ивана, поселившагося двѣсти лѣтъ назадъ въ степи, среди чаекъ, и отъ послѣднихъ такъ прозваннаго. Кромѣ Чаекъ, въ сельцѣ живутъ еще: Чигрины, Проценки и Мандолины. Средина занята нѣсколькими бывшими крестьянами помѣщика Дарагана, дочь котораго вышла замужъ за Теремецкаго, почему этихъ крестьянъ называютъ Дараганцями, а средину села—Теремецкивщыною. За ними живутъ Комлачи и Слиньки, а на противоположной сторонѣ оврага: Вороные, Лени и опять Чайки. Большинство жителей высокаго роста, плечистые, темнорусы, красивѣе новоиржавскихъ; по церковнымъ даннымъ ихъ всего 600. Церковь, построенная въ 1884 г. на пожертвованія козака Семена Слинька и другихъ прихожанъ [2]), стоитъ у небольшого выгона. Иконостасъ Лубенскаго духовнаго училища перекупленъ изъ Зарога и обновленъ. Чайковщина зажиточный хуторъ, прекрасно обстроенный. Старое козацкое хозяйство было

---

[1]) И. В. Лучицкій. Сборн. мат. 175, 176, 179.

[2]) А. Грановскій. Полт. епарх. 412.

такое же, какъ и вездѣ въ окрестности нѣсколько сонное. «Сіялы помалу, а хлиба було багато». Урожай снимался за 3-й снопъ на хозяйскихъ харчахъ. Теперь снимають за 6 снопъ съ отработкомъ и за 8-й безъ отработка. Наемъ земли 9—15 руб. десятина.

Степь за Чайковщиной, вдоль отмѣченной столбами золотоношской границы, веселая. Повсюду на ней разсыпались хуторки и отдѣльныя просторныя хаты [1]), съ обильными токами, сытыми волами, привѣтливыми людьми, рощами, садами и степными колодцами съ журавлями. Настоящая, типичная хуторная Малороссія, гдѣ всё цвѣтетъ и улыбается. Такой же типично малорусскій характеръ сохраняетъ и сосѣдній Зарогъ.

Рогомъ на мѣстѣ называется крутой поворотъ гористаго берега рѣки, почему село, лежащее за такимъ рогомъ получило названіе Зарога. Онъ протянулся линіей въ 7 верстъ надъ зеленѣющей долиной рѣчки Оржицы, и всѣ усадьбы одной стороной спускаются въ рѣчную долину. Хаты построены рѣдко въ разстояніи 50—100 саженъ, перемежаются рощами вишенъ и осокорей. Другою стороною усадьбы выходятъ на выгонъ съ нѣсколькими мельницами, порѣзанный на подворные участки [2]), и далѣе на поля. На послѣднихъ раскинуты могилы: Орливка, Шеменка, Бузивка и Татарка, о которой разсказываютъ: «У сій могыли татары жылы, а дорога Денысивська; якъ люды идуть отсею дорогою, то воны кыдаються и бьють стрилами. На Бузивци бекетъ [3]) стоявъ, а коло Половыны стоявъ козацькый за-

[1]) Названія ихъ: Бурмановъ, Бутовъ, Ванцаковъ, Гензуловъ, Голованевъ, Засѣдайкинъ, Закорецкого, Кодинскій, Кожушный, Ляпкаливъ, Мандолинъ, Мрячинъ, Надворныхъ, Норчинъ, Ольховый, Синеоковъ, Слинькивъ, Сухинскій, Сухоиржавскій, Теремецкаго, Трохимцевъ, Устенкивъ, Халовъ, Хоменкивъ, Чайкинъ, Черненкивъ, Чигриновъ, Якименкивъ и др.; всѣ они въ нѣсколько хатъ, населены козаками изъ Иржавскихъ селъ и Зарога, названы по именамъ хозяевъ.

[2]) Сборн. хоз. стат. Полт. IV. Луб. у. 237.

[3]) Пикетъ.

валъ. Якъ татары кынутся, то на бекети вихы поспускають и люды тикають у Оржыцю». Крайніе куты отъ м. Оржицы: Половынщына и Таранивщына, жилье козачьихъ родовъ такого имени. Половины и Тараны,—по предположенію автора «Жизни въ одномъ селѣ» [1]),—представляются основными родами, осадившими Зарогъ. Къ западу отъ этихъ кутовъ помѣщается Голованивщына, занятая также значительнымъ правобережнымъ родомъ Стасенковъ [1]). «Омелько Стасенко,—говорятъ его потомки,—найшовъ сюды здалека. Винъ бувъ табунщыкомъ у якогось пана за Днипромъ и утикъ и прыгнавъ сюды табунъ коней. Тоди малолюдство було — хатъ пьять, и винъ занявъ огородъ. И у дидивъ худоба страшна и земля одъ Зарога до Чайковщины. Злизе Омельянъ на хату, подывытся, шо нема табуна, и тоди сида на коня и йиде табуна шукать. Сыны Стасенка якъ поризнылысь, сталы рогатою скотыною бильшъ заниматься нижъ кипьмы». За Голованивщыною расположилась Симонивщина, жилье знатнѣйшихъ мѣстныхъ родовъ: Симоновъ и Слиньковъ. Предокъ первыхъ былъ въ началѣ XVIII в. Оржицкимъ сотеннымъ атаманомъ, затѣмъ двѣ семьи Симоненковъ, любя обособленную жизнь, выселились на зарожскую степь, гдѣ до того была лишь сторожевая хатка, около тридцатыхъ годовъ XVIII в. [3]). Впрочемъ Зарогъ вообще, какъ и вся окрестная степь праваго берега рѣки, ничто иное какъ разросшееся мѣстечко Оржица съ незначительною примѣсью посторонняго элемента, главнымъ образомъ, въ Плеховѣ. За Симонивщиной село вдается въ долину Оржицы мысомъ, называемымъ Шпиль, за которымъ—кутъ Бурмивщына, гдѣ живутъ козаки Бурмы и на самомъ краю села къ Денисовкѣ лежитъ хуторъ Косинскаго, населенный бывшими крестьянами Косинскихъ: Бабенками, Гаращенками, Колывайками и Шухами. Болѣе столѣтія

---

[1]) Въ «Основѣ» 1862 г. подъ псевдонимомъ А. Нечуй-Вітеръ. Т. VIII, 29.

[2]) Стась уменьшительное отъ Станиславъ.

[3]) М. Т. Симоновъ. Изъ дѣтск. и отроч. воспом. въ «Кіев. Стар.», 1899 г. № XII, стр. IV.

Зарогъ пребывалъ въ хуторномъ положеніи; сохранилось воспоминаніе, что въ немъ былъ десятокъ хозяевъ и только два колодца; въ 1855 г. выстроена церковь св. Митрофана Воронежскаго иждивеніемъ прихожанъ и особенно козака Семена Слинька[1]).

Старое зарожское хозяйство не было обширнымъ. Богатые козаки имѣли по четырехпарному плугу. Даже богатырь Семенъ Слинько, имѣвшій отдѣльный хуторъ въ 120 десятинъ и подарившій на ругу 36 десятинъ, довольствовался плугомъ. Бѣднѣйшіе зажинали за 3-й снопъ на хозяйскихъ харчахъ. Общихъ табуновъ и стадъ не было: каждый гонялъ корову на свой участокъ. И пасикъ большихъ не было, такъ какъ на оржицкихъ лугахъ мало цвѣтовъ, облога же понемногу распахивались. Изъ козацкой массы, какъ хозяинъ и человѣкъ, выдѣлялся Терентій Семеновичъ Симоновъ, по уличному гладкый, або товстый Терешко. Благодаря, литературнымъ произведеніямъ его сына, М. Т. Симонова, глубоко національный образъ стараго Симонова представляется во всей своей полнотѣ. Несмотря на теплое сыновнее чувство, проникающее всѣ мѣста этихъ произведеній покойнаго Матвѣя Терентьевича, касающихся отца, однажды вырвавшееся изъ самаго сердца: «Старикъ мой, старикъ! крутъ ты подчасъ бывалъ, но я люблю тебя вспоминать!»—характеристика отца вышла вполнѣ правдивой. Въ этой характеристикѣ старый Симоновъ изображается человѣкомъ сильнымъ, желѣзнаго характера, несообщительнымъ, особенно нелюбившимъ совѣтовъ. Самъ неграмотный, онъ склонялся къ свѣту и успѣлъ дать образованіе всѣмъ своимъ дѣтямъ. «Всѣ уважали отца,—говоритъ Матвѣй Терентьевичъ,—за умъ, да и старѣе всѣхъ былъ онъ на хуторѣ, ну и достатокъ таки былъ у покойника»[2]). Достатокъ заключался въ 400-стахъ почти десятинахъ земли, обработывавшейся 2—3 плугами, въ пасикѣ, въ нѣсколькихъ коровахъ, въ конскомъ табунѣ, состоявшемъ въ 20 головахъ такихъ превосходныхъ ло-

---

[1]) А. Грановскій. Полт. епарх. 410.

[2]) Номисъ. Отр. изъ автобіогр. Бѣлок. въ «Кіев. Ст.», 1899 г., III, 4, и IV, 23, 25, 35—37, 39 и 43.

шадей, какъ описанныя въ автобіографіи Билокопытенка: гнѣдой жеребецъ, Билозеръ, и бѣлая кобыла [1]), и наконецъ въ деньгахъ. «У гладкого Терешкы було довольно копійкы, винъ бувъ грипшный» [2]). Онъ велъ хозяйство съ помощью нѣсколькихъ семей подсосѣдковъ (сусидъ): Ведмедей, Гриньковъ, Ткаченковъ живжихъ въ его хатахъ безплатно, на извѣстныхъ условіяхъ. Въ «Дидѣ Мыни и баби Мыныси» подробно перечислены эти условія: сусиды пользовались хозяйскимъ жилищемъ, огородомъ, пидметомъ (конопляникомъ), подчасъ сѣнокосомъ, толокой, пастухомъ, за что должны были орать, копать, плесть тыны, укрывать постройки хозяину; косить и сгребать его сѣно, жать за снопъ и молотить за коробку его хлѣбъ. Женщины пряли шерсть, драли перья. Подсосѣдки имѣли по парѣ воловъ, по коровѣ и по нѣсколько овецъ. Такимъ образомъ экономически положеніе подсосѣдковъ мало отличалось отъ положенія крѣпостныхъ, но нравственная сторона взаимныхъ отношеній была иною: со стороны хозяина эти отношенія были заботливѣе и теплѣе, со стороны сусидъ—преданнѣе [3]).

Терентій Семеновичъ былъ дважды женатъ. Первый разъ на дворянкѣ Герасименковой изъ Плехова, отъ которой родилось нѣсколько сыновей, вторично на юной красавицѣ Ефимовой, происходившей отъ плѣннаго турченка, вскормленнаго русскимъ торговцемъ, который женилъ потомъ пріемыша на своей дочери. Вторая жена добрымъ нѣжнымъ характеромъ побѣдила настолько отчужденность пасынковъ-подростковъ, что послѣдніе относились къ ней, какъ къ родной матери, нечего и говорить поэтому какъ любила она своего мальчика, единственно уцѣлѣвшаго Матвѣя.

---

[1]) Ib. IV, 40, V. 59—61 и VII, 112—114.

[2]) Денежный.

[3]) Ib. X, 196, 200, XI, 211. Сильную сторону разсказа: «Дидъ Мына» составляетъ очеркъ быта подсосѣдковъ, почти неизученнаго, и нравственныхъ отношеній, почти вассальныхъ чувствъ къ хозяину, а слабую: растянутость (о пѣтухѣ), исключительность положеній: баба пчелиха, волы, носящіе на рогахъ одежду. Убой капитаномъ сразу двухъ воловъ дробью напоминаетъ охотничьи разсказы.

Другіе сыновья умерли, и остались только дочери, вышедшія впослѣдствіи замужъ за дворянъ. Любовь матери еще болѣе усилилась вслѣдствіе ужаснаго несчастія, случившагося съ ребенкомъ на второмъ мѣсяцѣ жизни, въ 1823 г. Однажды отецъ замахнулся плетью на провинившуюся няньку и кончикомъ ремня выбилъ глазъ спавшему въ колыбели сыну. До 1832 г. Матвѣй Терентьевичъ жилъ дома, учась грамотѣ у родственниковъ и чужихъ, а съ этого времени по 1835 г. учился въ Лубенскомъ городскомъ училищѣ. Объ этихъ первыхъ годахъ жизни только и сохранились подробныя, яркія воспоминанія въ разсказахъ: Дидъ Мына и баба Мыныха, Титка Настя и Автобіографіи Билокопытенка; напримѣръ, прощаніе съ матерью предъ отъѣздомъ въ училище, нѣсколько напоминающее отъѣздъ Бульбы съ сыновьями на Запорожье, обиды отъ товарищей въ училищѣ, взяточничество и т. д. Затѣмъ о пребываніи въ Переяславской семинаріи въ 1835—1840 г., въ Полтавской гимназіи съ 1840—1844 г. и въ Кіевскомъ университетѣ въ 1844 г.—1848 [1]) нѣтъ никакихъ ни печатныхъ, ни устныхъ данныхъ. Разсказываютъ только, что старый Симоновъ хотѣлъ оставить кончившаго гимназію сына при себѣ, женить и передать ему веденіе хозяйства, но сынъ отказался и двѣ желѣзныхъ воли столкнулись. Отецъ отказалъ въ содержаніи, Матвѣй Терентьевичъ объявилъ: «Пиду пишкомъ въ университетъ!» Здѣсь первое время онъ перебивался уроками, потомъ поступилъ на казенное содержаніе. Окончивъ Кіевскій университетъ кандидатомъ по филологическому факультету, Матвѣй Терентьевичъ читалъ словесность въ двухъ гимназіяхъ: Нѣжинской и Немировской, пока не перешелъ служить въ Государственный Контроль, въ которомъ былъ оцѣненъ главноуправляющимъ Татариновымъ и предсѣдательствовалъ впослѣдствіи въ трехъ контрольныхъ палатахъ: Псковской, Екатеринославской и Житомирской. Въ 1869 г. онъ оставилъ контроль съ цѣлью заняться хозяйствомъ въ Зарогѣ, и съ этого времени вся жизнь его посвящена была

---

1) «Изъ дѣтск. и отр. воспом.» «Кіев. Стар»., 1889 г., № XII, стр. IV, VI, VII, IX, XII, XII и XIV.

Лубенщинѣ на различныхъ поприщахъ. Уже въ 1872 г. Матвѣй Терентьевичъ былъ назначенъ директоромъ Лубенской гимназіи «въ виду единодушнаго желанія мѣстнаго общества» [1]). Тогда часто собирались къ нему по вечерамъ молодые земцы для бесѣдъ о мѣстныхъ дѣлахъ и уговаривали, бросивъ гимназію, занять должность предсѣдателя Лубенской земской управы. Живо припоминаетъ эти вечера и самъ Матвѣй Терентьевичъ. Онъ достигъ тогда полноты силъ, былъ высокъ, широкоплечъ, всегда въ неизмѣнномъ сѣромъ пиджакѣ. Портретъ, помѣщенный въ «Кіевской Старинѣ» конечно передаетъ нѣсколько суровыя черты его лица, но не душу. Да и никакой портретъ не могъ бы передать того добраго, любящаго выраженія, которымъ по временамъ освѣщалось его лицо. Душа его была любящею, и въ отношеніяхъ къ молодежи всегда замѣчалось нѣчто отеческое. И характеръ Матвѣя Терентьевича, казавшійся инымъ тяжелымъ, обнаружился ясно. Для того, чтобы вполнѣ правильно понять этотъ характеръ, необходимо принять въ соображеніе все изложенное выше: прежде всего свойство могучаго рода Симоненковъ вообще и стараго Симонова, котораго Матвѣй Терентьевичъ былъ живымъ подобіемъ [2]), въ особенности; затѣмъ здоровую степную мѣстность, и добрый, естественный образъ жизни, въ которомъ протекло дѣтство Матвѣя Терентьевича; прадѣдовскіе обычаи, близость Оржицы, полной воспоминаній о козацкой славѣ. Разъ ощутивъ въ себѣ присутствіе большихъ физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ, разъ навсегда сознавъ себя и повѣривъ себѣ, онъ затѣмъ уже всю жизнь слѣдовалъ лишь указаніямъ своего духа. Эти силы Матвѣя Терентьевича, подъ вліяніемъ долгой службы, широкаго жизненнаго опыта, занятій хозяйствомъ, приняли организаторское, созидающее направленіе, почему избранный въ 1878 г. предсѣдателемъ Лубенской земской управы [3]),

---

[1]) Н. Л. Сеферовскій. Двадцатипятилѣтіе Луб. гимназ. Лубны 1898 г. М. Т. Симоновъ. Зам. къ юбил. Луб. гим. Кіевъ 1898 г., 7.

[2]) Автоб. Билок. въ «Кіев. Ст.», 1899 г. V, 78.

[3]) М. Т. Симоновъ. Зам. къ юбил. Луб. гимн. 7.

онъ началъ прилагать ихъ къ живому земскому дѣлу, какъ вдругъ лубенцы, тогда еще не сравниваемые съ древними аѳинянами, [1]), поступили съ нимъ какъ разъ такъ, какъ поступали послѣдніе съ своими выдающимися согражданами. На первое же заявленіе предсѣдателя объ ассигнованіи 500 руб. для болѣе точнаго измѣренія земель, потому что часть неприведенной въ извѣстность земли ускользала отъ обложенія, земское собраніе отвѣчало отказомъ. Тогда Матвѣй Терентьевичъ сказалъ: «Я не могу только подписывать бумаги», отказался отъ должностей: предсѣдателя, гласнаго, почетнаго мирового судьи и удалился въ надежное убѣжище, въ свой Зарогъ, залѣчивать нанесенную рану, отдыхая, душей въ клунѣ, за плугомъ, или разъѣзжая на Воронкѣ, высокомъ ворономъ жеребцѣ, едва выносившемъ могучаго всадника. Но земство вновь отвлекло его отъ покойной хозяйственной дѣятельности, избравъ въ 1885 г. заочно участковымъ мировымъ судьей; послѣ чего онъ тотчасъ избранъ былъ предсѣдателемъ съѣзда. По знанію народнаго быта, хозяйства, народныхъ обычаевъ и народной психологіи онъ былъ идеальнымъ судьей; еще большее воспитательное значеніе имѣло его предсѣдательство въ съѣздѣ, такъ какъ всѣ знали, что одинъ изъ важнѣйшихъ мѣстныхъ сановниковъ низачто не измѣнитъ правдѣ. Любителей декорума поражала однако суровая простота жизни предсѣдателя, его пренебреженіе къ внѣшнему блеску. Ѣздилъ онъ въ съѣздъ большею частью въ нагруженной сѣномъ телѣгѣ, парою вороныхъ сытыхъ коней. Въ присутствіи засѣдалъ въ сѣромъ пиджакѣ. Однажды пришелъ въ съѣздъ изъ Зарога старый козакъ и спрашивалъ: «Де тутъ Махтей?», пока не догадались, что онъ желалъ видѣть предсѣдателя. Матвѣй Терентьевичъ остатокъ жизни провелъ въ Лубнахъ, отдавъ большую часть состоянія земству, въ полномъ уединеніи, смертельно больной, но гордый сознаніемъ исполненнаго долга и принесенной пользы, находя удовлетвореніе въ глубинѣ своего духа, и не нуждаясь въ юбилеяхъ,

---

[1]) Объ этомъ сравненіи см. «Кіев. Стар.», 1901 г. IV. Док. 32, со ссылкой на Южн. Край № 6949.

рѣчахъ и т. п. Таковъ былъ М. Т. Симоновъ, много поработавшій на благо общее, которое онъ предпочиталъ личному, доблестный и неподкупный какъ Фокіонъ, вѣрный сынъ Лубенщины и ея лучшій гражданинъ. Такимъ зналъ его пишущій эти строки, но была и другая сторона дѣятельности покойнаго: научная и литературная, извѣстная всей Малороссіи [1]).

В. Милорадовичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Какъ выше замѣчено, въ воспоминаніяхъ Матвѣя Терентьевича есть пробѣлъ, между прочимъ о кружкѣ Основы и о главныхъ малорусскихъ литературныхъ дѣятеляхъ: Костомаровѣ, Кулишѣ, Шевченкѣ и др. А между тѣмъ онъ участвовалъ въ «Основѣ», былъ друженъ съ Шевченкомъ, Кулишъ же въ 1854 и 1855 г.г. даже проживалъ въ Зарогѣ, о чемъ упоминаетъ какъ самъ онъ (въ «Кіев. Стар.» 1898 г., IV, 127, 128 и V, 234) такъ и его біографъ (В. Шенрокъ. «Кулишъ». въ «Кіев. Ст.», 1901 г., V, 204). Здѣсь построилъ онъ домъ въ лощинѣ Байивщинѣ, окруженной съ трехъ сторонъ лѣсомъ и яромъ. О пребываніи Кулиша въ Зарогѣ записано мною слѣдующее сказаніе одной оржицкой старушки, г-жи Шевейковой: „Прыйихалы мы до старои Симоновои, шобъ йихать въ Онишки до брата, колы является чоловикъ, одежа така, якъ на побережьи: чорный каптанокъ, закаврапи облямовани зеленимъ сафьяномъ. Выйма письмо и дае, а мы неграмотни. Симонова пыта: „одъ кого се“?—За прыкащыка воны мене договорылы.—Сядьмо, пойидемо въ Онишкы. Винъ пойихавъ зъ намы. Прыйихалы мы туды, Симонова оддае письмо братови и той прочытавъ, а винъ остався за прыкащыка. Якъ прыйихавъ Сымоновъ, скочывъ и ухватылысь за шію, прыйшлы и до хаты, обнявшысь. И тоди сказавъ Сымоновъ, шо се Кулишъ, дуже важный панъ. Винъ добре гравъ на сопилку и спивавъ“.

Fata morgana.

(Зъ сильскихъ настроивъ).

Колы Андрій Волыкъ проходывъ повзъ головный будынокъ погорилои сахарни, зъ стинъ руины зъ галасомъ знялось воронння, а въ середыну зъ лоскотомъ посыпалысь тынкъ и цегла. Хочъ сахарня, давно вже закынена, розсыпалася и заросла травою, въ порожнихъ будынкахъ іи разъ-у-разъ вчувався шумъ, немовъ гоминъ машынъ и робитныкивъ лышывся на старому жытли. Мынаючы купы бытои цеглы, били плямы вапна, па-пивъ прыкрыти молодымы бурьянамы, гныли трухляви жолобы и чорни диры—викна, зъ якихъ немовъ щось выглядало,—Андрій згадувавъ колышне. Яка-небудь шына, що блыщала зъ травы, мовъ плазуюча гадюка, або чавунне колесо, до половыны загрузле въ землю, выклыкалы передъ ёго очи картыну шумлывого жыття фабрыкы, и винъ бачывъ себе коло вагонетокъ зъ цукромъ, або биля апарату. Тоди винъ бравъ трынадцять карбованцивъ на мисяць!...

— То булы часы, «папе добродзею!»—казавъ винъ у голосъ до себе и гладывъ билого вуса.

Андрій прямувавъ до старого береста, що рисъ на вершечку горба. Звидты злазылы у пызъ фабрычни будынкы.

Вліво одъ Андрія гравъ на сонци срибнымы брыжжамы ставокъ, немовъ рыбы купалысь въ нёму, а за нымъ, на другому горби, ховалася помижъ деревамы церква. За берестомъ лежала доли шырока й зелена лука, поризана закрутамы сынёи рычкы.

Вербы й верболозы сиро-зеленымъ туманомъ котылыся по луци и закрывалы подекуды воду. На выднокрузи, въ далекыхъ околышнихъ селахъ, билилы дзвоныци.

Бувъ соняшный ранокъ провидной недили. По церквахъ дзвопылы. Далеки дзвоны гудилы въ ясному повитри тыхо й мельодійно, и здавалося, що то дзвеныть золото сонця.

Андрій поглядавъ на розвалени камьяныци и радисно хытавъ головою.

— Га! вже воно такъ довго не буде!... *воны* якъ визьмуть у свои рукы, то швыдко пустять пару!...

«Воны»—булы нимци чы чехы, а може й жыды, що передъ шистьма рокамы прыйиздылы оглядаты згорилу сахарню. Хочъ потому нихто вже не цикавывся руинамы. Андрій не покыдавъ надіи, що ось-ось невыдко якъ найидуть паны, усе полагодять и пустять фабрыку.

Ну, а теперъ винъ певный, бо панськый пастухъ Хома Гудзь шепнувъ ёму ту новыну. Хома хочъ ходыть биля товару, а все жъ блыжче до панивъ, бо трется коло ныхъ. Буде фабрыка, буде!...

Бо то, «пане добродзею», чыста загыбель теперенькы чоловикови: заробыты нема де, земли зроду не було, комирне платы, кругомъ злыдни, а йисты мусышъ! Та! велыке счастя—латочка земли!... Крутытся оденъ зъ одпымъ на своій скыбци, а самъ ходыть чорный, якъ земля... а йисть не краще за того, що ничого немае... Хазяи!...

Андрій зъ прызырствомъ чвыркнувъ кризь зубы.

Отъ фабрыка, то вже щось инше. Не страшна тоби а ни посуха, а ни дощи. Робота чыста, ривна. Прыйде терминъ—беры гроши....

И винъ тоди пывъ пыво... На готови... Чысте, золоте, холодне пыво... Тьфу!.. ажъ слына котытся...

Думка була: пидросте Гафійка, пайметса на фабрыку. Де бъ вона заробыла стильки?!. И швыдче виддала бъ ся. Авжежъ... Та же то гуртъ,—знайшовся бъ такый, щобъ посватавъ. Апаратчыкъ або й слюсаръ... Нехай стара не дурыть головы ни соби,

а ни дивци; хазяйськый сынъ не визьме убогои,—не такый свитъ теперъ. Авже-жъ...

Його думкы плывлы дали. Таки легки, таки прозори, якъ весняне повитря...

Нема руинъ. Скризь нови будынкы. Гукъ машынъ, сычання пары, тыскъ людей, циле пекло роботы. Все рушается, все жыве. все таке прынадне. И винъ чуе сылу у своихъ рукахъ, а въ роти мае смакъ холодного пыва....

Останни дзвоны завмерлы въ повитри. Зъ церквы выходять. Зъ горы ажъ до гребли суне поволи хмара народу. Гупають сильськы чоботы, лопотять пидтычкы, и трипотять на витри стрички въ дивчатъ.

Онъ йде Маланка. Мала, суха, чорна, у чыстій сорочци, въ старенькій свытци. Андрій не бачыть іи облыччя, але знае, що у неи спущени до долу очи й затыснени губы. Мы хочъ бидни, але чесни. Хочъ жывемо зъ пучокъ, а проте й для насъ йе мисце въ церкви. Коло неи Гафійка. Наче молода щепа зъ панського саду. У Андрія пидъ вусомъ блукае усмишка. Винъ знае, що въ сели немае кращои дивчыны. Симнадцятый рикъ пишовъ, саме зъ Пылыпивкы.

— Га-га-га! Ось де винъ правыть службу Божу. Здоровъ!..

Грубый голосъ йде зъ пызу, й старый безвусый выдъ панського пастуха Хомы Гудзя вытлядае зъ-за похылого баркану.

— А вы жъ думалы—де? Дай, Боже...

— На дидька бъ лысого сыдивъ я тутъ—вже краще у Менделя... Цапынъ сынъ прывизъ свиже пыво, колы не бреше.... Я такы казавъ ёму—бодай тоби, кажу, така болячка у печинкы, и твоій Сури, и всёму кодлу твому...

— Отъ купить, тоди й роскушаемо, яке воно...

— Бодай вы вси повыздыхалы по такій правди, якъ держыте свиже пыво... А що, думаете не куплю? Ходимъ, выпьемо, бый ёго трасця...

— Але купыте? А зъ воламы жъ—якъ? самъ панъ догляне?

— Хай воны выздыхають ёму до ночы... Винъ думае, сто сотъ кротъ, що я й у проводы пожену товаръ на пашу? Луснешъ, а не диждешъ... Щось маю казаты вамъ...

— Ну? ну?

— Прыходьте зъ полудня до Менделя, тоди скажу...

— Ну, ну!

— Побалакаемо, напьемось пыва, стонадцять... Кинець фразы згынувъ за тыномъ.

Андрій поспишавсь до-дому. Передъ нымъ лежавъ шляхъ, курный уже, хочъ була ранняя весна. Надъ шляхомъ билила ёго халупка, мовъ йшла кудысь зъ села и зупынылась спочыты. По дорози тяглысь люде зъ цицкамы, зъ клункамы. Ось Гафійка вынёсла одному воды. Сталы й размовляють. Зновъ надходыть купка... Ще рядокъ... Проходять тай проходять. А той стоить. Еге-ге! Та-жъ то цилый ключъ журавлыный. Идуть тай идуть. Десь у Таврыю, або на Кубань. Отъ тоби й хазяйськи сыны, хлиборобы... Своя земля просыть рукъ, а винъ знявся тай.... А що-жъ робытыме одынъ зъ другымъ на своій латочци? Намножылося васъ. Нема на васъ війны або холеры. Одни зъ села, а други въ село, якъ отой Марко Гуща, що недавно прывелы, якъ арештанта... Бравъ, «пане добродзею», на фабрыци симнадцять карбованцивъ у мисяць и почавъ бунтуваты. Плату ёму давай бильшу, роботы ёму багато, бачъ. Начальство ёму одно, а винъ ёму друге... Ну, не хочешъ, то маешъ: попарылы нагаямы тай гайда до дому пидъ калавуромъ... Та я бъ такому бунтареви...

А той стоить. Зъ кымъ це вона забалакалась? Лыбонь Прокипъ Кандзюба? Таки винъ. Онъ выйшла на поригъ Маланка тай сховалась назадъ... Хай дивка постоить зъ хазяйськимъ сыномъ... Гляды, щобъ не засватавъ. Ха!.. А якъ-же!...

Андрій пидійшовъ до хаты. Крива, похылена халупка, зъ чорною стрихою и билымы стинамы, стояла помижъ закынутыхъ, зъ забытымы викнамы осель, колысь побудованыхъ фабрыкою для робитныкивъ, и здавалась чымсь жывымъ и теплымъ середъ холодныхъ мерцивъ. Биля хаты сирилы скопани грядкы, одъ ворить до порога вела стежечка.

За те сусидни горóдчыкы булы повни смиття и грузу; необроблена земля йижылась торишнимъ бадыллямъ. и на чорныхъ руинахъ завжды сыдило воропня.

Андрій заставъ Маланку покирлыву й ласкаву, якъ завжды по служби Божій. Значыть, вона лаятыме ёго сёгодня не такъ, якъ въ будень, а зъ солодкою усмишкою и нижнымы словамы. Поглядаючы скоса на щильно стулени жинчыни вуста, винъ зъ побильшеною жвавистю скынувъ зъ себе свыту и розсився на лави, якъ папъ. Га! Хиба винъ не господарь у своій хати! Проте Андрій плекавъ таемну надію, що все мынется якось и жинка не зачепыть.

Та саме въ той ментъ, здыймаючи зъ мысныка мыску, Маланка скынула на ёго окомъ.

— Нанявся?

О! такы почынается!—подумавъ винъ, але удавъ невынного.

— Що?

— Чы нанявся въ экономіи?—пытаю.

Ачъ, невирна баба: и знае, що не бувъ я тамъ, а пытае.

— Атъ, дай ты мени спокій зъ тою экономіею... не те у мене на мысли теперъ. Онъ казавъ Гудзь—швыдко сахарню будуватымуть.

— Слухай, серце, Гудзя, слухай, Андрійку... якъ разъ почепышъ торбы, тай мени доведется...

Вона стулыла сухи губы и зняла очи до стели. Щожъ! вона мовчыть, бо у свято грихъ лаятысь, але колыбъ усимъ тымъ, що плещуть про фабрыку, покорчыло языки, то це було бъ дуже добре. Фабрыка, фабрыка, а де вона? Ну, була фабрыка, а хто мавъ корысть зъ неи? Мендель. Може неправда? Може не въ Менделя лышавъ винъ зарибокъ? Що воны маютъ, чымъ жыви? У неи вже рукы посохлы одъ праци, вона вже жылы высотала зъ себе, абы не здохнуты, просты Господы, зъ голоду...

И вона совала ёму передъ очи сухи и чорни, немовъ зализни рукы, голи до самого ликтя.

— Бо чоловикъ не заробыть, ой не заробыть, серце мое. Винъ думае про пыво, а проте ни гадкы, що...

И пишло. Вона ёму вычытувала, вона ёго сповидала, вона кропыла ёго, пидкурювала и садыла чортамы такъ обережно, такъ деликатно, якъ тильки можно було въ недилю, по служби Божій, а винъ, червоный, немовъ вареный ракъ, спочатку видмовчувався, а дали й соби почавъ верещаты тонкымъ и надирванымъ голосомъ.

Таки перемигъ.

— Тьху, тьху, тьху! Трычи тьху на твою землю! Хай вона тоби западется! Не наймуся я й не буду въ земли рытыся. Вона вытягла зъ мене уси сылы тай пустыла на старисть голого. Тьху, ще разъ тьху на неи...

Тоди Маланка стала якъ стовпъ и зняла рукы до неба.

— Що ты кажешъ, непрытомный! Та ты ставай на колина та цилуй іи... йижъ іи, землю святу, вона тебе годуе... вона тебе й ховае, чоловиче...

Вона стояла била якъ биль и справди налякана.

Хмару розбыла ластивка. Вбигла Гафійка, сквапно ховаючы щось за пазуху. Оте чысте, выплекане, немовъ вылызане матирью звирятко, таке туге, якъ пружына, зъ круглымы бронзовымы рукамы й ногамы, въ золотыхъ волосынкахъ, ота весняна золота бджилка—вкынула въ хату щось таке, видъ чого били стины пидъ ныэькою стелею осмихнулысь, голубъ передъ образамы крутнувсь на нытци, и козакы зъ червоного паперу, налиплени на стинахъ, узялысь въ бокы.

— Мамо, даваты обидаты?

— Давай, давай, Гафійко...

Маланка зразу одійшла.

— Та чого ты крутышся по хати, мовъ дзыга? Такъ и мыскы побьешъ. И въ церкви усе крутылася та оглядалася...

— Та ёго не було въ церкви.

— Кого «ёго»?

— Та то я такъ...

— Що тоби, дивко, сёгодня: мало борщу не перекынула.

— Страхъ, розсказуе, яке діялось, народу, каже, якъ на війни, сыла—сыленна... а кинни наступають, душать. «Розходь-

тесь», гукають. А ти: «не підемо, давай намъ наше... мы за правду»...

— Та хто розсказуе?

— Марко... недавно прыйшовъ зъ Адесу...

— Це Гущынъ? Кажуть—піймавсь на злодійстви, попоседивъ у тюрми тай прывелы сюды на втиху старому батькови.

Гафійка спалахнула.

— Брехня! То люде брешуть.—Винъ ничого не кравъ, отъ ій-же Богу!..

— Та цыть же жъ бо!—гукнувъ Андрій.—Яке тамъ злодійство! Мени врядныкъ розсказувавъ, якъ я ходывъ на почту. Винъ, Гуща отой, не кравъ, а народъ бунтувавъ. Такому бъ, врядныкъ каже, у тюрми гныты, а не на воли буты...

— Та ихъ тамъ, тату, крывдылы.

— Що ты тямышъ!.. Отъ нехай лышъ побачу, що винъ тутъ ману пускае та кныжкы людямъ чытае—заразъ рукы назадъ тай до врядныка.

— Оце напалыся... незнають сами завищо...

— А тоби що? Ты мени зъ нымъ—гляды, не прыставай, бо якъ побачу, «пане добродзею», то...

Але винъ не скинчывъ: саме въ той ментъ, якъ Гафійка нагнулася, щобъ выйняты зъ печи горщыкъ, зъ-за пазухы высунулась въ неи кныжка и впала до долу. Гафійка покынула горщыкъ, вхопыла кныжку и вся червона, зъ очамы, повнымы слизъ, прожогомъ выбигла въ сины. Андрій перевивъ здывованый поглядъ на Маланку.

Але Маланка була вже не свята й не Божа. Вона зразу забула, що въ недилю не можна лаятысь и свитыла до чоловика зеленымы очыма.

Андрій мавъ гарну прысмаку до недильного обиду, тымъ бильшъ, що скилькы не клыкалы Гафійку йисты, вона не ввійшла вже до хаты.

Ну, давъ Богъ недилю, можно спочыты. Маланка сила на прызьбу и поклала па колина рукы. Андрій кудысь подався; Гафійка на музыкахъ, а въ хати сумно.

Сонце стоить нызько, такъ у тры чоловика до земли; порожни й обдерти халупкы кыдають кострубати тины. Курна дорога зъ-пидъ Маланчыныхъ нигъ бижыть у поле. Навкругы пусто. Челядь гуляе на майдани; стари гомонять пидъ воритьмы, а въ Маланкы звычайни гости—думы.

Охъ, Боже, Боже, трошкы того вику, а якъ ёго важко прожыты. Андрій зновъ не нанявся. Отакъ що року. Легкого хлиба шукае. Всю, каже, сылу оддавъ земли, бильше не хочу. Зновъ буде рыбку ловыты... на почту побижыть, якъ панъ пошле, зайця пидстрелыты. Люде жнуть, або косять, а іи Андрій иде стежкою, ремипна торба черезъ плече, брыль на потылыци и цинкомъ вымахуе...

Курыть щось по дорози. Що воно бижыть такъ прудко? Ага, лыбонь панычъ Лёлё зъ сусиднёи экономіи у гости йидуть до двору. А вжежъ. Онъ и панна Тося... и горбата панна Ганна и панычъ Петрусь. Рябі кони рвуть зъ копыта, въ хмари курявы сміются молоди облыччя, кывають до неи. Маланка встае, нызько вклоняется, немовъ образамъ, и дывытся у слидъ, якъ клубочытся за брычкою позолоченый сонцемъ пылъ.

Вси воны зрослы пры ній, на іи очахъ. И раптомъ духъ смачного, сытого борщу війнувъ на неи звидкись. Вона йила такый борщъ, якъ служыла у панивъ. Давно це було, а теперъ згадалося, жывучы на картопли. Маланка сидае и зновъ кладе чорни рукы на колипа. Онъ де воны почорнилы оти рукы: на роботи въ панивъ. Якъ ій було висимъ рокивъ, померъ батько, а на дванадцятому вона вже никого не мала, опричъ хазяивъ. Писля матери лышылась стара скрыня, дви-тры дранкы и латаный кожухъ. Тай тильки.

Спочатку вона памьятае себе чорною, вично въ сажи, коло панськыхъ свыней. Потому вона була въ горныцяхъ, разъ-у-разъ была посуду, а іи была пани и зачыпалы панычи. Потому звелилы ій варыты йисты челяди, и вона варыла, ажъ стала старою

дивкою. Тыха, покирлыва, всихъ слухала и плакала по закуткахъ. Плакала, що робыть на чужыхъ, що сохне, втрачае сылу и нихто не сватае іи. Плакала, бо любыла землю, городъ, поле, а мусила варыты йисты цилому табунови ненажерлывои челяди. Навкругы була земля, така чорна, пухка, родюча, по весни пышна, въ осены багата, а нихто не клыкавъ ї на ту землю, нихто зъ хазяйськыхъ сынивъ не схотивъ зробыты іи господынею. Потому виддалася за Андрія. Якъ це сталося, що вона пишла за нёго, вичного наймыта, старого парубка, бурлаку, що немавъ навить власнои хаты, не то що земли—и доси не знае. Прыйшлы злыдни до злыднивъ, а зъ ныхъ выросла бида. Наче знала, бо такъ плакала на весилли.

Зъ одного боку спивають свашкы, зъ другого дружкы, въ хати мовъ въ улыцу, у викна дывытся челядь...

Имберу, матинко, имберу,
Вывены рубочокъ зъ паперу...

А ій пидкотылося щось пидъ горло, душыть іи, и вона бьется головою объ стилъ, голосыть и мые слёзамы тоди вже чорни рукы.

То доля іи плакала тоди.

Пишлы лита марне зъ свита, якъ лысть по Дунаю...

— Агушъ, трекляти... Агуш-ша!

Маланка скочыла зъ прызьбы и пожбурнула грудкою. Квочка зъ курчатамы кублылась на грядкахъ и, сколошкана, сердыто квоктала та стовбурчыла пирья. Жовти курчата роскотылысь по грядкахъ, якъ горохъ. Налякане заколотомъ знялось зъ сусиднёи стрихы гайвороня и было крыламы надъ обсыпаною стрихою

Маланка заспокоилась и зновъ сила на прызьбу. Сонце спустылось ще нынче.

Эге, десь Гафійка забарылась на музыкахъ. Хай погуляе дытына. Тильки ій воли, покы въ мамы та въ тата. Та й те людямъ, мовъ силь въ оци. Казала ковалыха: «водять Гафійку, немовъ панянку, у службу не дають—багатыри знайшлысь»... Бодай тоби, просты Господы гриха, стильки болячокъ, якъ у насъ

злыдпивъ. Добре тоби казаты, якъ у тебе повна хата дивокъ, а у мене одна, якъ душа. Тильки й потихы на старисть. Вынянчыла, выплекала, мыла й вычисувала, а теперъ оддай людямъ. Мало ще мною люде поневирялыся, всю сылу забралы, всю кровъ выссалы, а теперъ ще дытыну оддай имъ... Не дочекають!..

Не таку вона ій долю готуе, вона оддасть іи замижъ за хазяйського сына. Дивка здорова, чыста, хочъ воды напыйся. Недурно парубкы ззыраются на неи. Посватае Прокипъ; тожъ винъ пишовъ у Таврію, щобъ було чымъ весилля одбуты... Въ осены старостивъ зашле, вона вже бачыть, що, куды й до чого.

Передъ очыма въ Маланкы встала левада—зелена, весела, надъ ричкою... Воны зъ Гафійкою плоскинь беруть. Така гарна молодыця зъ Гафійкы. Голова повьязана хусткою. Бере вона плоскинь и выспивуе. У колысци дытына спыть. Прокипъ прывизъ ячминь, стижокъ складае. И такъ ій весело старій, такъ легко, наче вона помолодшала... Стоять гордды, мовъ у виночку. Капуста въ головкы звывается. Квасоля вже пожовкла, витеръ шумыть помижъ макивкамы, гарбузы розляглысь, якъ годовани кабаны, а картопля зародыла, ажъ гычъ сплитается. То іи чорни рукы походылы тутъ, коженъ бурячокъ, кожну цыбульку сама вона поклала въ землю, сама и збере, якъ дасть Господь диждаты. Теперъ вона господыня. Не на своему—такъ на дочченому. Хочъ на старисть диждалась... И вона справыть соби червони чоботы, мягки, козлови, зъ кытыцями, якъ у ковалыхы. Видколы вона виддалася—отъ уже чы не висимнадцять рокивъ мынуло—не перестае вона марыты про таки чоботы, що року складае гроши, але гроши ростечутся на щось инше—и чобитъ немае. Узуты таки чоботы и билу намитку та пійты до церквы. И щобъ такъ поховалы.

— Сыдыте соби? Зъ недилею будьте.

Маланка здригнулася. Ага! то ковалыха.

— А тожъ! и вы будьте здорови... Давъ Богъ святечко—святкуй ёго. Не робы, не працюй. Богъ сказавъ: маешъ будень—робы, а въ недилю й зъ-пидъ пазурчыка не выколупай, бо й то робота. Лежы, сыды и не кывпысь.

Маланка була солодка. Вона мала таку усмишку, мовъ розмовляла зъ панамы у двори.

— А я оце зъ музыкъ. Тильки вже й нашого—що хочъ подывышся на молодь. А тамъ ваша Гафійка усе гуляе тай гуляе, зъ отымъ одеськымъ панычемъ—не скажу, чы правду про нёго люде розсказують—зъ Маркомъ Гущою... Все въ пари тай у пари, немовъ голубьята. Сказано молодощи. Бувайте жъ здорови...

Маланка все солоцко осмихалася, хочъ душа въ неи сычала.

— Ачъ, гладуха—трясе саломъ, розносыть поговиръ!—проводыла вона ковалыху непрыязною думкою. И їй чогось згадалась ранишня сцена зъ Гафійкою.

На вулыци тымъ часомъ рослы тины.

По-пидъ тынамы гралысь дивчатка у посмитюхы: мали боси ноженята пидкыдалы порохъ—тры разы въ йиденъ бикъ, тры разы въ другый.—И здавалося, що у пороси грается табунъ горобцивъ. Далеки поля рожевилы. Зъ нызынъ летилы въ село буслы и поблыскувалы билымы крыламы. Весняный вечиръ навивавъ думы.

— Яка ты роскишна, земле,—думала Маланка. Весело засивать тебе хлибомъ, прыкрашать зеломъ, заквитчаты квитамы. Весело обробляты тебе. Тильки тымъ ты недобра, що не горнешся до бидного. Для багатого пышаешся красою, багатого годуешъ, зодягаешъ, а бидного прыймаешъ лыше въ яму... Але ще дочекають наши рукы обробляты свои нывы, свои городы, свои садкы... Подилять тебе, земле, ой подилять. И моёму дадуть... Годи тоби рыбку ловыты. . Хочъ-не-хочъ, а йды «пане добродзею» до плуга... Охъ, Боже, Боже, хочъ на старисть зазнаты того счастя,—дытыну свою вывесты въ люде...

А на вулыци почынався рухъ. Биглы дивчата, молодыци, диты, зъ ципкамы, зъ хворостынамы. Лопоталы пидтычкы, гупалы боси ногы, брехалы сколошкани собакы—«Степа-ане!.. бижы вивци вылучаты!»...—Бижы сама-а!..—«Маты казалы тоби,—бодай бысь луснувъ!»...—Тато казалы тоби,—щобъ ты скруты-

лася-а-а...—«Нашыхъ шестеро, гляды, Марійко!»...—«Не розгубы ягнятъ, якъ учора, бо на гамузъ побъю!»...—Що-о? Де-е?— Тюу—гаа!...

Сонце сидало червоно. Викна горилы, якъ печи, стины халупъ сталы рожевымы, по билыхъ сорочкахъ, розлылось червоне свитло. Здалеку йшла на село хмара курявы. Вона вже наблыжалась, росла, здіймалась до неба, врешти сонце пырнуло въ неи и розсыпалось рожевою млою. Звидты доходылы якись тривожни згукы, немовъ диты плакалы, або диты десь гупалы на току—и раптомъ овеча отара залляла вулыцю и сколыхнула повитря нескладнымъ беканнямъ. Жыва маса овечыхъ тилъ терлась вовною, тремтила и колыхалася, якъ драгли; цилый лисъ тонкыхъ нижокъ замыгтивъ передъ очыма, голи дурни морды роскрывалы пащи середъ рожевои курявы и плакалы: бе-е-е... ме-е-е... Въ рожевому тумани мовъ тины сновыгалы люде, зъявлялысь и счезалы неясни обрисы хатъ, въ мори овечого лементу гынулы всяки згукы, весь цей гармидеръ нагадувавъ сонъ. Ззаду отары йшовъ чорный чабанъ, высокый, ще бильшый одъ непевного свитла, немовъ митычный богъ, ляскавъ пугою и крычавъ дыкымъ, грубымъ голосомъ, покрываючымъ все:

— Гарья!.. Трышъ-трышъ!.. Гей!..

Вже ничого нема на вулыци, все счезло, якъ сонъ, пылъ поволи сидае на землю, а вечирне повитря все ще тремтыть жывымъ акордомъ завмираючыхъ згукивъ.

На землю глянулы тыхи зори.

Сыни стины, въ кутку бебехы, залытый пывомъ стилъ. Тисный ванькирчыкъ въ Менделя.

— Не морочте мени, Хомо, головы—кажить заразъ: буде фабрыка? Кажить—буде?

Пыво пинылося у зеленыхъ склянкахъ и шумило въ голови.

— Та же сказавъ, що буде.

— О! о! А на що жъ вы радыте оддаты Гафійку въ наймы?

— Раджу. Однаково пропаде дивка. Найисть, напье вдома, тоби жъ гирше буде. А їй одна доля: наймы. Думаешъ—возьме

хто бидну? Посывіе дивкою. Наймай, колы люде трапляются. Завтра жъ одведешъ въ Ямыще до эконома; добрый панокъ, щобъ ёму червы языкъ сточылы. Що-жъ, будемо сватамы? Того тебе й клыкавъ до Менделя.

— Не кажить мени про те, не люблю. Я й въ мысли немавъ такого.

— Наймай, Андрію.

— Облышить, Хомо. Краще пыймо.

— Чого ты чвапышся? Старци, злыдни, жывоты зъ голоду прысохлы до спыны, а воно прындытся. Кажу, наймай, каятымешся потимъ.

— Э, я такого не люблю. Нащо робыты зъ пыска халяву.

Андрій почервонивъ и вставъ зъ-за столу.

— Сыды. Може не правда? Ты думаешъ, що ты людына? Собака ты, тай вже. Яке наше жыття? Собаче. Та ты сыды.

Гудзь поклавъ Андріеви на плечи свои здоровенни рукы и посадывъ. Потому наблызывъ до нёго свій безвусый червоный одъ пыва выдъ, одъ якого пашыло жаромъ.

— Ты не круты. Ты мени кажы: скильки литъ прожывъ? Пьятьдесятъ? дожываешъ вика? А дежъ твои молоди лита, де твоя сыла, покажы свою працю. Мозолі показуешъ? Покажешъ ще й горбъ. Цилый викъ зъ тебе луску шкреблы, а ты, воле, у плузи йды. Наша доля така—робимъ и грудьмы, то не будемо людьмы. Ты глянь на мене: гадаешъ—Хома передъ тобою?—Худобына. Якъ ставъ змалечку биля товару, такъ и доси. Цилый викъ зъ худобою, самъ худобыною ставъ. Циле жыття хвосты бачывъ замисць людей, бабрався у гною, у гною спавъ, на гною йивъ, на купи гною й здохну. Я забувъ, якъ ёго у хати й сплять стонадцять чортивъ ёму у хвистъ! Сорочка на тоби зашкарубла, якъ кора на дереви, штаны умазани въ волячу мазку, бо кровъ воламъ пускаю, рукъ не можу одмыты зъ гною. Сяду зъ челядью обидаты, кожне одъ мене нисъ верне--смердыть. А ты гадаешъ—пахне? Тикаю одъ людей—до воливъ тикаю. Зъ воламы розмовляю. Я до ныхъ говорю, журбу свою вылываю, а воны ремыгають, та ревуть, та хвостамы одвертають. Тильки въ мене й

розвагы. А ты думавъ—жинка до мене заговорыть та щей прыгорне... диты защебечуть... своя хата зогріе. Ха! За тымы воламы я посывивъ парубкомъ, побыла бъ ихъ морока. Теперъ тишся на старисть, щобъ ёму дыхать не дало, щобъ его понесло поверхъ дерева, на безголовья! Щобъ винъ головою наложывъ, нужда бъ тя побыла!.. Сто сотъ кротъ ёго ме... Бодай...

— Гей, чого крычышъ, чоловиче, чого лаешся?

— Га? Лаюся чого? на души легше... якъ пахмарытся тамъ—вылаюсь и легше... якъ бы не лаявсь—згоривъ бы. Таку злисть въ соби почуваю, ажъ душа пашыть... якъ запече, якъ запече—такъ взявъ бы въ рукы довбню тай перебывъ бы усихъ. Ходывъ бы одъ хаты до хаты—тай по голови, тай по голови. Одного за те, що пье людську кровъ, а другого—що не бороныть. А потому пидпалывъ бы, щобъ усе вогнемъ взялося та попеломъ розвіялось, щобъ тильки лышылась гола земля та ясне сонце...

Хома стоявъ у хати высокый, ажъ пидъ стелю; очи ёго дывылысь кудысь по-за стины; безвусый, зморщеный якъ у бабы выдъ скрывывся. Винъ ажъ тремтивъ. Потому раптомъ зивьявъ, опустывся на лаву и душкомъ выпывъ пыво.

Андрія взяло за жыве. Винъ тежъ хотивъ, щобъ ёго слухалы, почулы все ёго жыття, якъ воно стало передъ нымъ отутъ, въ тисному жыдивському ванькирчыку. Дожывъ до сывого волоса, а добра не зазнавъ, ой, ни...

— Я такъ миркую, Хомо, колы чоловикъ працюе...

Але Хома зновъ сердывся.

— Пропады ты пропадомъ. Одному все, другому ничого. Хиба я не бачывъ, якъ стара пани...

— Колы чоловикъ працюе, винъ мусыть за те щось маты. А якъ земля мени ничого не дае...

— ... Стара пани цилу зыму топыла въ грубахъ полотномъ, що лышылось ще одъ панщыны...

— ... Ну, якъ земля ничого не дае—на чорта вона мени? Однаково мени, чы я наймытъ на своій земли, чы на чужій. А все наймытъ. Правду вы...

— ... Злежалось полотно въ коморахъ. Люде прохають: дайте хочъ на сорочку,—хай праця людська не гыне марно. Та ты слухай же бо.

— Слухаю, слухаю. Гей, чуете, правду вы мовыте: такы собаче жыття маемо. Тажъ то высоталы зъ мене вси жылы. Тажъ то цилый викъ свій напыхавъ я чужу пельку. Ще якъ була фабрыка, жывъ якось, а якъ згорила...

— А вже жъ погорило, усе полотно згорило.

— Яке полотно?

— Якъ – яке? Та жъ розсказувавъ.

— А—такъ-такъ. Ну, пыймо краще. За ваше...

— А якъ же зъ Гафійкою? Наймаешъ?

— Та годи вамъ. Пыймо.

— Ну, чортъ зъ тобою, не хочешъ, якъ схочешъ.—Хома выпывъ душкомъ пыво и кынувъ склянкою объ землю.

На бренькитъ скла прыбигъ наляканый Мендель.

Було якесь свято. Гафійка сыдила на прызьби за хатою. Биля нигъ іи шпорталысь куры и сокоталы, допомынаючысь йижи. На прызьби лежала розгорнена кныжка.

— Агушъ, агуша, йдить соби порпатыся по-пидъ тыномъ...—проганяла ихъ Гафійка.—Ну, чого сокочыте, дурни? А ты чого, зозуляста, вытягаешъ шыю та заглядаешъ до рукъ? я вже тоби давала йисты. Вамъ тильки абы йисты, дурни. Сердышся, що таке кажу? А отъ поспытай Марка, послухай, що розумни люде скажуть. Винъ бы вамъ сказавъ: дурни, зроду-звику дурни. Вамъ дають жменьку пшона, а забирають вси вашы яйця, або рижуть васъ на юшку. А ты, пивне, по дурному трипаешъ крыламы, храбруешъ. Колыбъ ты бувъ такый смилывый, якъ Марко, ты не давъ бы своихъ дитей продаваты панамъ на печеню. А може ни? Ну, та ты пивень, а Марко орелъ. Ты послухавъ бы, що винъ каже... Винъ каже... Та що ты тямышъ? ты ничого не розберешъ! Бо колыбъ ты бувъ розумныцый, то побачывъ бы, що й люде таки, якъ куры... Ну, чого кудкудачешъ, биленька? Чого сміешся? Думаешъ, я не знаю, що у васъ добре? Думаешъ соби, що ты

кохаешъ, кого сама схочешъ, а я мушу виддатыся за Прокопа, бо маты ёго за мене сватають? Дурна, дурна... Та нехай мене печуть, нехай рижуть... нехай краще закопають мене въ землю! чуешъ ты, зозулястенька? Ну пишла геть, колы головою крутышъ, невирна! Не бійсь, Марко никому мене не дасть... бо винъ орелъ... а надъ нымъ, знаете куры, вороння того, вороння... мало не заклюють. Колы й люде на нёго, и староста, и навить тато нападаются... а винъ добре хоче людямъ. Не тато, а Марко... Чуете жъ, куры, якый винъ добрый, Марко мій... за те ёго парубкы й дивчата страхъ люблять... и слухають. А ты куды, проклятый? Агушъ! бачъ—наслидывъ на кныжци! Що мени Марко скаже, якъ побачыть на ній пивнячи слиды? Скаже: пивень бильше начытавъ, нижъ ты. Ну, теперъ вси гетьте, агуша, бо мени треба чытаты. Прысунуся блыжче до сонечка, хай и воно загляда въ кныжку, хай и воно чытае... Ну, разомъ!..

Зъ погодою щось діялося. Весна стояла суха и витряна. По горо́дахъ все сохло, хлиба на поли не рослы, по шляхахъ носылысь цили хмары курявы. Люде прохалы дощу, бо все вищувало голодъ. Цина на хлибъ раптомъ пидскочыла и це такъ стурбовало Маланку, що вона що ночи бачыла погани сны. Зате, чымъ гирше було навкругы, чымъ бильше надіи хлиборобивъ вьялы, тымъ бильшъ Андрія опановувалы мріи про фабрыку. Якъ Маланци дороге борошно, такъ Андріеви снылась фабрыка. Часомъ винъ схоплювавсь середъ ночи и зъ просоння, зъ якымсь жахомъ въ голоси, пытавъ Маланку:

— Бувъ свыстокъ?

— Якый свыстокъ?

— Ну, фабрыка свыстала?—сердывся винъ.

— Опамьятайся... то тоби въ голови свыще, по ночахъ товчешся,—бурчала сколошкана Маланка, позихала, зитхала и не могла заснуты до раня.

Андрія жерла нетерплячка. Винъ разъ-у-разъ бигавъ на руины, щось обмирковувавъ, прыкыдавъ, выраховувавъ. Потимъ бигавъ по людяхъ, роспытувавъ, пускавъ поголоскы, и колы

воны зновъ доходылы до ёго, значно зминени и бильшъ ришучи, винъ радивъ, хвалывся Маланци и вирывъ. Навить до своихъ звычайныхъ заробиткивъ видносывся винъ теперъ злегка и не шукавъ ихъ.

Маланка нарикала. Де-дали все труднише и труднише ставало знайты якусь роботу. Тра́вы погорилы, по экономіяхъ бильшъ не наймалы. Прыступаючы до печи, вона просто дурила, бо не знала, що варыты. Прыварку не було, вични позыкы докучылы всимъ и навить Маланци. Найдужче серце бо́лило въ неи за Гафійку—таке молоде, едына дытына, и мусыть голодомъ морытысь. Якымсь чудомъ вона роздобувала для неи и прыносыла пидъ хвартухомъ мысочку ягидъ, або свижу паляныцю. Андрій ридко звертавъ увагу на страву—голова ёго була запрятана фабрикою—але часомъ и винъ одсовувавъ никчемну юшку и почынавъ бурчаты. Маланка чатувала на той ментъ. Вона вся скыпала лыхою радистью и жбурляла ёму въ лыце всю отруту, все шумовыння свого серця.

Въ одній хати жылы два ворогы, и хочъ коженъ зъ ныхъ порынавъ у власни думкы и навить тикавъ одъ другого, проте доволи було якоись дрибнычкы—и злисть типала обома, немовъ пропасныця.

Одно ихъ еднало—це згадка про те, що Гудзь радывъ найняты Гафійку.

— А ты жъ що, плюнувъ ёму ме́жы очи?—допытувалась Маланка, а сама, осмихаючысь, думала: чекай, чекай, ось прыйде осинь, тоди побачымо...

— А я такъ розсердывсь, що мало не побывъ Хому! Ій-Богу!—хвалывся Андрій.—Таке выгадавъ!..

— Ты що тутъ робышъ?

Маланка вытрищыла очи и зупынылась на порози. На прыпичку горивъ трусокъ и кыпило горнятко. Андрій дывывсь на вогонь, увесь чорный и захопленый. Маланка несподивано заскочыла ёго, и винъ осмихався непевнымъ, прыдурковатымъ усми-

хомъ. Маланка прыступыла до печи, одсунула горнятко и зазырнула въ нёго.

— Ты рыбу варышъ?—поспытала вона паляканымъ голосомъ и вся пополотпила.

Андрій метнувся на мисци, засунувъ зновъ горнятко, обкыдавъ ёго жаромъ и мовчкы осмихався.

— Чуешъ, Гафійко, винъ рыбу варыть!—скрыкнула Маланка.

Въ голоси іи чувся такый жахъ, наче въ горнятку що найменче варылось людське мнясо.

— Здуривъ! здуривъ! ій-Богу здуривъ!—крычала Маланка, бигаючы по хати, якъ на пожежи.

Видтакъ зупынылась передъ Андріемъ, сплеснула рукамы и, не ростуляючы ихъ, выдывлялась на ёго здывованымы, повнымы обурення и жаху очыма.

Винъ рыбу варыть! Лына, що спіймавъ у-ранци! Що важывъ найменче чотыре хунты! Не виднисъ у двиръ, не спродавъ панови! Ой, свитъ кинчается! Такого ще и не було, видколы Андрій рыбу ловыть! Воны николы не зйилы ще бильшои рыбы, яку вжывають паны. За такого лынка можна бъ узяты зо два злоты, а винъ ёго зварывъ!

Усе це, зъ плачемъ, выгомонила Маланка Андріеви въ спыну пры булькоти горнятка та потрискуванни сухого труску.

Андрій намагався обернуты все въ жартъ.

— Не скыглы, стара, сидай та попойижъ рыбкы. Нема мняса, якъ свыныпа, нема рыбы, якъ...

И винъ однисъ горнятко на стилъ, та насыпавъ въ мыску юшкы.

— Трискай самъ, бодай ты не выдыхавъ! Мы пухнемо зъ голоду, въ хати ни кришкы хлиба, а винъ рыбу варыть!

Андріеви було ніяково; Маланка казала правду, але ёму такъ хотилось рыбы, вона такъ прынадно пахла, що низдри ёго тремтилы и роздувалысь.

Сопучы и надувшысь, винъ засивъ за рыбу и плямкавъ губамы, и сёрбавъ юшку такъ голосно, наче хотивъ заглушыты жинчыне голосиння.

А Маланка лютувала. Опричъ того, що іи жывый жаль бравъ за знивеченою рыбою, вона була голодна. Вона зихляла зъ голоду, ій такъ хотилось чогось гарячого, смачного, незвычайного, а духъ свижои лыныны лоскотавъ низдри, спиравъ виддыхъ; ій ажъ нудыло одъ сыльного бажання попойисты. Проте вона розумила, що не може прыступыты до стравы и ще сыльнище кляла.

— Не журысь, жинко, ось поставлять фабрыку, тоди зароблю де-що...

— Бодай ты такъ жывъ, якъ та фабрыка буде!

Андрій пиднявъ очи. И воны на мыть зупынылысь и кынулы далекый поглядъ кудысь въ простору, по-за стины, по-за хату—и зразу стало ясно ёму, що справди фабрыкы не буде, що то дурни надіи, що краще бъ винъ не варывъ рыбы, яку можна було продаты та купыты хлиба. И вразъ рыба втратыла свій смакъ, охота до йижи одлетила геть и ёму раптомъ схотилось покынуты хату.

Андрій взявъ шапку и выйшовъ.

Недойидкы рыбы выстыгалы на столи, а Маланка зъ дочкою сыдилы мовчкы по куткахъ та снувалы гирки думы въ мороци погаслого дня. Сумъ стоявъ въ хати, обнявшысь зъ тышою.

Потимъ воны разомъ всталы, пидійшлы, немовъ змовылысь, до стола и мовчкы взялысь за рыбу. Воны пойилы все до щенту, высмокталы кисточкы, высёрбалы юшку и мовъ голодни коты вылызалы навить мыску.

Андрій збирався на почту: почепывъ на плече шкиряну торбу, взявъ у рукы ципокъ. Колы вбигла Маланка. На ній лыця не було. Блида, засапана, очи горять и вся тремтыть.

— Иды... миряють...

Андрій выдывывся на неи.

Вона не могла говорыты, прытыскала рукою серце и важко дыхала. Другою рукою, умазаною въ землю, бо тильки що подола, вона махала передъ ёго очыма и показувала на дверы.

— Иды жъ, миряють бо...

— Хто миряе? Що?

— Паны, охъ!.. Найихалы, будуть землю дилыты..

— Яку землю? Що ты мелешъ!

— Всяку... помижъ людьмы... Иды, доглянь, щобъ намъ одризалы недалеко, блыжче одъ села. Бо це прыпадь дистанешъ...

— Святъ, святъ, святъ! Опамьятайся. Мени на почту треба йты.

Маланка позеленила.

— Ты пійдешъ мени?

Вона прыскочыла до его страшна, якъ дыка кыцька, зъ перекошенымъ ротомъ, зъ пекучымъ поглядомъ, блида якъ мара.

— Ты пійдешъ мени заразъ!—выщала вона тонкымъ голосомъ.—Тоби може байдуже, дакъ мени не байдуже. Ты маешъ дытыну! Ты хочешъ зарызаты іи! Ты всихъ насъ рижешъ. Заразъ мени йды. Люде заберуть краще. Чуешъ? Ну!

И бачучы, що винъ стоить ни въ сыхъ, ни въ тыхъ и дывытся на неи, вона вхопыла зъ прыпичка рубель и замырылась на єго.

— Иды, бо тутъ тоби смерть буде!..

Вона ладна була єго забыты,—Андрій це бачывъ.

— Тю, дурна!—знызавъ винъ плечыма; та же бачышъ—иду. Винъ сопивъ, якъ ковальській михъ, и ледве поспишавъ за Маланкою.

У-вечери повернулась Маланка до-дому весела, слыве сча-слыва. Вона бигала по хати немовъ молодымы ногамы, а думкы іи литалы, якъ били голубы на сонци. Вона осмихалась. Таки чудни паны. Ходять соби по полю тай миряють. Вона имъ въ ногы: паны мои лебедонькы, зглянтесь на мене бидну, одрижте блыжче, тамъ де пшеныця родыть, а воны регочуть. Иды, кажуть, бабко, до-дому, мы не те миряемо. А сами регочуть, бодай бы васъ Богъ мавъ у своій ласци. Воны думають, що якъ вона дурна баба, то вже нычого не тямыть... Стійте, стійте, може и въ неи голова не дурно на вьязахъ... Хиба вона не змиркувала, що воны іи дурять. Адже скажы людямъ зразу, що то для ныхъ землю дилять, то тутъ така бъ Содома знялась, що жывцемъ пожерлы

бъ одынъ одного... Коженъ за краще бывся бъ. Ну, але воны памьятатымуть бидну бабу, воны іи не скрывдять. Ще колы бъ Андрій прохавъ, а то ставъ якъ пень, бодай бы...

Не скинчыла проклёну, не могла лаятысь ныни. Вона була такою доброю сёгодня, ій було такъ весело, такъ жалко всихъ. Лагодячы вечерю, вона навить прыспивувала, а трискуче полумья сухого ломаччя немовъ радило разомъ изъ нею. Андріёви вона подала вечерю зъ повагою, якъ до господаря, що мае власный грунтъ и хазяйство, сама жъ не могла йисты, не була голодна. Все, за щобъ не бралася, робыла поважно, немовъ у церкви правыла, а сама осмихалася до себе. На ничъ змыла Гафійци голову лугомъ, росчисала густымъ гребнемъ волосся, що ажъ вылыскувалось; сама заплела дрибушкы и кисныкы. Щобъ голова въ донькы була якъ сонечко. Щобъ дивка була не гиршъ за людськи.

— Може бъ ты новый лейбыкъ надивъ, бо старый чысто розлизся?—пытала вона Андрія и достала зъ скрыни едыну ёго святну одежу.—Закропы душу ягидкамы, ковалыха дала...

Андрій давно вже бачывъ іи такою ласкавою. А въ неи серце розмякло, въ ній все спивало. Спивала колосомъ власна ныва, спивалы жайворонкы надъ нею, спивавъ писню серпъ, пидризуючы стебло, луналы спивы по синокосахъ, спивало врешти серце, повне надій. Осмихалась доля. Не тильки власна, а и Гафійчына. Въ ногахъ чулась миць, въ рукахъ сыла. Чорни жылови рукы булы наче зъ зализа.

Зъ того дня Маланка часто бигала на панське поле дывытысь, якъ миряють паны. Воны ще блукалы полямы зо два дни, потимъ пойихалы. Але Маланка добре знала, до чого воно йдется. Вона почала готуватысь. Полючы на горо́ди въ багатого мужыка, вона не хотила браты грошей, а прохала одсыпаты пшенычнымъ зерномъ, щобъ маты гарный гатунокъ пшеныци. Це на насиння, на розвидъ. Колы йила яблуко, обережно выбирала зернятка и сушыла на викни. Воно здастся. Нищо не могло зробыты ій бильше прыемносты, якъ горсточка насиння, выпрохана въ путящои хазяйкы, або зароблена на поденному. Вона дійшла до

того, що опынывшысь на чужому горо́ди, стежыла очыма, щоб̕ можно взяты на насиння, и, оглядаючысь, потай ламала кращу макивку, або зрывала жовтый огирокъ и ховала за пазуху. У неи въ хати завелось багато всякыхъ вузлыкивъ зъ насиннямъ— велыкыхъ и малыхъ—и разъ-у-разъ щось сушылося на викнахъ.

— Куды ты его подинешъ?—дывувався Андрій.—Адже у насъ усёго тильки дви грядочкы.

Вона таемнычо осмихалась и поблажлыво хытала головою.

— Не журысь... То вже моя голова въ тимъ...

Въ недилю вона ходыла у лисъ, де стоялы готови зрубы, оглядала ихъ, выбирала кращый матеріалъ, розмирковувала и роспытувала про цины въ лисныкивъ.

Вертала до дому задумана, зъ очыма, втуплеными кудысь у простору, гладыла Гафійку по голови и часомъ осмихалась сама до себе.

Вона якось ходыла навить на ярмарокъ, а потому судылы Маланку на сели: певно баба мае гроши та лыше таится зъ тымъ, бо все вешталась по ярмарку та торгувала пидсвынка...

Якось надъ вечиръ Маланка выйшла зъ хаты и наткнулась на Гафійку, що стояла прытулена до одвирка.

— Ты що тутъ робышъ?—поспытала вона іи, але, глянувшы на Гафійку, Маланка такъ и зомлила.

— А що тоби таке?

Гафійка не одповидала. Вона стояла зигнута, блида, ажъ чорна, и тремтила.

— Що зъ тобою?—допытувалась Маланка и взяла Гафійку за холодни рукы.

Гафійка мовчала и типалась, якъ у пропасныци. Маланка завела іи до хаты и кынулась свитыты свитло. Блиде свитло ще чорнищи тини поклало на іи выду; шыроко одкрыти жахомъ очи заблыщалы, якъ скляни. Маланка зовсимъ перелякалась. Посадыла Гафійку на пилъ и почала тремтячымы рукамы обмацуваты іи лыце, голову.

— Що тоби? Налякалася? Болыть що?

Одповиди не було. Тильки пидъ рукамы въ Маланкы типалось холодне тило.

Маланка почала гукаты Андрія. Та Андрія десь не було.

Маланци заходыло въ голову, що сталося зъ Гафійкою. Наврочывъ хто? Налякавъ? Пидвіяло? Куды вона ходыла? де була? Що жъ це, Господы, подіялось дивчыни! Колыбъ хочъ сказала, колыбъ промовыла, а то мовчыть, якъ не жыва...

Склянни очи и чорный, схудлый зразу выдъ лякавъ Маланку, и вона почала сама трусытысь надъ Гафійкою, хрестячы іи всю дрибнымы хрестамы.

На счастя надходывъ Андрій. Винъ бувъ веселый, чы на пидпытку, бо говорывъ голосно и зворушено.

— Ну, такъ и йе... я ще тоди казавъ... Найихалы и забралы...

Маланка зашыпила на ёго.

— Де ты волочышся?

— Де жъ? На вулыци. Дывывся, якъ велы Марка Гущу... найихалы й забралы. Догрався. Я бъ такого, пане добродзею, за шыю та на галузку. Коротка справа...

Зъ полу почувся стогинъ.

— Цыть!—накынулась на Андрія Маланка: бачышъ, заслабла. Бижы заразъ по Марьяну... може одшепче, пидкурыть чы переполохъ выкачае... не знаты, що ій таке. Ну, бижы жъ швыдче...

Андрій подавсь до шептухы.

Марьяна мабуть помогла, бо за два дни Гафійка пидвелась. Худа, жовта, ажъ чорна, немовъ удовыця, сумна и мовчазна. Вона все тикала зъ хаты, щобъ не буты вкупи зъ старымы. Найбильше уныкала батька, немовъ боялась ёго. На самоти плакала. И думала, думала, ажъ ій тисно ставало одъ думокъ...

Не все горе, бувалы й радощи.

Писля довгого литнёго дня, колы сонце сидае, а роспечена земля поволи скыдае зъ себе золоти шаты, колы на блиде, втом-

лепе днемъ небо зъявляются крадькома несмилыви зори, въ останнёму проминни сонця справляе грыща мушва, а дывно мягке, злотороже повитря прыймае оддаль бузкови тоны и робыть просторы ще ширшымы и ще глыбшымы,—Маланка зъ Гафійкою идуть курною дорогою, и хочъ мають утомлене тило, але разомъ и прыемне почуття скинченого дня. Воны несуть до дому спечене, якъ и земля, тило, а въ складкахъ одежи пахощи стыглого колоса. Не розмовляють. Йдуть мовчкы, помахують серпамы. Розигнута врешти спына, пущена вильно рука, ще злегка тремтяча одъ цилоденного напрудження, мягкый пылъ пидъ ногамы замисць стерни здаются теперъ счастямъ. А въ дома чекае спочынокъ и сонъ, короткый, якъ литня ничъ, але солодкый, якъ холодный лыстъ до раны. Колы бъ швыдче до дому... не вечеряты, не сыдиты, не розмовляты, а впасты на лаву, якъ каминь въ воду—и въ мыть склепыты очи.

Сонна, напивпрытомна, Маланка роскладае въ печи вогонь и прыставляе окрипъ, щобъ зготуваты Андріеви вечерю. Вогонь палае и гуготыть, а вона заплющуе очи, хытается, и ій здается, що то шумыть колосомъ ныва и серпъ черкае по стеблу. Ой, якъ душно, якъ сонце пражыть. Ба ни, такъ то вогонь пече, бо блызько стала. Ось вона нажала снипъ и крутыть перевесло... такъ болыть спына, трудно зигнутысь. Ага! то вона тисто мисыть на галушкы. Жны, Гафійко, жны... трудно, серце, заробляты, за дванадцятый снипъ жавшы, а треба. Що, пучку врizала, сычышъ зъ болю?.. Ай, ни, тожъ то окрипъ збигае.

Сёрбае юшку Андрій... здается говорыть щось... у хати, чы на двори?..

— Чомъ не вечеряешъ?

— Га?

— Вечеряты йды...

— Вечеряй самъ... я потому...

Ложкы треба по... а-а-а!.. помыты. Таки ногы важки, мовъ у чоботяхъ... а голова жъ... голова, ледве на въязахъ здержышъ...

Ну, врешти... На прызьби краще. Ты спышъ, Гафійко?.. Подушку взяла бъ.. ну, спы й такъ, дытыно, колы заснула. Ой,

кисточкы жъ мои, кисточкы болючи. Ой, мои рученькы... ниженькы мои... Иже есы на небесы. Хлибъ нашъ насущный. А-а-а!.. зори дывлятся зъ неба. Жабы крякають до сону. Блакитна баня спускается все нижче и нижче... налягае на тило, гнитыть повикы. Такъ солодко, спокійно. Не вставъ бы й на судъ страшный, не звився бъ и до доли... А небо все нижче, тай нижче... пестыть, обіймае... зори лоскочуть, немовъ цилують. Душа роспустылась въ блакыти, тило прылыпло до прызьбы и тане, якъ вискъ на вогни. Нема ничого... небуття... повне́ небуття!..

Хиба жъ не радощи!

Допиру по жныватхъ показалося, що зима буде голодна. Посуха тай посуха. Жыта запалыло, хлибъ уродывсь ридкый та безсылый. Смихъ и горе було дывытысь на те, що зажалы Маланка зъ Гафійкою, а настреляныхъ Андріемъ качокъ та зайцивъ пойилы паны. Ще труднище заробыты буде сеи зымы, нижъ торикъ, а ти, що миряли землю, якъ счезлы, такъ и слидъ ихъ пропавъ. А ни чуткы. Андрій тежъ мовчыть щось про фабрыку.

По селу йшлы розмовы про Гудзя. Оповидалы, що винъ у гниву забывъ ломакою вола. Ударывъ по пидъ вухо и росколовъ голову. За те панъ прогнавъ ёго зъ двору и теперъ Гудзь вештается безъ служби, пропывае останню одежу и хвалытся, що й попови таке буде, якъ волови. Колысь винъ заскочывъ и до Андрія.

— Ловышъ рыбку, пане добродзею?—прывитавъ винъ ёго зъ пьянымъ смихомъ.—Ловы, ловы, може нею подавлятся ти, що йидять іи. Фабрыкантъ! . Винъ думае, що для нёго фабрыку збудують. А якъ-же, чорта пухлого дочекаешся!.. Совы та вороны тамъ жытымуть, покы не завалытся икъ лыхій матери. Кажы— наймаешъ Гафійку? Ни? Воліешъ зъ голоду згынуты, якъ руда мыша зимою? Ну, здыхай, врагъ тебе беры зъ усимъ кодломъ, хиба мени що? Знайдемо й другу!..

Винъ розсердывся, грымнувъ дверыма и выйшовъ зъ хаты, але за хвылыну зновъ просунувъ у дверы червоне й завзяте обличчя.

— Гей, вы, фабрыканты! Памьятай одно зъ другымъ, що ще прыйде коза до воза та скаже ме... Але Гудзь дасть дулю,—о!..

Андрій не вытрымавъ.

— Ахъ ты, пьянюго, котолупе якыйсь, а тоби яке дило до мене!—кынувся винъ до дверей, та Маланка не пустыла.

— Облышъ!—завыжчала вона пронызуватымъ голосомъ и засвитыла до нёго зеленымы, повнымы злорадои втихы, очыма.— Не займай, скаличыть. Тоди якъ на фабрыку ходытымешъ?

— На фабрыку?

— А та жъ...

— На фабрыку, кажешъ?

— Та же чувъ... збудують для тебе...

Вона цидыла слова, немовъ отруту.

Андрія душыла злисть.

— Свербышъ, болячко? Свербы, свербы, покы не почухаю. Краще кажы—засіяла ланы свои? Багато тоби намирялы? Дежъ ти паны, що ты имъ рукы лызала?..

— А дежъ? фабрыку тоби будують...

— Ты зновъ свое?..

Андрій побывъ Маланку. Вона лежала на лави и голосно стогнала, а винъ блукавъ по оголеныхъ сирыхъ ланахъ, байдужно, безъ цили, абы дали видъ дому.

Гафійка плакала. Вона краще пишла бъ у наймы.

На Покрову повернувъ Прокипъ. Йшла чутка, що ёму не посчастыло. Зразу не мигъ найнятыся, бо народу найшло бильше, нижъ треба, и цины впалы; видтакъ заслабъ у Каховци и пролежавъ мисяць, дали подавсь у Таврыю, а звидты опынывся ажъ у Черноморыи. Повернувся обидраный, слабый и безъ грошей. Маланка не дуже няла виры тому. Чого люде не сплещуть. И

вона потай одъ своихъ побигла, немовъ за диломъ, до Кандзюбыхы. Показалося—правда. Прокипъ блидый, ажъ счорнилый, одъ витру валытся та все вылежуется, а стара Кандзюбыха мало не плаче, розсказуючы, якъ ледве-ледве очыстыла сына одъ нужи. Куды вже ёму женытыся! була думка—заробыть хочъ на весилля, а тымъ часомъ такый рикъ выпавъ, що й хлиба не стане...

Сумна повернула до дому Маланка и никому не похвалылась, що бачыла й чула. Нехай вже воно прысхне на ній, якъ на собаци.

Чымъ блыжче було до Пылыпивкы, тымъ бильше Маланка втрачала спокій. Не давала спокою й Гафійци. Духъ охайносты, чепуриння опанувавъ іи цилкомъ—и вона товклась по цилыхъ дняхъ: двичы побилыла хату зъ надвору и въ середыни, що дня пидмазувала комынъ та пидводыла червонымъ глеемъ прыпичокъ.

Гафійка мусила наризаты зъ паперу новыхъ козакивъ та квитокъ и облипыты имы стины одъ божныка ажъ до дверей. Крыла голубкивъ, що гойдалысь передъ образамы на нытци, заминени булы новымы, ще бильшъ яскравымы, а на те, щобъ набуты шматокъ шпалеру зъ червонымы рожамы пидъ образы—пишлы уси яйця, яки збиралысь одно до одного.

Чого ходышъ чорна!—грымала Маланка на Гафійку и змушувала іи мало не що дня миняты сорочку, сама чесала ій голову и вплитала въ косы нови кисныкы. Осинними вечорамы вона рано свитыла свитло, чепурылась немовъ у свято и, сыдячы у своій охаяній хатынци, часто поглядала на двери, тривожно прыслухаючысь до гавкання собакъ, и хвылювалась, немовъ на щось чекала.

Часомъ у день, покынувшы роботу, вона высовувала зъ кутка Гафійчыну скрыню и переглядала іи убоге шуплаття, розгортала вышывани рушныкы и переводыла задуманый поглядъ на дочку. Видтакъ поправляла на ній намысто, обсмыкувала сорочку, укладала складкы спидныци и жалибно похытувала головою, змыгнувшы крадькома слёзы.

Але чого вона не могла байдужно чуты—такъ се бубна. Якъ тильки зъ далекого кутка села, пидъ хмарнымъ осиннимъ небомъ, разлягалось ёго глухе дудниння, вона выскакувала на двиръ, прыслухалась, намагалась вгадаты, въ якому двори справляють весилля и выявляла таку цикависть до того, хто кого посватавъ, немовъ сама мала надію незабаромъ виддатысь. Вона жыла у вичному напружденню, іи рукы зробылысь жвавымы, нервовымы, а мали чорни очи неспокійно поблыскувалы.

А бубонъ гудивъ. Почынаючы зъ середыны тыжня ходылы по вулыцяхъ молоди зъ роспущеными косамы и падалы въ ногы, прохаючы на весилля, або мисыла болото весильна перезва, сповняючы холодне повитря писнямы. Маланка въ однiй сорочци выскакувала на поригъ хаты, пидпирала голову долонямы и жалибно стежыла окомъ за весильною процесіею, мерзла и не помичала того. Вона несказано дратувалась.

Коженъ засватаный парубокъ, кожна дивчына, що подала рушныкы, втрачалы раптомъ въ іи очахъ цину, не варти булы доброго слова.

— Посватавъ! узявъ добро!—шыпила вона зъ крывымъ усмихомъ.—Буде годуваты чужи диты и жинку нетипаху... Хиба нихто не знае, що вона й хлиба спекты не годна, ій тильки до хлопцивъ иржаты...

— Завьязала соби свитъ за тымъ ледащомъ... Рябый, гугнявый та ще й злодій: укравъ торикъ лантухъ жыта зъ току...

За те, стричаючысь зъ жинкамы, що малы дорослыхъ сынивъ, вона ставала солодкою и хвалылась дочкою: Слава тоби, Господы, таке воно въ неи роботяще, таке добре, покирлыве, немовъ телятко...

Часъ тягся.

Вечиръ за вечоромъ просыджувалы воны зъ Гафійкою у прыбраній, якъ на велыкдень, хати, въ чыстій одежи, немовъ чекалы дорогого гостя, що отъ-отъ невыдко якъ затупае передъ хатою, сколошкае собакъ и видхылыть двери. У Маланкы захована навить була въ комирчыни, пидъ старымъ манаттямъ, пляшка горилкы, про яку опричъ неи нихто не знавъ.

А навкругы луналы музыкы, дуднилы бубны и полошылы ничну тышу пьяни писни. Нихто не зъявлявся. Крывы стины халупкы, выпьявшы бокы, моргалы по куткахъ зморщкамы-тинямы, паперови козакы, узявшысь въ бокы, стоялы въ рядъ и мовчкы дывылысь на тьмяне свитло лямпкы, а чепурни голубкы крутылысь передъ образамы, пересуваючы довги тини крылъ по нызькій стели. Нудна тривога, мовъ дерево зъ насиппя, росла въ Маланчыній души. Невже не прыйдуть? Невже нихто не посватае? Вона перебирала въ памьяты усихъ парубкивъ села—и багатыхъ и середнихъ, и навить бидныхъ, хочъ довше зупынялась на багатыхъ. Миркувала, прыкыдала и все сподивалася. Часомъ вона думала, що Гафійка сама вынна.

— Гей ты, вайло!—гукала вона на неи, колы Гафійци ненарокомъ вылитало зъ рукъ веретено, або колы вона зачиплялa що по дорози.—Яка зъ тебе хазяйка буде, що ни ступыты, ни зробыты до ладу не годна?—Кара Божа, не дивка—сердылась вона знову:—ты якъ голову вычисала? Хто тебе визьме таку нечупару?.. —Чого мовчышъ? Говорыты не вміешъ?.. Побачыте... вона й долю свою промовчыть... Усе не такъ, якъ людськи диты...

Але помитывшы слёзы въ Гафійчыныхъ очахъ, вона замовкала, жаль сповнявъ іи серце и вылитавъ довгымъ зитханнямъ... Вона вже знала, яка доля чыгала на іи дытыну. Доведется ій топтаты матерыну стежку... Ой, доведется...

Зъ поныклою, обваженою гиркымы думамы головою вона прыслухалася до останнихъ згукивъ затыхаючои въ сели весильнои музыкы, зъ якымы гынулы іи останни надіи, останни сподивання...

Идуть дощи. Холодни осинни туманы клубочатся вгори и спускають на землю мокри косы. Плыве у сири бѐзвисты нудьга, плыве безнадія и стыха хлыпае сумъ. Плачуть голи дерева, плачуть соломьяни стрихы, вмывается слёзамы убога земля и не знае, колы осмихнется. Сири дни зминяють темни ночи. Де небо? Де сонце? Миріады дрибныхъ крапель, мовъ вмерли надіи, що зня-

лысь занадто высоко, спадають до-долу и плывуть, змишани зъ землею, брудными патёкамы. Нема простору, нема розвагы. Чорни думы, горе серця крутятся тутъ, надъ головою, высять хмарамы, котятся туманомъ, и чуешъ коло себе тыхе рыдання, немовъ надъ вмерлымъ...

Маленьке, сире, заплакане виконце. Кризь ёго выдко обомъ— и Андріеви и Маланци, якъ брудною, розгрузлою дорогою йдуть заробитчане. Йдуть тай йдуть, чорни, похылени, мокри, несчасни, немовъ каликы журавли, що видбылысь одъ свого ключа, немовъ осинній дощъ. Йдуть и зныкають у сири безвисты...

Тьмяно въ халупци. Цидять морокъ маленьки викна, хмурятся вохки куткы, гнитыть нызька стеля и плаче зажурене серце. Зъ цимъ безконечнымъ рухомъ, зъ цимъ безупыннымъ спаданнямъ дрибныхъ крапель плывуть и згадкы. Якъ крапли ци,— упалы й загынулы въ болоти дни жыття, молоди сылы, молоди надіи. Все пишло на другыхъ, па сыльнищыхъ, на счаслывищихъ, немовъ такъ и треба.

Немовъ такъ и треба...

А дощъ иде... Горбатымы тинямы у хатнимъ прысмерку сыдять стари, немовъ ришають загадане Гудземъ завдання:—чы прыйде коза до воза?

А мабуть прыйде...

М. Коцюбинськый.

Стихотворное житіе преподобномученика Макарія, архимандрита Овруцкаго и Каневскаго игумена.

I.

Среди южно-русскихъ праведниковъ, причисленныхъ церковью къ лику святыхъ, св. Макарій Овруцкій принадлежитъ сравнительно позднѣйшимъ временамъ, концу XVII в., а между тѣмъ его печатное житіе, изданное въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія, переполнено явными ошибками и анахронизмами, что было бы вполнѣ естественно видѣть лишь въ житіи какого-либо очень древняго подвижника [1]). Въ свое время почтенный изслѣдователь южно-русской старины М. А. Максимовичъ отмѣтилъ нѣкоторые изъ этихъ ошибокъ и предложилъ свои къ нимъ поправки, но не довелъ начатаго дѣла до конца или за недостаткомъ времени, или за недостаткомъ данныхъ. Его замѣчанія по поводу печатнаго житія св. Макарія сводятся къ слѣдующимъ выводамъ.

Вполнѣ справедливо полагаетъ г. Максимовичъ, что кончина примч. Макарія не можетъ быть отнесена ни къ 1630 г., какъ

---

[1]) Описаніе житія св. преподобномученика Макарія, архимандрита Овручскаго, нетлѣнно почивающаго въ бывшемъ монастырѣ Свято-Вознесенскомъ Переяславскомъ, Полтавской епархіи. Гедеона, архіепископа Полтавскаго. Спб. 1845 г.

это дѣлаетъ г. Похилевичъ, ни къ 1653 г., какъ указано въ печатномъ житіи архіеп. Гедеона. Отсюда само собою вытекаетъ и то, что митрополитъ кіевскій Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій не могъ въ 1627 году опредѣлить св. Макарія въ Овруцкій монастырь, по удаленіи изъ котораго св. Макарій жилъ нѣкоторое время при Кіево-Печерской лаврѣ, но не въ 1641 году, при какомъ то неизвѣстномъ митрополитѣ Кипріанѣ, и въ то именно время, когда кіевскимъ митрополитомъ былъ Петръ Могила. Хотя во второмъ изданіи печатнаго житія св. Макарія (1853 года) выброшены имена митрополитовъ Іосифа и Кипріана, но отъ этого «сущность сказанія не измѣнилась», по замѣчанію Максимовича. Ссылаясь на лѣтопись Самуила Величка и Самовидца, а также на стародавнія преданія переселенцевъ о годѣ кончины св. Макарія, Максимовичъ совершенно вѣрно опредѣляетъ его дату: 4 сентября 1678 года, въ четвертокъ. Изъ писемъ Лазаря Барановича, арх. Черниговскаго, Максимовичемъ взято новое доказательство, что архимандритство св. Макарія въ Овруцкомъ монастырѣ началось не ранѣе 1657 года и окончилось въ 1671, послѣ разоренія Овруцкой обители отъ татаръ въ 1671 году. Неизвѣстно, когда послѣдовало назначеніе св. Макарія настоятелемъ Каневскаго Успенскаго монастыря, но во всякомъ случаѣ игуменство Макарія въ Каневѣ не могло быть долѣе семи лѣтъ [1]). Таковы поправки г. Максимовича къ житію св. Макарія.

Принимая ихъ во вниманіе, нельзя, однакоже, признать вѣрнымъ предположеніе почтеннаго изслѣдователя, которое онъ сдѣлалъ въ самомъ началѣ своей замѣтки о преподобномъ архимандритѣ Макаріи, что печатное житіе архіепископа Гедеона «взято изъ рукописнаго, сочиненнаго въ Переяславлѣ, должно быть, уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія (т. е. XIX-го)». Этотъ рукописный оригиналъ долженъ былъ существовать еще въ XVIII вѣкѣ, иначе было бы странно, что никто не позаботился до начала XIX вѣка написать житіе святого, котораго почитали

---

[1]) Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, Кіевъ, 1876 г., Т. 1-й, стр. 532—536.

не въ одной только переяславской епархіи, но и во всей Малороссіи. Такъ оно дѣйствительно и было, что рукописное житіе св. Макарія существовало въ XVIII в. даже въ двухъ видахъ: прозаическомъ и стихотворномъ. Рукописи перваго вида намъ неизвѣстны, а со вторымъ, которое несомнѣнно стоитъ въ зависимости отъ перваго, мы и собираемся познакомить нашихъ читателей.

II.

Нельзя удивляться тому, что стихотворное житіе св. Макарія вовсе неизвѣстно преосвященному Гедеону, позднѣйшему составителю печатнаго житія св. Макарія. Еще въ концѣ XVIII вѣка изъ Переяславскаго Вознесенскаго монастыря оно было увезено бывшимъ настоятелемъ этого монастыря (1785—1793) Димитріемъ Устимовичемъ и очутилось въ Смоленскѣ, куда Димитрій былъ назначенъ епископомъ въ 1795 году изъ кіевскихъ викаріевъ и скончался тамъ же 25 мая 1805 года. Рукопись этого житія въ настоящее время хранится въ Смоленскомъ Историко-Археологическомъ Музеѣ.

Самое стихотворное житіе св. преподобномученика Макарія предваряется службою ему, неизвѣстно кѣмъ составленною, а въ концѣ житія авторъ его нашелъ возможнымъ назвать только свое имя, но не обнаружилъ своего званія и положенія, считая это излишнимъ для того благочестиваго дѣла, ради котораго онъ предпринялъ свой трудъ [1]).

Простѣтъ (sic), труда: уже васъ видѣти не чаю,
Токмо прошенье свое съ вами посылаю.
Емуже гдѣ случится чести сія труды,

---

[1]) Заглавіе рукописи слѣдующее: «Во славу Святыя Единосущныя Нераздѣлимыя Тройцы, Отца и Сына и Святаго Духа, написася книжица сія, Правило преподобномученику Макарію, Переяславскому чудотворцу, 1762 года».

Молю, въ молбахъ Θеодора своихъ не забуди,
Да геенскаго страха Богъ сего избавитъ,
Молитвами святаго въ путь благій наставитъ.

Можно лишь предполагать, что авторъ стихотворнаго житія, по имени Θеодоръ, родомъ малороссъ, былъ монахомъ той самой обители Переяславской, гдѣ лежали мощи св. Макарія. Характерно, что, составляя стихотворное житіе и, очевидно, пользуясь уже имѣвшимся на лицо рукописнымъ житіемъ св. Макарія, Θеодоръ критически отнесся къ году кончины преподобномученика и вполнѣ правильно поставилъ 1678 г. А чтобы не быть голословнымъ для такой даты, вслѣдъ за послѣсловіемъ къ житію, на отдѣльномъ листѣ, онъ выписываетъ слѣдующія доказательства. «Подлинное свидѣтельство о разореніи города Канева и страданіи преподобномученика Макарія, Переяславскаго Чудотворца. Въ рукописномъ лѣтописѣ написанъно еще: **҂ахои** году Чигиринъ Турки взяли и Каневъ спалили. Въ служебники же Каневской обители подписано на листѣ т-мъ сице: «я еросхимонахъ Іларіонъ надаю служебникъ сей до обители Успенія Пресвятой Богородицы монастира Каневъскаго, року **҂ахни**, м-ця априля, **кѳ** дня. Отъ сего знать, что еще не разорена била обителъ Каневская **҂ахни** году, но **҂ахои** году, ибо по разореніи Канева, не имѣ служенія обителъ до днесь». Нельзя не обратить вниманія также и на то, что авторъ не только постарался изложить все житіе силлабическими стихами, но еще на протяженіи всего своего произведенія расположилъ особый акростихъ. Онъ читается такъ: «зде, въ богоспасаемомъ граде Переяслове, въ монастире Михайловском, опочивают мощи святаго преподобномученика Макарія Токаревскаго, архимандрита Каневскаго и Овруцкаго, игумена Пинского и наместника Смоленского. За труды его и подвиги всегдашніе почти его Богъ даромъ нетлѣнія». Почти такое же перечисленіе титуловъ св. Макарія сдѣлано имъ самимъ въ собственноручной его записи на книгѣ «Бесѣды св. Іоанна Златоустаго на 14 посланій св. Апостола Павла», кіевскаго изданія 1623 года. Запись идетъ съ оборота 7 листа и прочитана О. И. Бодянскимъ такъ: «Макарій Токаревскій, архимандритъ Овруцкій,

игуменъ Пинскій, Купятицкій, Каневскій, содержай сію книгу Бесѣдъ апостольскихъ, рукою власною» [1]). Здѣсь прибавлено упоминаніе объ игуменствѣ въ Купятицкомъ монастырѣ, но опущено намѣстничество Смоленское. Не беремся объяснить, почему авторъ стихотворнаго житія одну важную подробность опускаетъ, а другую заимствуетъ неизвѣстно откуда. Всетаки, какъ та, такъ и другая имѣетъ важное значеніе для біографіи св. Макарія и обѣ вполнѣ могутъ быть оправданы достовѣрными историческими справками. Непонятно только, почему авторъ въ самомъ біографическомъ разсказѣ ни слова не упоминаетъ о тѣхъ важныхъ моментахъ въ жизни святого, которые въ акростихѣ признаются безспорными. Единственно можно объяснить это лишь тѣмъ, что послѣ критической провѣрки даты кончины преподобнаго, авторъ, считая всѣ остальныя свѣдѣнія своего письменнаго источника вполнѣ достовѣрными, не замѣтилъ въ нихъ никакихъ противорѣчій и, вѣроятно, даже боялся въ своихъ изъясненіяхъ перейти уже установившійся предѣлъ.

III.

Арх. Гедеонъ Полтавскій говоритъ, что его печатное житіе св. Макарія составлено на основаніи такихъ матеріаловъ, которые, повидимому, заслуживаютъ полнаго довѣрія, что объ этомъ святомъ «предали богобоязненные мужи, и что обрѣтается въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ и святыхъ дѣлахъ его» (Житіе, стр. 2). Первое свѣдѣніе изъ жизни святаго Макарія, конечно, касается года и мѣста его рожденія. Согласно съ печатнымъ, и стихотворное житіе указываетъ, что св. Макарій родился въ Овручѣ Волынскомъ, годъ рожденія святого пріурочивается въ печатномъ къ году введенія Брестской уніи (1596), а стихотворное объ этомъ совершенно умалчиваетъ. Въ отношеніи года рожденія св. Макарія предположительно можно назвать указанную дату вѣрной и

---

[1]) Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. 1870 г., т. 2, отд. 2, стр. 67.

невѣрной. Все здѣсь зависить отъ степени довѣрія къ источникамъ печатнаго житія. Въ опредѣленіи же мѣста рожденія, кажется, имѣло значеніе не только устное преданіе, но и долгое пребываніе св. Макарія настоятелемъ Овруцкаго монастыря. На самомъ же дѣлѣ, первоначальные монашескіе подвиги св. Макарія протекали не на Волыни, а въ Литвѣ.

Въ печатномъ житіи разсказывается, что посвященіе въ иноки св. Макарій получилъ во Владимірѣ Волынскомъ, въ «тамошнемъ Овруцкомъ монастырѣ». Въ этомъ видна явная топографическая несообразность. Такой несообразности стихотворное житіе избѣгаетъ, упоминая только о томъ, что монашеское посвященіе св. Макарій получилъ во Владимірѣ Волынскомъ, безъ указанія, въ какомъ именно монастырѣ. Это темное преданіе о мѣстѣ иноческаго посвященія св. Макарія въ печатномъ житіи связано съ именемъ митрополита Іосифа Нелюбовича-Тукальскаго. Конечно, это лицо не было еще тогда митрополитомъ, но указаніе на какого-то Іосифа изъ Владиміра Волынскаго можетъ до нѣкоторой степени имѣть свое значеніе, пока еще не совсѣмъ понятное. Извѣстно, что въ 1620 году Ѳеофаномъ, патріархомъ іерусалимскимъ, былъ посвященъ во епископа владиміро-волынскаго Іосифъ (Іезекіиль) Курцевичъ. До своего посвященія онъ занималъ мѣсто игумена въ знаменитомъ козацкомъ Трехтеміровровскомъ монастырѣ. Трудныя обстоятельства времени едва ли дали ему возможность жить въ самомъ Владимірѣ Волынскомъ, но до 1623 года онъ могъ все еще оставаться въ томъ же монастырѣ, гдѣ раньше былъ игуменомъ [1]).

Всѣ житія согласно говорятъ, что родовая фамилія св. Макарія была «Токаревскій». Съ этой стороны заслуживаетъ полнаго вниманія извѣстіе автора «Тератургимы» Аѳанасія Кальнофойскаго, что фамиліи Тукальскихъ и Токаревскихъ принадлежатъ Брестскому воеводству въ Литовской землѣ. Такъ, по его указанію, Димитрій Тукальскій похоронилъ своихъ дѣтей въ

---

[1]) Чистовичъ. Очеркъ Исторіи западно-русской церкви. Т. II, стр. 283.

склепѣ при церкви Купятицкаго монастыря, а какая-то Марина Токаревская-Піотровская получила исцѣленіе у образа Купятицкой Божіей Матери и часто потомъ навѣщала монастырь для богомолья [1]). Извѣстно также, что самый монастырь Купятицкой, въ Пинскомъ повѣтѣ, образовался въ 1629 году изъ иноковъ Виленскаго С. Духова монастыря и первымъ его игуменомъ былъ Иларіонъ Денисовичъ, постриженникъ того же Виленскаго монастыря. Разумѣется, что въ тридцатыхъ годахъ XVII в., когда уже здѣсь собралось довольное число братіи, поступали въ монастырь не одни только виленскіе иноки. Но, все же, весьма вѣроятно, что и Макарій Токаревскій, извѣстный съ 1637 года какъ инокъ Купятицкаго монастыря, получилъ свое иноческое посвященіе именно въ Виленскомъ монастырѣ отъ его знаменитаго игумена, Іосифа Бобриковича. Онъ же посвятилъ его и въ іеромонахи, когда самъ сталъ епископомъ Могилевскимъ (1633). При такомъ предположеніи, вполнѣ оправдывается имя лица, посвятившаго Макарія, хотя при семъ не можетъ быть оправдано въ житіи самое мѣсто посвященія—Владиміръ-Волынскій. Другой современникъ св. Макарія и постриженникъ Виленскаго монастыря, знаменитый Аѳанасій Филипповичъ, послѣ своего посвященія (въ 1627 г.), ушелъ сначала въ Оршанскій Кутеинскій монастырь, но оттуда скоро вернулся и поступилъ въ число братіи Купятицкаго монастыря (См. его «Діаріушъ»).

Въ этомъ же Купятицкомъ монастырѣ св. Макарій могъ впервые познакомиться съ Іосифомъ Нелюбовичемъ Тукальскимъ.

Въ записи на книгѣ «Бесѣдъ» св. Макарій не напрасно отмѣтилъ свое игуменство въ монастырѣ Купятицкомъ. Отсюда именно началось его возвышеніе изъ простого инока въ настоятельскія должности въ разныхъ монастыряхъ. Важнымъ источникомъ для жизни св. Макарія въ этотъ ранній періодъ является «Діаріушъ» св. Афанасія Филипповича, извѣстнаго стра-

---

[1]) A. Kolnofoyski. Parergon cudow swętych obraza przeczystey Bogorodzice w monastyru Kupiatickim. 1638, rozdział VIII et IX, cud piąty.

дальца за вѣру отъ уніатовъ. Въ немъ онъ разсказываетъ, что при первомъ игуменѣ Купятицкаго монастыря, Иларіонѣ Денисовичѣ, Макарій Токаревскій пользовался среди братіи уже довольно высокой репутаціей и ему именно было поручено отвезти въ маѣ 1637 г. въ Кіевъ, къ митрополиту Петру Могилѣ, собранную въ Пинскомъ Полѣсьѣ милостыню, которая предназначалась на возстановленіе Кіевскаго Софійскаго собора. Петръ Могила принялъ его очень милостиво и совѣтовалъ заняться сборомъ подаяній на поправку ветхой Купятицкой церкви и для этой цѣли далъ свой благословенный листъ. Дѣло это пришлось взять на себя Аѳанасію Филипповичу, что онъ и выполнилъ съ великими трудностями и не безъ успѣха [1]). Въ томъ же году Макарій Токаревскій, обратившій на себя вниманіе мотрополита, былъ поставленъ въ игумена вновь основаннаго при церкви Воскресенія Христова братскаго монастыря въ Каменцѣ-Литовскомъ. Въ Митрополичьемъ фундушѣ прямо было сказано, что Каменецкій монастырь долженъ зависѣть отъ монастыря Купятницкаго и отъ митрополита кіевскаго [2]). Пробылъ здѣсь Макарій Токаревскій около 3 лѣтъ. Въ 1640 году онъ опять уже былъ въ Купятицкомъ монастырѣ. Въ этомъ же году монахи Брестскаго Симонова монастыря просили Купят. игумена назначить имъ въ настоятели либо Макарія Токаревскаго, либо Аѳанасія Филипповича. Купятицкій игуменъ, по совѣщаніи съ братіей, призналъ болѣе удобнымъ отправить въ Брестъ священника Климента Несвѣцкаго, «а насъ обоихъ, какъ говоритъ Филипповичъ, охоронялъ на тотъ часъ, якъ бы въ Купятичахъ потребныхъ». Посланецъ Брестскаго монастыря не пожелалъ принять о. Климента. Тогда купятицкій игуменъ съ братіей рѣшили кинуть жребій между о. Макаріемъ Токаревскимъ и Аѳанасіемъ Филипповичемъ, кому изъ нихъ ѣхать въ Брестъ. Жребій палъ на Филипповича, и онъ поѣхалъ къ мѣсту своего назначенія [3]).

---

[1]) Русск. Ист. Библіотека, т. IV, стр. 52.

[2]) Акты Виленской Археогр. Ком. т. III, 39.

[3]) Русск. Ист. Библ. IV, стр. 62—63.

Въ сороковыхъ годахъ XVII в. Макарій Токаревскій, повидимому, долженъ былъ самъ стать игуменомъ или Купятицкимъ, или Пинскимъ. Для опредѣленія даты его настоятельства въ Купятичахъ и въ Пинскѣ нужно принять во вниманіе то, что въ 1646 году игуменомъ Купятицкимъ былъ Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій, какъ видно изъ жалобы, поданной на него іеромонахомъ Палемономъ Боцевичемъ за учиненное надъ нимъ насиліе [1]. Изъ этого же дѣла видно, что Тукальскій былъ игуменомъ Купятицкимъ и въ 1645 г. Не имѣя данныхъ, не можемъ сдѣлать предположенія, что Макарій былъ игуменомъ въ Купятичахъ до Іосифа, по смерти Иларіона Денисовича. Съ другой стороны, невозможно допустить, чтобы такой ревностный поборникъ православія, какимъ былъ Макарій, оставался въ Купятичахъ только простымъ рядовымъ монахомъ, если мы знаемъ, что его сильно желало имѣть своимъ игуменомъ Брестское братство. Вѣрнѣе поэтому будетъ предположеніе, что уже въ самомъ началѣ 40-хъ годовъ онъ былъ поставленъ куда либо игуменомъ, и фактическое этому подтвержденіе можно видѣть въ слѣдующемъ. Въ 1647 г. ректоръ пинской іезуитской коллегіи явился съ понятыми къ игумену Пинскаго братскаго Богоявленскаго монастыря Макарію и предъявилъ ему королевскій листъ, предоставлявшій только коллегіи право преподавать польскій и другіе языки. На эту претензію игуменъ отвѣтилъ ректору-іезуиту: «въ монастырѣ нашемъ только по-русску обучаются, по-польску и латинску не мамы жадней школы», и что въ школу часто поступаютъ мальчики, уже знающіе польскій языкъ [2]. Упомянутый здѣсь игуменъ есть Макарій Токаревскій, котораго было вполнѣ естественно Пинскому братству пригласить къ себѣ въ настоятели братскаго монастыря, какъ человѣка, вполнѣ преданнаго православію и благочестиваго. По свидѣтельству А. Филипповича, еще во времена игуменства въ Купятичахъ И. Денисовича онъ именовался игу-

---

[1]) Акты Виленской Археогр. Ком. т. III, стр. 49.

[2]) Виленскій календарь 1897 г., стр. 194. прим.; ст. А. Миловидова, Пинскій Богоявленскій монастырь.

меномъ «Пинскимъ и Купятицкимъ [1]). Возможно, что еще тогда была какая-то филіальная связь между Пинскимъ Богоявленскимъ монастыремъ и игуменомъ Купятицкимъ. Въ игуменство Іосифа Нелюбовича-Тукальскаго эта связь могла не прерываться, даже при существованіи въ Пинскомъ Богоявленскомъ монастырѣ особаго игумена, т. е. Макарія Токаревскаго. Не здѣсь ли скрывается причина того, что преданіе соединяетъ имена обоихъ пинскихъ дѣятелей въ отношеніяхъ духовной зависимости Макарія отъ Іосифа? Тѣмъ не менѣе такая зависимость не мѣшала проявлять игумену самостоятельность въ предѣлахъ его личной дѣятельности.

IV.

Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій оставался въ Купятичахъ игуменомъ до 1654 года, когда онъ сдѣлался старшимъ Виленскаго С. Духовскаго монастыря [2]). Оба житія: печатное и рукописное предполагаютъ, что лѣтъ за 25 до своей кончины св. Макарій поставленъ въ архимандриты Овруцкаго монастыря, т. е. при вѣрномъ указаніи даты его смерти, это должно было случиться въ 1652—3 годахъ. На самомъ дѣлѣ и такое предположеніе едвали вѣрно: въ это время, и даже до самаго конца 50-хъ годовъ, Макарій Токаревскій не былъ архимандритомъ Овруцкимъ [3]). Въ

---

[1]) Русск. Ист. Библ. т. IV, стр. 52.

[2]) Чистовичъ. Очеркъ Исторіи западно-русской церкви т. II, стр. 157.

[3]) Это категорическое утвержденіе почтеннато автора должно быть ослаблено въ виду слѣдующаго документа: 15 марта 1650 г. игуменъ Луцкаго Братскаго монастыря Александръ Мокосій-Дениско занесъ въ луцкомъ гродѣ протестацію слѣдующаго содержанія: дошла-де до него вѣдомость, что 13 янв. 1650 г. въ Варшавѣ выданъ «якыйсь привилій на архимандритство Овруцкое, велебному его милости отцу Макарому Токаревскому, игуменови Пинскому служачий». Дениско сведчится de nullitate оного привилія, а то съ тыхъ рацій: ижъ той привилей упрошенъ Токаревскимъ якобы по уступленю libere

1652 году архимандритомъ этого монастыря былъ Александръ Мокосѣй-Дениско, получившій было еще въ 1650 году королевскую привилегію на Жидичинскую архимандрію, но въ 1652 году король Янъ-Казиміръ отнялъ у него право на Жидичинскій монастырь и отдалъ его Наѳанаилу Лозовскому [1]). Вскорѣ послѣ этого архимандрію Овруцкую занимаетъ другое лицо. На Переяславской радѣ, въ февралѣ 1658 года, въ числѣ духовныхъ лицъ, здѣсь присутствовавшихъ, упоминается Ѳеофанъ Креховецкій, архимандритъ Овруцкій, и дано ему государева жалованья отъ посла государева, окольничаго Б. М. Хитрово, «двѣ пары по четыре рубли, да пара въ 3 рубли изъ запасныхъ соболей» [2]) Этотъ же самый архимандритъ, съ титуломъ Овруцкій, присутствовалъ въ слѣдующемъ (1659) году на открытіи мощей пр. Іова Почаевскаго вмѣстѣ съ м. Діонисіемъ Болабаномъ [3]).

Долго ли удерживалъ за собой Ѳеофанъ Креховецкій Овруцкую архимандрію, сказать не можемъ, только онъ опять является на этомъ же самомъ урядѣ въ 1678 году. Съ титуломъ Овруцкаго архимандрита онъ прибылъ въ Слуцкъ на похороны Могилевскаго епископа Ѳеодосія Василевича, котораго хоронилъ

черезъ протестанта", чего на дѣлѣ никогда не было „и не есть, жебы его милость (жалобщикъ) мѣлъ тую архимандрію уступати", слѣдовательно, привилей, выданный Токаревскому 13 янв., «ad male narrata, есть отриманый мимо першое право и привилей его корол. милости», данное жалобщику, каковое право косвенно подтверждено и другимъ привилеемъ, на архимандрію Жидичинскую даннымъ, съ оставленіемъ его при Овруцкой архимандріи (Акт. книга Кіев. Центр. Архива, № 2492, листъ 801 обор. Такимъ образомъ изъ этого документа видно, что въ январѣ 1650 г. Макарій Токаревскій несомнѣнно получилъ корол. грамоту на Овруцкую архимандрію, но воспользовался ли онъ фактически этимъ правомъ въ виду протеста Мокосія-Дениска—не извѣстно; но титулъ Овруцкаго архимандрита, какъ видно изъ послѣдующаго, онъ носилъ и въ 1670-хъ годахъ. *Ред.*

[1]) Труды Кіев. Дух. Акад. 1870 г. т. III, стр. 401. 403.

[2]) Акты Ю. и З. Россіи, т. IV, № 58.

[3]) Н. Батюшковъ. Волынь. СПБ. 1884, стр. 191—192.

Лигариди, 28 октября 1678 г. [1]). По смерти Василевича, онъ перешелъ на Слуцкую архимандрію, и, вѣроятно, предвидя, что монастыремъ завладѣютъ уніаты, (какъ это и случилось), увезъ съ собою въ Кіевъ монастырское серебро и передалъ на храненіе въ Печерскій монастырь, а своимъ преемникомъ поставилъ Иннокентія Монастырскаго. Однако, этому новому архимандриту пришлось бѣжать отъ преслѣдованій уніата Сильвестра Тваровскаго, назначеннаго настоятелемъ въ тотъ же Овруцкій монастырь, по королевскому диплому [2]). Такимъ образомъ, до 60-хъ годовъ XVII в. Макарій Токаревскій не могъ быть Овруцкимъ архимандритомъ.

Всего вѣроятнѣе предполагать, что, по удаленіи Іосифа Нелюбовича-Тукальскаго въ Виленскій братскій монастырь, въ 1654 году, Купятицкимъ игуменомъ сталъ Макарій Токаревскій, соединяя въ своемъ лицѣ и управленіе Пинскимъ монастыремъ, ибо странно было бы видѣть въ записи самого Макарія титулъ игумена Купятицкаго, еслибы онъ не былъ имъ на самомъ дѣлѣ. При немъ совершилось перенесеніе чудотворной Купятицкой иконы въ Кіевъ въ 1655 году. Почему рѣшились лишить Купятицкій монастырь его великой святыни, объяснять можно различно: тутъ было на лицо и опасеніе со стороны уніатовъ, и опасности русско-польской войны, хотя, пока велась эта война съ успѣхомъ для русскаго оружія, монахи купятицкіе могли разсчитывать на покровительство со стороны козаковъ. Этою защитою пользовался Іосифъ Тукальскій. Какъ бы то ни было, фактъ перенесенія самой иконы еще не означалъ оставленія православными самаго монастыря, иначе ему грозила опасность тогда попасть въ руки уніатовъ, которые не столько желали бы завладѣть его зданіями, сколько фундушами земельными. Въ огражденіе такихъ покушеній, 50 лѣтъ спустя, въ 1702 году, внукъ фундаторки монастыря Купятицкаго, Аполлоніи Воловичевой-Вой-

---

1) Соч. Св. Димитрія Ростовскаго т. I, стр. 463—464.

2) Архивъ Юго-Запад. Россіи, ч. I, т. IV, № VIII, № XXVI и XXXII.

нинои, Казимиръ Война, судья земскій въ Пинскомъ повѣтѣ, считаетъ нужнымъ подтвердить первоначальную фундацію своей бабки, всего на шесть влокъ усадебной и пашенной земли, «сохраняя за собою и за наслѣдниками своими коляторство надъ монастыремъ». Монастырь въ то время былъ подъ опекою Виленскаго Св. Духовскаго, но имѣлъ особаго игумена—Головковича [1]).

V.

Стихотворное житіе св. Макарія, титулуя его игуменомъ Пинскимъ, приписываетъ ему званіе намѣстника Митрополичьяго для Смоленской епархіи. Возможно ли это признать, при умолчаніи объ этомъ самого Макарія? Намъ кажется, что здѣсь сообщается заслуживающій довѣрія фактъ. Среди другихъ православныхъ епархій литовско-польскаго государства, Смоленская, послѣ завоеванія Смоленска поляками (1611 г.), испытала особенно печальную участь. Какъ только король Сигизмундъ III убѣдился, что Смоленскъ останется за нимъ, онъ рѣшилъ православную епархію завоеваннаго края превратить исключительно въ епархію уніатскую, чтобы даже и слѣдовъ православія въ ней не осталось. Въ 1625 году учреждается въ Смоленскѣ уніатская епархія и назначается сюда ревностный поборникъ уніи Левъ Кревза. Этотъ епископъ вполнѣ оправдалъ оказанное ему довѣріе, и къ концу его жизни (1639 г.) въ Смоленскѣ не осталось ни одной православной церкви: масса православныхъ церквей была обращена въ уніатскія на всемъ пространствѣ Смоленской епархіи. Его преемникъ, Андрей Квашнинъ-Золотой, давшій клятву не оставить въ своей епархіи ни одного схизматика, былъ вѣренъ своему слову: его фанатизму только и равнялась ревность знаменитаго Іосафата Кунцевича [2]). Извѣстный уніатскій холмскій

---

[1]) Акты Вил. Арх. Ком. т. VIII, № 77.

[2]) Чистовичъ. Очеркъ исторіи Западно-русской церкви. Т. 2, стр. 401—402.

епископъ Яковъ Суша, отмѣчая успѣхи уніи при м. Вельяминѣ-Рутскомъ, такъ говоритъ о нихъ по отношенію къ Смоленску: «Архіепископство Смоленское, сопредѣльное съ Полоцкимъ, отданное уніатамъ Сигизмундомъ III вмѣстѣ съ княжествомъ Сѣверскимъ, послѣ мученичества блаженнаго Іосафата, имѣетъ болѣе шестисотъ уніатскихъ священниковъ, и даже въ самомъ Смоленскѣ нѣтъ схизматиковъ». «Левъ Кревза, по своемъ вступленіи въ Смоленскую епископію, всѣхъ подвинулъ къ послушанію св. уніи и былъ такъ счастливъ, что во всей его епархіи—nullus schismaticus compareret» [1]).

Что же предпринимали православные противъ столь неистовой латино-уніатской пропаганды? М. Кіевскій Іовъ Борецкій, вѣдѣнію котораго стала подлежать Смоленская епархія въ 1625 г., переименовалъ Черниговскаго епископа Исаію Копинскаго въ епископа Смоленскаго, поручивъ ему завѣдываніе дѣлами этой епархіи. Этотъ пастырь, человѣкъ благочестивый, изъ боязни поляковъ не могъ ни разу посѣтить свою епархію, проживая все время то въ Ладинскомъ, то въ Густынскомъ монастыряхъ. Въ 1630 году онъ посвященъ въ митрополита кіевскаго, а завѣдываніе дѣлами Смоленской епархіи имъ было поручено пинскому епископу Авраамію Стагонскому, который съ титуломъ епископа смоленскаго присутствовалъ во Львовѣ на посвященіи въ митрополиты Петра Могилы. Ему тоже не удалось побывать въ своей епархіи и сдѣлать для нея что-либо въ интересахъ православія. Даже тогда, когда во епископа мстиславскаго и витебскаго былъ посвященъ Сильвестръ Коссовъ (1637 г.), то и этотъ ближайшій къ Смоленску пастырь, всецѣло занятый дѣлами своей епархіи, не удѣлялъ своего вниманія сосѣдней. Мы не знаемъ, пытался ли что-либо сдѣлать для православныхъ смолянъ самъ знаменитый Петръ Могила, но едва ли можно сомнѣваться, чтобы онъ оставилъ Смоленскъ безъ всякаго попеченія. Въ Смоленской епархіи сохранились антимисы, имъ освященные для церквей этой епархіи.

---

[1]) Крачковскій. Очерки уніатской церкви. Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Рос. 1871 г. кн. 1, 143—144.

Очевидно, что какъ ни трудно было сообщаться православнымъ смолянамъ съ своимъ архипастыремъ, но все же это было возможно. Самъ митрополитъ, объѣзжая свою митрополію, былъ въ 1637 году въ Оршѣ и Могилевѣ, но въ Смоленскъ явиться не рѣшился. Жалкій остатокъ православныхъ церквей Смоленской епархіи, однако, требовалъ его пастырскихъ попеченій. Понятно, что, въ виду особыхъ обстоятельствъ Смоленской епархіи, митрополитъ кіевскій долженъ былъ такъ или иначе это устроить. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что имъ назначается для Смоленска особый намѣстникъ, подобно тому, какъ въ Люблинѣ былъ назначенъ, ради поддержанія тамъ православія, намѣстникомъ митрополита іеромонахъ Ѳеофилъ, исполнявшій разныя порученія Петра Могилы. Въ Слуцкѣ для Литвы былъ тоже особый намѣстникъ[1]). Обязанности его состояли въ томъ, что властію митрополита онъ имѣлъ право дѣлать нужныя распоряженія, клонящіяся къ лучшему благоустройству и поддержкѣ дѣла православія. Макарій Токаревскій могъ быть назначенъ такимъ намѣстникомъ митрополита для Смоленской епархіи въ 40-хъ годахъ XVII в., когда онъ состоялъ игуменомомъ пинскимъ. При такомъ назначеніи, митрополитъ кіевскій могъ имѣть въ виду не столько близость Пинска отъ Смоленска, сколько личныя качества назначаемаго лица, извѣстнаго своею твердостію въ православіи, благочестіемъ и благоразуміемъ.—Всѣ эти качества нельзя отрицать въ св. Макаріи. Возможно, что и онъ, при тяжелыхъ условіяхъ тогдашняго времени, постоянно угрожаемый отъ уніатовъ и у себя дома, не много могъ сдѣлать для Смоленскихъ православныхъ.

При полномъ отсутствіи свѣдѣній о его дѣятельности въ качествѣ митрополичьяго намѣстника для Смоленской епархіи, всякія сужденія по этому вопросу были бы рискованными.

---

[1]) Голубевъ. М. Петръ Могила, т. II, стр. 487.

VI.

Андрей Квашнинъ-Золотой, тотъ самый смоленскій епископъ, который обнаружилъ въ Смоленскѣ свой крайній фанатизмъ и преданность къ уніи, предъ занятіемъ Смоленска московскими войсками, въ 1654 г., бѣжалъ въ Литву и получилъ въ управленіе Пинскую епископію. Но здѣсь ему не посчастливилось. Подъ защитою козаковъ, Іосифъ Тукальскій овладѣлъ пинскимъ каѳедральнымъ соборомъ, выгналъ «отца Золотого», уніатскаго епископа, и возвратилъ благочестивымъ много другихъ церквей, городскихъ и сельскихъ, въ которыхъ уже нѣсколько лѣтъ распоряжались уніаты[1]). Но съ удаленіемъ козаковъ уніаты опять начали отнимать у православныхъ церкви. Православные обратились къ королю съ жалобой, вслѣдствіе которой король Янъ Казиміръ, въ 1661 г. 18 іюня, выдалъ имъ заручный листъ, съ запрещеніемъ уніатскому пинскому епископу Андрею Золотому самовольно забирать церкви православныя и принуждать православныхъ къ уніи[2]). Безъ сомнѣнія, что въ этой успѣшной борьбѣ православныхъ съ уніатами принималъ дѣятельное участіе Макарій Токаревскій, игуменъ Купятицкій послѣ Тукальскаго. Теперь ему пришлось бороться лично съ тѣмъ самымъ врагомъ, о которомъ смоленскіе православные не могли вспомнить безъ чувства ужаса и негодованія.

Тяжелыя и трудныя обстоятельства, среди которыхъ приходилось жить св. Макарію въ Пинскѣ, вѣроятно, не разъ вызывали у него желаніе перебраться отсюда въ лучшій и болѣе спокойный монастырь. Онъ и имѣлъ на это право, какъ человѣкъ,

---

[1]) Позднѣе, въ 1674 году, уніаты жаловались на судѣ, что шляхта пинскаго повѣта, приставъ къ козацкому атаману Ивану Лихому, принуждала уніатскихъ священниковъ, «жебы послушными были отцови Іосифови Тукальскому, который подъ часъ ребеліи козацкой забралъ всѣ церкви и добра епископіи пинской и туровской за поданемъ вышепоименованнаго Лихого Ивана» (Вил. Арх. Сб. VI, 230.).

[2]) Вил. Археогр. Сбор. VI, стр. 242, 277.

самымъ дѣломъ доказавшій свою стойкость и беззавѣтную преданность дѣлу православія. Житія св. Макарія говорятъ намъ, что ему пришлось потерпѣть не мало гоненій и непріятностей отъ латинянъ и уніатовъ и, хотя, по ихъ разсказу, это относится къ пребыванію св. Макарія въ Овруцкомъ монастырѣ, но мы уже видѣли, что еще въ 1647 году Макарій подвергался серьезной непріятности со стороны іезуитовъ. Подобныя преслѣдованія и непріятности могли происходить неоднократно и въ послѣдующее время, благодаря ихъ безнаказанности. Кромѣ того, игуменъ Макарій въ то время былъ уже очень виднымъ представителемъ православнаго монашества, вполнѣ заслуживавшимъ того, чтобы выдвинуть его на болѣе значительный постъ.

Лазарь Барановичъ, архіепископъ черниговскій, бывшій, по смерти митрополита кіевскаго Сильвестра Коссова, нѣсколько разъ мѣстоблюстителемъ митрополіи, оставилъ намъ два любопытныхъ письма, касающихся личности св. Макарія. Одно изъ нихъ адресовано самому Макарію, а другое къ гетману малороссійскому Дорошенку, а относятся они оба къ 1671 году. Въ первомъ письмѣ, очевидно, отвѣчая на просьбу св. Макарія пристроить его въ какомъ либо монастырѣ лѣвобережной Украйны, Барановичъ писалъ: «весьма соболѣзную о томъ приключеніи, котораго вы и отклонить не могли. Въ этой скорби ищите утѣшенія въ одномъ Богѣ, Который кого любитъ, того и наказываетъ. Вы находитесь, какъ роза между шипами: она растетъ между ними, а они ей ничуть не вредятъ. Будете еще долго процвѣтать въ церкви Божіей, какъ въ вертоградѣ, доколѣ не достигнете небеснаго.... Крѣпко хотѣлось мнѣ жить по-пріятельски у Всемилостиваго Спаса (въ Новгородъ-Сѣверскомъ монастырѣ), или гдѣ бы вамъ понравилось; но теперь этихъ лыкъ не дерутъ; прежде гораздо было удобнѣе отыскать себѣ мѣсто, чѣмъ теперь. Въ настоящее время и сами ѣдимъ хлѣбъ въ изнуреніи, но готовы съ вами подѣлиться тѣмъ же, потому что другого нигдѣ нѣтъ, развѣ только тамъ, гдѣ ни болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе». Второе письмо, къ гетману правобережной Украйны, Дорошенку, было рекомендательное для св. Макарія. Барановичъ писалъ: «его милость отецъ архимандритъ

овруцкій, будучи не въ состояніи покойно жить въ своей архимандріи, ограбленный ордами и ляхами, лишенный служителей, которые умерщвлены, между тѣмъ какъ имѣнія забраны, отправился на поклоненіе св. мѣстамъ кіевскимъ. Будучи постриженцемъ моимъ, онъ посѣтилъ меня, какъ сынъ отца, и разсказалъ мнѣ о своихъ бѣдствіяхъ. Благоволите, вельможность ваша, милостиво принять его, какъ человѣка достойнаго и заслуженнаго въ церкви Божіей; выслушайте его съ довѣріемъ, какъ вполнѣ стоющаго вѣры [1]). Изъ этихъ писемъ ясно, что св. Макарій удалился изъ Овруцкаго монастыря въ 1671 году. Но сколько же лѣтъ онъ тамъ пробылъ? Его житія указываютъ цѣлыхъ шестнадцать. Эта цифра представляется вполнѣ невѣроятной: въ 1659 году архимандритомъ Овруцкимъ былъ еще Ѳеофанъ Креховецкій. Въ рѣшеніи этого вопроса имѣетъ важное значеніе выраженіе письма Барановича, что св. Макарій былъ его «постриженцемъ». Какъ справедливо полагаетъ преосвященный Филаретъ Черниговскій, это выраженіе нужно понимать въ томъ смыслѣ, что св. Макарій былъ поставленъ Барановичемъ въ санъ архимандрита Овруцкаго [2]). Могло же это случиться въ то время, когда А. Барановичъ былъ мѣстоблюстителемъ кіевской митрополіи съ октября 1659 года до августа 1661 года. Хотя въ то же самое время на правой сторонѣ Днѣпра былъ особый митрополитъ—Діонисій Балабанъ, проживавшій въ Слуцкѣ, но здѣсь нѣтъ препятствій къ признанію указаннаго факта. Въ Слуцкѣ могли хорошо знать Пинскаго дѣятеля, а быть можетъ, и посвященіе Макарія Токаревскаго въ архимандрита Овруцкаго совершилось не безъ согласія м. Діонисія Балабана. Куда ушелъ тогда Овруцкій архимандритъ Ѳеофанъ Креховецкій, не знаемъ. Какъ человѣкъ приближенный къ м. Діонисію Балабану, онъ могъ легко получить себѣ въ управленіе хорошій монастырь на Литвѣ, а въ одномъ документѣ 1657 году Ѳеофанъ Креховецкій названъ «архимандритомъ Новогрудка литовскаго» [3]). Такимъ образомъ архимандритство св. Макарія въ

[1]) Арх. Филаретъ Черниговскій. Житія святыхъ. Изд. 2-е. Сент. стр. 46—47.

[2]) Тамъ же. Стр. 284, прим. 49.

[3]) Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. 2, т. 1, стр. 348.

Овруцкомъ монастырѣ началось не ранѣе 1660 года и продолжалось до 1671 года.

Причины, заставившія св. Макарія покинуть Овруцкій монастырь, ясны изъ писемъ Барановича. Въ рукописномъ стихотворномъ житіи св. Макарія не упоминается о разореніи обители Овруцкой отъ татаръ, а говорится только о гоненіяхъ отъ латинянъ.

Елика отъ поляковъ пострада навѣта,
Яко и изгнаніе принужденъ терпѣти
Своей ради вѣры, и въ Печерской жити
Лаврѣ, гдѣ онъ поживе точію два года,
Отъ латиновъ избѣгшій, злоковарна рода.

Едва ли можно сомнѣваться, что у Лазаря Барановича, писавшаго со словъ самаго св. Макарія, дѣло представлено точнѣе, и что обитель была разорена въ то время и татарами. Печатное житіе архіепископа Гедеона въ этомъ отношеніи согласно съ стихотворнымъ, приписывая окончательное разореніе обители латино-уніатамъ; вмѣстѣ съ этимъ оно же упоминаетъ о болѣе раннемъ нашествіи на обитель татарскихъ полчищъ. При семъ разсказывается о чудесномъ избавленіи обители по молитвамъ преподобнаго Макарія (Житіе, стр. 7—10).

VII.

Житія согласно передаютъ, что, по удаленіи изъ Овруча, св. Макарій два года прожилъ въ Кіево-Печерской Лаврѣ, пока не поступилъ игуменомъ въ Каневскій Успенскій монастырь, гдѣ прожилъ десять лѣтъ до своей кончины. Оба эти сообщенія не точны, а относительно перваго преосвященный Филаретъ Черниговскій замѣчаетъ, что «оно невѣроятно по заботливости о св. Макаріи преосвященнаго Лазаря» [1]).

---

[1]) Филаретъ. Житія святыхъ. 2 изд. сентябрь, стр. 284, прим. 50.

На самомъ дѣлѣ, указанное извѣстіе не только не невѣроятно, но должно быть расширено въ отношеніи срока, по крайней мѣрѣ еще на одинъ или два года, т. е. что св. Макарій сталъ игуменомъ Каневскаго монастыря не въ 1673 году, а въ 1674—5. Поэтому и пребываніе св. Макарія въ Каневѣ продолжалось не 10 лѣтъ, а всего года три—четыре. Въ подтвержденіе этого можно указать на то, что съ 1668 до 1674 г. игуменомъ Каневскаго монастыря состоялъ Іеронимъ Дубина. Онъ игралъ немаловажную роль при м. Іосифѣ Тукальскомъ и гетманѣ Дорошенкѣ, будучи ихъ духовникомъ и принимая дѣятельное участіе въ политическихъ дѣлахъ того времени. Такъ, еще до глуховской рады 1668 г. игуменъ Каневскій Іеронимъ Дубина и самъ митрополитъ Іосифъ Нелюбовичъ Тукальскій убѣждали переяславскаго полковника Димитряшку Райча не оставлять Дорошенка и не переходить на сторону Многогрѣшнаго. Въ тоже самое время этотъ игуменъ является политическимъ агентомъ московскаго правительства и сообщаетъ ему разныя вѣсти. Еще большую преданность московскому правительству показалъ онъ во время похода князя Ромодановскаго и гетмана Самойловича противъ Дорошенка въ 1674. 9 февраля этого года московскимъ войскамъ сдался Каневъ, изъ котораго заблаговременно (1 февраля) бѣжалъ въ Чигиринъ м. Іосифъ Тукальскій. Игуменъ же Каневскаго монастыря Іеронимъ Дубина, «не пользуясь расположеніемъ Дорошенка и Тукальскаго, былъ «зѣло любовенъ» къ великороссіянамъ и сообщалъ имъ получаемыя отъ полковниковъ вѣсти о движеніи непріятельскихъ войскъ» [1]).

Трудно сказать, кто же назначилъ игуменомъ Каневскимъ св. Макарія: митрополитъ ли Іосифъ Тукальскій, умершій 26 іюля 1675 года, или же Лазарь Барановичъ, ставшій, по смерти Тукальскаго, администраторомъ Кіевской митрополіи? Въ житіяхъ на этотъ счетъ вкралась какая-то несообразность, на которую

---

[1]) В. О. Эйнгорнъ. О сношеніяхъ малороссійскаго духовенства съ Московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. М. 1899, стр. 626, 690, 956.

обратилъ вниманіе еще М. А. Максимовичъ. Стихотворное житіе такъ говоритъ.

Велѣніемъ въ то время Михаила царя,
Ему митрополита Каневъ монастыря
Вручи архимандрію Кипріянъ бѣ званъній,
Малороссіи всея Богомъ дарованный.

Печатное житіе полагаетъ, что это случилось въ царствованіе царя московскаго Михаила Ѳеодоровича и при митрополитѣ Кипріанѣ (стр. 10). Преосвященный Филаретъ, желая оправдать имя митрополита Кипріана въ житіи св. Макарія, дѣлаетъ предположеніе: «не былъ ли это какой-либо заграничный архипастырь, пребывавшій въ Украйнѣ и принимавшій участіе въ судьбѣ Макарія» [1])?

Намъ кажется, что отмѣченную несообразность можно объяснить только тѣмъ, что авторъ первоначальнаго рукописнаго житія св. Макарія, собирая устныя преданія о жизни преподобнаго, не особенно былъ разборчивъ насчетъ источника своихъ свѣдѣній. Онъ могъ заимствовать ихъ и отъ базиліанъ, которые поселились въ Каневѣ около 1690 года. Они, конечно, могли ввести въ заблужденіе (съ ихъ стороны вполнѣ понятное) первоначальнаго жизнеописателя преп. Макарія. Если базиліанамъ было извѣстно, что св. Макарій пробылъ въ Каневскомъ монастырѣ не болѣе 4—5 лѣтъ, то имъ было вполнѣ естественно сказать, что назначеніе игуменомъ Макарія случилось при благочестивомъ (уніатскомъ) митрополитѣ Кипріанѣ (Жоховскомъ), который вступилъ на митрополію въ 1674 г. и извѣстенъ своимъ крайнимъ фанатизмомъ († 1693). Что касается царя Михаила, то здѣсь разумѣлся король польскій Михаилъ Вишневецкій († 1673). Характерно, что каневскіе базиліане внесли имя св. Макарія въ свой помянникъ и правильно отмѣтили въ немъ годъ его кончины [2]). Зачѣмъ они это сдѣлали, трудно сказать: быть можетъ,

---

[1]) Филаретъ Житія святыхъ. 2 изд. сентябрь, стр. 284, прим. 50.
[2]) М. А. Максимовичъ. Собраніе сочиненій, т. I, стр. 533.

это была дань невольнаго уваженія къ христіанскому мученику, земное жилище котораго они заняли, или же тутъ преслѣдовались какія-либо миссіонерскія цѣли.

Вѣрную и трогательную картину изображаютъ оба житія, описывая осады Турками Каневскаго монастыря и обстоятельства мученической кончины св. Макарія. Описаніе этихъ событій въ житіяхъ какъ бы дополняетъ лѣтописное сказаніе о взятіи Канева турками малорусскаго лѣтописца Самуила Величка. По взятіи Канева, говоритъ онъ, турки и татары «множество народа въ немъ убивши, крайней предали руинѣ и запустѣнію. А особливе въ старинномъ и красномъ монастиру Каневскомъ, въ церковъ великую каменную много было людей каневскихъ, надѣючися въ ней отъ бѣды спастися, убѣгло и замкнулося, но турки церковь оную, около дровами и соломами доволно обложивше и сполне зо всѣмъ монастиремъ зажегше, всѣхъ людей въ церквѣ задушили. Наконецъ, отъ Канева во свояси повернувши, Черкасы, Корсунь, Стеблевъ, Суботовъ и прочіе гради и села украинскіе (людемъ изъ нихъ страха ради поутѣкавшимъ) огню и всеконечному и многоплачевному запустѣнію предаша. Тутъ повторе можно рещи слово, о Вавилонѣ великомъ негдись реченное: паде, паде Украина тогобочная малоросійская, ко́закорусская, зъ многими крѣпкими гради и весьми» [1]).

Стихотворное житіе въ общемъ рисуя ту же картину гибели народа въ подожженной церкви, даетъ еще такую подробность, что за двѣнадцать лѣтъ раньше преподобный Макарій предсказалъ разореніе Канева; въ печатномъ житіи говорится, что предсказаніе дано только за два года.

VIII.

Мученическая кончина преподобнаго Макарія сама по себѣ еще не была достаточнымъ мотивомъ къ его прославленію; вмѣстѣ

---

[1]) Лѣтопись С. Величка, II, 415.

съ Макаріемъ въ Каневскомъ храмѣ погибли также многіе другіе христіане. Оба житія разсказываютъ, что, чрезъ десять лѣтъ послѣ его кончины, православные, желая возобновить храмъ Каневскаго монастыря, нашли подъ жертвенникомъ тѣло преподобнаго Макарія совершенно нетлѣннымъ. Но, такъ какъ Каневскому монастырю въ то время уже угрожало занятіе уніатами, то рѣшили перенести мощи св. мученика въ Переяславль, 16 марта 1688 года, и поставили ихъ въ Воскресенскомъ храмѣ. Вскорѣ послѣ этого м. Варлаамъ Ясинскій сталъ хлопотать предъ патріархомъ московскимъ, чтобы ему назначили коадъютора, съ титуломъ епископа Переяславскаго и съ самостоятельнымъ управленіемъ въ предѣлахъ Переяславскаго полка. Изъ двухъ кандидатовъ, представленныхъ на эту каѳедру: Стефана Яворскаго и игумена Кіевскаго Михайловскаго монастыря Захаріи Корниловича, былъ избранъ послѣдній и посвященъ въ концѣ 1702 года [1]). Житія св. Макарія далѣе говорятъ, что Захарія Корниловичъ испросилъ позволеніе у Петра Великаго выстроить въ крѣпости переяславской, на развалинахъ нѣкогда бывшаго здѣсь храма каѳедральнаго, церковь во имя св. архангела Михаила [2]). По стихотворному житію, храмъ этотъ былъ освященъ и въ него были перенесены мощи пр. Макарія изъ Воскресенской церкви 14 августа 1711 года. Здѣсь авторъ почему-то, для оправданія своей даты, счелъ нужнымъ сдѣлать оговорку: «яко видимъ въ житіи», т. е. въ первоначальномъ источникѣ. Печатное житіе указываетъ другую дату освященія Михайловской церкви и перенесенія мощей: 8 ноября 1713 года.

Съ этого времени, можно думать, и началось торжественное прославленіе мощей преподобномученика Макарія, совершилась его канонизація. Преосвященный Захарія Корниловичъ, испрашивая у Петра В. позволеніе устроить Михайловскій храмъ, безъ сомнѣнія просилъ также и о торжественномъ перенесеніи мощей пр. Макарія въ этотъ храмъ. Само собою разумѣется, что для

---

1) М. Евгеній. Описаніе Кіево-Софійскаго собора, прилож. № 31.

2) Средства на его сооруженіе далъ гетманъ И. Мазепа.

послѣдняго дѣла нужно было испросить позволенія у духовной власти—мѣстоблюстителя патріаршаго престола—Стефана Яворскаго, который, самъ лично слышавъ еще въ Кіевѣ о кончинѣ и чудесахъ преподобнаго мученика, конечно, не могъ имѣть сомнѣній относительно его канонизаціи. Житія отмѣчають дальнѣйшее двойное перенесеніе препод. Макарія: изъ нихъ первое случилось по случаю пожара каменной Михайловской церкви, сгорѣвшей въ 1734 году. Мощи на время были поставлены въ трапезной церкви, а отсюда были перенесены епископомъ Никодимомъ Сребницкимъ въ отремонтированный каменный храмъ, по указанію стихотворнаго житія—13 мая 1750 г., а печатнаго—въ 1742 году. Послѣдній разъ онѣ были перенесены въ Вознесенскій монастырь 4 августа 1786 г., по случаю закрытія Михайловскаго монастыря. Тамъ онѣ стоятъ и доселѣ.

По обычной манерѣ всѣхъ житій, стихотворное и печатное житія препод. Макарія отмѣчають рядъ совершенныхъ имъ чудесъ. Характерно, что стихотворное житіе не указываетъ ни одного чуда, совершеннаго пр. Макаріемъ при жизни, но за то подробно разсказываетъ о его чудесахъ, совершившихся при его мощахъ съ 1742 года. Печатное житіе изъ этихъ послѣднихъ отмѣчаетъ только одно, но разсказываетъ о нѣсколькихъ, совершившихся до кончины пр. Макарія. Очевидно, что авторъ стихотворнаго житія обильно черпаетъ изъ монастырскихъ записей о чудесахъ преподобнаго и въ этомъ видитъ одну изъ существенныхъ задачъ своего прославленія угодника.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о литературныхъ достоинствахъ стихотворнаго житія. Составитель его проникнутъ былъ искреннимъ намѣреніемъ достойно прославить чтимаго малорусскимъ народомъ святого. Но въ исполненіи своего желанія онъ не соразмѣрилъ своихъ силъ и, поставивши своей задачей изложить житіе стихами, да еще съ акростихомъ, попалъ въ крайне тяжелыя для себя условія. Не говоря уже о томъ, что въ его произведеніи нѣтъ и признака поэзіи, самое искусство стихосложенія давалось ему съ великимъ трудомъ. Приходилось поэтому строить такіе стихи, которые иногда лишены даже смысла и стоятъ въ

полномъ противорѣчіи съ грамматикой и метрикой. Но таковъ былъ вѣкъ, и осуждать автора за его плохую версификацію значило бы примѣнять къ нему такую мѣру оцѣнки, о которой онъ самъ никогда не думалъ, да ему и на мысль не могло прійти, что его отдаленные потомки станутъ искать въ его произведеніи непремѣнно цвѣтовъ Музъ и Аполона.

Л. Я. Лавровскій.

IX.

Житіе и страданіе святаго преподобномученика Макарія, любопитному читателю стихотворнѣ сложенное ҂ахнѕ *года* [1]).

Златый сей класъ, Макарій, предъ Богомъ явися;
Даровъ цѣлебныхъ прійди всякій насладися,
Его любопитствуяй, гдѣ онъ есть рожденъній,
Во святыхъ обрѣтеся и здѣ положенный:
Благовѣрныхъ родителей, Токаревскій званъній,
Овручева бѣ мужъ сей, въ страсѣ воспитанъній,
Града, и егда прійде въ возрастъ совершенъній,
Огнемъ ко Богу любве зѣло раздеженъній,
Славу вѣка сего онъ умрети вмѣнивый,
По стопамъ Христовымъ нищъ ходити изволивій,
Ангельскій чинъ воспріять благоволи зѣло.
Свою мысль впери къ Богу поспѣшити дѣло,
Аки Египта, бѣжа суетствъ сего міра.
Единою достиже града Владимера,
Милостію Бога въ томъ бѣ постриженъній.
Области полской тогда Кіевъ исклоненъній,
Митрополитъ въ Кіевѣ Нелюбовичъ бяше,

---

1) Заглавіе и акростихъ писаны киноварью. Знаки препинанія въ оригинальной рукописи поставлены вполнѣ произвольно, поэтому пришлось поставить ихъ по смыслу рѣчи. Въ остальномъ правописаніе оригинала сохранено.

Гониму церковъ еще зѣло защищаше.
Россійской церкви столпа сего благовѣпна,
Артикуловъ вѣри сей непреодолѣнна,
Достойна быти суди презвитерска сана,
Его духомъ предвыдѣ свята быть органа,
Послѣжде произведе во архимандрита
Его, во градъ Овручевъ, къ паствѣ прилежита.
Радително поживе шестнадесять лѣта,
Елико отъ поляковъ пострада навѣта,
Яко и изгнаніе принужденъ терпѣти
Своей ради вѣри, и въ Печерской жити
Лаврѣ, гдѣ онъ поживе точію два года,
Отъ латиновъ избѣгшій злоковарна рода.
Велѣніемъ въ то время Михаила царя
Ему митрополита Каневъ монастиря
Вручи архимандрію, Кипріянъ бѣ званъній,
Малороссіи всея Богомъ дарованный.
Оттудова преведенъ, постнически поживъ,
На градъ разореніе быти предвозвѣстивъ —
Архимандритъ Макарій, прозорливства даромъ,
Святый мужъ, яко имѣ градъ Каневъ варваромъ,
По тому пророчеству, быти разоренну,
И въ дванадесять лѣта сему исполненну
Реченному словеси, во дни его жизни.
Едва сохранитися россійской отчизни:
Многіе предѣли тамъ вси плѣненъни биша,
И Чигиринъ съ предѣли своими плѣниша.
Христіянъ тогда святый въ вѣри утверждаше,
Агарянъ злочестіе зѣло укоряше.
И въ тисяча шесть сота седмдесятъ осмому
Лютая бранъ бѣ сія граду Каневскому:
Опустѣлій градъ Каневъ самъ видѣ очима
Въ сентябрѣ седмомъ числѣ Макарій своима.
Святому литургію Божію служащу,
Крѣпко за вѣру стоять христіянъ учащу,

Окружиша варвари въ церквѣ заключенънихъ
Монастырской Успенской; въ страсѣ болѣзненънихъ,
Обложше изгребіемъ, огнемъ запалиша,
Правовѣрнихъ скривъшихся на смерть подушиша.
О лютѣ надежа тамъ христіяномъ! зѣло
Что отъ разде́женія вся на прахъ потлѣло.
Избранны христіяне въ тридесятъ два лѣта
Въ градъ Каневъ опустѣлій, по брани навѣта
Агарянъской, где въ церквѣ, по реченной брани,
Юнихъ и старихъ тѣла егда разсмотряли,
Плѣнная вся обрѣли, где и благовѣнна
Макарія святаго се мощы нетлѣнна:
Одежди священнія на себѣ имущый,
Щитъ вѣри твердъ, христовъ крестъ на выи висущій,
И главѣ его бившей тѣми открученънѣй,
Святый безъ глезнъ лежаше, въ кровѣ обагренъній
Въ рацѣ, подъ жертвенникомъ, вложше сокровенънѣ,
Якіе почиваху тамъ чудодѣйственънѣ.
Татаръ ради оттуду бяху пренесенъни
Архимандрита мощи, въ храмѣ положенни
Града Переяслава честно Воскресенскомъ,
Отъ Канева принесши, а не во Успенскомъ,
Правовѣрними, яко да тамъ агаряни
Ратію тѣ не будутъ еще поруганъны,
Еже тисячя шесть сотъ осмъ восемдесята—
Пренесошася, Марта семинадесята.
Обновися каѳедра въ полпятаста лѣта.—
Дивнимъ судомъ Божіимъ, по брани навѣта,
Отъ батійскихъ бо татаръ бывши разоренъній,
Богомъ, въ тисяча сѣмсотъ году, возставленъній
На престолъ бѣ возведенъ Захарія званъній,
Опутстѣлому мѣсту Богомъ дарованній
Милостію онъ Бога, время улучивый,
У самодержца Петра указъ испросивій,
Честное мѣсто въ пустѣ даби обновити

Епископіи прежней и сооружити
На томъ мѣсту монастиръ, въ крѣпости селенъній,
Идѣже епископи многи преставленъни
Каѳедри, прежде бывой Батійскія рати,
Агарянскими полки пораженъни, страни.
Мощи святаго во оній пренести потщися,
Архіерейски съ клиромъ о семъ потрудися.
Коштомъ его, при храмѣ Михаилъ реченъну,
Архимандриту сему святу положенъну,
Року тисяча семъ сотъ первонадесята,
Изъ Воскресенской церкви, четирнадесята,
Яко видимъ въ житіи, августа явленъна,
Такъ Богу изволившу, быти пренесенъна.
О сихъ любопитствуяй, изволъ прочитати,
Какови цѣлебъ оттоль текутъ аромати.
Алексій Глебовъ, рангомъ подполковникъ бивій,
Року тисяча сѣмъ сотъ сорокъ втора болѣвій:
Ему ломъ бяше во всѣхъ удахъ нестерпимій
Въ рукахъ и ногахъ такой, что нѣчимъ владѣвій,
Страдалъ недѣль до шести, и близъ смерти сущій.
Конъдоидова Павла врача сей имущый
Онъ въ болѣзни врачевалъ, на всю Москву славній,
Государскихъ медицѣнъ президентъ бѣ главній,
Отъездя самъ у Москву, указомъ позванъній,
Алексія въ живыхъ быть вовся отчаянъный
Рацѣ мощей святаго егда принесенній,
Хорый здравіемъ прежнимъ бяше обдаренъній,
И цѣлбу отъ раки онъ себѣ получивый,
Молитвами святаго вовсемъ исцѣлѣвій,
Аки елень, воскочи, милостію Бога,
На восемнадцать часовъ спяше без отлога,
Достиже послѣди онъ на степень преславній,
Ранга благодирскаго (sic) бѣ пожалованный,
И ктиторомъ монастиру одолжыся быти:
Такой обѣтъ его есть все благодарыти,
Аще и въ дальной странѣ високо почтенній

Ко святому укладомъ ктиторъ незабвенній.
А жена его, сорокъ четвертаго года,
На сердце заболѣла, ис Тору (sic) города
Едучи, по указу Сената велика,
Во градѣ Баришовки причина толика
Случилась, яко и все тряслось ея тѣло,
Къ мощамъ егда приложися, совсѣмъ исцѣлѣло.
О семъ писменно они сами написали,
Года вишъписанного засвѣдительствовали
О семъ. Тисяча сѣмъ сотъ сорокъ шеста года,
Извѣстіе написа благородна рода
Овдовѣшая жена Максимовичова [1])
Внуку, на смерть прибранну, святій уврачева,
Рацѣ мощей святаго обѣтъ положити,
У здравихъ аще будетъ ея приложити.
Цѣлбу вскорѣ получи, обѣтъ исполнила,
Къ рацѣ мощей приведши, в семъ благодарила,
Алѣксій Малѣновскій сына болѣзненъна,
Григорія младенца, пріятъ исцѣленъна
От святыхъ мощей его, ели жива суща,
И въ слабости дитинной заледво дишуща.
Гулакъ сотникъ же Иванъ, сорокъ седма года,
Увpачеванъ въ болѣзни лихорадска рода;
Молитвами святаго цѣлъбу получили,
Его же синъ и дщери совсѣмъ оздравѣли.
Не моглъ истины молчать сотникъ Глемязовскій
Ароматъ врачующихъ, прозваніемъ Тоцкій:
Преподобнаго о семъ самовидецъ бывый,
Иже въ черной болѣзни жену исцѣливій.
На квартерѣ онаго, вишъписанъна года,
Святаго молитвами даровась свобода.
Канцеляристъ полковій, Өеодоръ Петровскій,
Очарованъ зѣло былъ, житель Прохоровъскій,
Года тисяча сѣмсотъ пятдесятъ третого,

[1]) Кажется изъ предковъ А. М. Максимовича.

От квартери топитись къ водѣ бѣжащаго,
И близ рѣки Трубежа изближенна суща,
Нечувственна о себѣ, ума неимуща,
Аще би не удержанъ отъ нѣкіихъ зѣло,
Моглобъ исполнитися коварное дѣло.
Егда же приведенъ бѣ реченный болящій
Святаго Макарія мощамъ, нехотящій,
Неисходно изъ церкви пред всѣми вѣщати,
И о первомъ здравіи Бога прославляти,
Колико дивна въ святыхъ къ смерти приближена
Аки отъ сна возбудисъ, зряше исцѣленъна,
Себе діяволлю сѣтью бывша обузданъна,
Молитвами святаго тая разирванна,
О семъ канцеляристомъ бывшимъ удивленно,
Лютое то коварство како измѣненъно.
Еще ктому и сію измѣну призпаше:
Не воду-де ему тамъ, но медъ подаваше:
Священникъ то седмичній, слишащи, чудися,
Како води во устнахъ естество змѣнися.
Окіянъ море чудпѣ наполпяеть рѣки,
Господня же благодать тако человѣки:
О себѣ бо ничтоже могутъ сотворити.
За нюже вину Бога чрезъ святихъ просити,
Ангельскій розумъ всяко постигнуть не може.
Трудолюбній любописъ (sic) в силѣ изнеможе,
Рода одъ простаго всѣхъ именъ и не знати,
Умъ скорописца вишня развѣ постизати.
Два сина протоіерей, зѣло болѣзненній,
А самъ третій Михаилъ, тако нареченній,
Егда же о молитвѣ святаго просиша,
Господня угодника цѣлбу получиша.
Отъ фебри, сорокъ пята и девята года,
Исаевичу здѣтми въ болѣзни свобода.
Протоіерея Павла Скрипчинского жена

От фуріятки лютой святымъ свобожденъна.
Димитрій Аѳанасіевъ, на уди болѣвый
Въ рукахъ и ногахъ, дзвонникъ, и къ святому прибивій
Изъ Баришевки, егда мощамъ поклонися,
Господь подаде, здравъ сталъ и въ домъ возвратися.
И Михайлова жена Лукашевичева,
Въ болѣзни дѣтей, признала, что онъ уврачева
Святый, молитвами сей Макарій нетлѣнъній.
Его же помощію, всякъ благоговѣнъній,
Горящимъ сердцемъ притекъ, цѣлбу получае,
Дари убо цѣлебни многимъ источае.
А ніедина, мню, тща отъ него изійти:
Шлем бо спасенія изволитъ носити.
На очи болѣзненна имѣ себѣ сына
Іосифъ, Баришевскій житель, толь единa,
Егда того и къ мощамъ приведе святаго,
По молебствіи, уснулъ, премѣненъ в здраваго.
О многихъ писати мнѣ время не довлѣетъ.—
Человѣкъ за краткую жизнь въсего не успѣетъ.
Тайну цареву всяко довлѣетъ хранити,
И дѣло Божіе намъ достойно славити.
Епископу Никодиму указомъ велено,
Господня угодника даби пренесенъно
Оть трапези въ каменъну церков новозданну,
Богу содѣйствующу, святу почитанну.
Года тисяча сѣмъсотъ началъ пятдесята,
День мая благословенъ трета надесята,
Архіерей Сребнѣцкій съ клиромъ преносити
Рачилъ, въ храмѣ воеводъ (sic) силовъ [1]) положити.
О знаменіи чудесъ его знаменитихъ,
Мощей въ пренесеніи, облаками литихъ
Намъ дождовъ, аще сухо и лѣто биваетъ,

---

[1]) Метонимія, вм. въ храмъ св. архангела Михаила.

Однако насъ окроплять в день свой не престаеть.
Тройчнаго онъ взирати сподобися свѣта,
Ликовъ ангелскихъ Творца причастникъ обѣта,
Его же молитвами да будемъ причтенъни
Невечернія слави зрѣти, сподобленъни
Ізряднаго пастира одесную стати,
Яко внійти во царство, гласъ того слихаты.

ВЪ НЕВОЛИ У АНГЛЫЧАНЪ.[1]

(1854 г.).

— Та ни, де-жъ тоби такъ!—це ось якъ було... Давъ мени, бачыте, панъ квитокъ якыйсь у контору та и каже: «иды-жъ ты, Иване, у Одесъ, та гляды мени, щобъ къ Велыкодню ты вже

---

[1]) Настоящій разсказъ, относящійся ко времени блокады Одессы англо-французскимъ флотомъ въ 1854 г., написанъ покойнымъ *Николаемъ Петровичемъ Сокальскимъ* и принадлежитъ къ серіи многочисленныхъ его повѣствованій изъ эпохи крымской кампаніи, какъ-то: «*Современные разсказы изъ военной жизни русскихъ солдатъ*» (12 разсказовъ, помѣщенныхъ въ «Современникѣ» 1865 г.), «*Журавлевъ*» («Отеч. Зап.» 1858 г.), «*Безпокойный ночлегъ*» (тамъ же), «*Дѣло при Альмѣ*» и мн. др. Разсказъ этотъ найденъ среди бумагъ, оставшихся послѣ Н. П. Сокальскаго, и предлагается теперь, въ виду наступленія 50-лѣтія со времени крымской кампаніи, вниманію читателей. Н. П. Сокальскій родился въ Харьковѣ въ 1831 г., гдѣ и завершилъ образованіе въ мѣстномъ университетѣ. Съ 1859 г. по 1871 г. былъ редакторомъ «*Одесскаго Вѣстника*». Въ этотъ періодъ времени Н. П. Сокальскій разрабатывалъ матеріалы для широко задуманнаго труда «*Исторія Южной Россіи*». Отдаленную связь съ этимъ трудомъ имѣетъ работа, посвященная родовому быту древнихъ германцевъ, гдѣ авторъ искалъ путемъ аналогіи выясненія чертъ жизни южно-руссовъ на зарѣ ихъ историческаго существованія, а именно—«*Начала цивилизаціи на За-*

вертавсь до-дому. А отъ це-жъ тоби нà и карбованця на дорогу».

Якъ пійшовъ я зъ тымъ карбованцемъ, добравсь до Херсону, та и гадаю: чы пишкы мени йты до Одесъ, чы мабудь найдется якый знаёмый чоловикъ—на судни звезе? Та такъ вже воно и выйшло, мовъ той бисъ пидбывъ. Кынувсь я до прыстани, ажъ на зустричъ щось йиде.—«Здоровъ, чоловиче, кажу,—куды тебе Богъ несе?»—«Та вже жъ въ Одесъ, каже,—а тоби куды?»—«А вже-жъ до тебе!»—«Що таке?»—«Та отъ такъ и такъ, кажу ёму,—чы нема у васъ миста для мене?» А напослидокъ и зговорылыся: взявсь винъ довезты мене за дви копы до самого Одесу. Выпылы могорычу, та отсе и пойихалы...

Йихалы, йихалы; небо, бачыте, хмарою заволокло, такый витеръ пиднявсь, не дай Боже, а море ажъ клекотыть. Та такъ загаялысь у тымъ мори, що тильки на третій день здалеку, такъ трошкы-трошкы, побачылы городъ. Сунулысь мы було спозаранку пидйизжаты въ прыстань, а тутъ на зустричъ десь-то узявсь корабъ.—«Що за дыковына!—кажу,—а глянь, Грыцю, чы се винъ до насъ повертае?» А Грыцько дывытся: «до насъ каже,—та ще, стривай лышень, вражый!» «Отъ се лыхая годына! може бъ, до берега прывернуты»—каже винъ...—«Та повертай, крычу ёму, дядьку, бо винъ тоби въ очи влизе». Кынулысь мы туды-сюды, парусы чыпляты, а зъ корабля якъ бацнулы,—мовъ ажъ у души похолонуло. Я и кажу: «Грыцю, чуешъ? що будемъ робыты? Може йе рушныця яка, або-що?» Дывымось,—видтиль човенъ вже пидйизжае. А винъ якъ сунувъ мени рушныцю, а я такъ и цили не узявъ,—якъ трахнувъ, та и покотывся. Чы то врагъ такъ мене стусанувъ, чы яка сыла нечыста, а може и зарядъ у руш-

---

падъ». Одесса. 1867 г. Но «Исторія Южной Россіи» осталась въ рукописи незаконченной, за преждевременной смертью Н. П. Сокальскаго, на 40-мъ году жизни. Ему принадлежатъ также обширныя историко-экономическія изслѣдованія, посвященныя хозяйственному положенію Новороссійскаго края (въ «Южномъ Сборникѣ» и «Одесскомъ Вѣстникѣ»).

ныци не въ миру бувъ,—тильки якъ вже прыйшовъ я до розуму, чую: ажъ у мене на пузи товчется якыйсь-то шлапакъ. Я такъ соби глянувъ окомъ,— ажъ то ворогы. Що тутъ робыты! Я и прыкынувсь мертвымъ, та и гадаю соби: «може, потовчутся, та и пидуть! А напослидокъ товклыся, товклыся,—чую, ажъ воны и въ штаны до кышени зализлы, и карбованця тягнуть. Де вже тоби тутъ мертвымъ буты! Схватывсь я: «не займай, рыжа собако,—що ты тамъ поклавъ?»—та глядь, ажъ мене, якъ тіи шпакы осилы. «Оть тоби и Велыкдень, кажу, Иване!—попавсь!».. Обибралы воны мене до-чыста, а вписля сунулыся до жинокъ. Яка рыбу, яка цыбулю везла, хто що мавъ—усе позабиралы, а напослидокъ и насъ поволоклы на корабъ.

Що за бида така!—«Де, кажу, началство?—покажить мени ёго!» Чы воны справди не розуміють, що люде говорять, чы хто ёго знае,—вытрыщылы на мене очи та и дывлятся. А я усе кльчу началство. Напослидокъ выбравсь якыйсь чорнявый, чы винъ хранцузъ, чы хто ёго знае,—прыступывъ до мене, та и пытае: «чого ты, чоловиче, хочешъ?—«Та якъ же, кажу ёму, забралы насъ, якъ злодіивъ. Тутъ дило йе въ городъ, а тутъ тильки задержку роблють. Нехай пустять, або-що!» А писля повивъ винъ мене до нызу, та и каже: «отсе началныкъ!» Я ёму заразъ въ ногы: «такъ и такъ, кажу, паночку, будте ласкави! мы, кажу, не лыходіи яки, не за тымъ йидемо, щобъ нечыстымъ дыломъ якымъ промышляты, сýдна ловыты, або-що. Треба справыты дило та до-дому вертатыся, бо панъ пиджыдае». Та що ёму казаты! Пиднявъ винъ мене зъ долу, а тутъ пидвернувсь той хранцузъ; винъ щось и каже ёму таке дыковынне, а хранцузъ мени: «стривай лышень, каже, пидожды,—розберемъ дило». Я и вернувсь до своихъ. Жинкы сыдять по куткахъ—убываются, а Грыцько и зовсимъ повисывъ нисъ.—«Да чого вы, кажу, убываетесь,—началныкъ обищавъ розибраты наше дило». А Грыцько мени: «добре дило, колы вже човна не сподиваться!» Та такъ воно, вражого сына, збулося, якъ казавъ. Пидйихалы мы до Одесъ, кынулы якори; воны зибралы свій дóбычъ, що трохы тыхъ суднивъ наловылы, а мы тильки дывымось та пиджыдаемо. Якъ разъ, кажу,

тутъ бы и пустыты насъ,—такъ де жъ тоби!—имъ и у голову не йде. Прождалы мы день,—не чуты про наше дило, прождалы другый день—не чуты. Я було супувсь нагадаты—«бида мени, кажу, буде видъ пана», а винъ и байдуже. Началныкъ той потрипавъ мене по плечахъ.—«Яки тутъ смишкы? кажу, вже жъ будьте ласкави—пустить!» И трычи просывъ ёго, такъ ніякого толку не выходыть: тильки и выгадавъ, що мого карбованця оддалы. Отъ то бида! Ламавъ я вже свою голову, ламавъ,—ничъ не спытся, день не йистся; що мы тутъ будемо робыты! Та напослидокъ узявъ того карбованця, та до хранцуза: «у васъ, кажу, паночку, може йе диткы, такъ отсе на горишкы бъ имъ здалóся,—тильки жъ будьте ласкави, добродію, пособить нашому горю!» Винъ тильки що розсміявсь,—ничого не зробышъ! А насъ, бачыте, тымъ часомъ выволоклы видъ Одесу въ чысте море. Людей якыхъ зъ суднивъ забралы на другый корабъ, а до насъ напустылы новыхъ, що трохы руськыхъ, а то и нашыхъ такы прыбавылось,—бо воны, бисови, якъ тіи розбійныкы, тильки и знають, що човны забирають та людей граблють. Та воны казалы: усе одно, що той корабъ, що другый—коштъ зовсимъ поганый...

Оце такъ потрошку, потрошку—и згынула надія, щобъ вывернутыся одъ ихъ. Отъ одынъ разъ сивъ я самъ соби въ куточку, по-пидъ загородою, завернувсь въ свыту, та и дывлюся у море. Ничого, бачу, не буде: ричей воны не слухають, грошей не беруть, а тутъ вже що-дня празныкы усе блыжче та блыжче. Пидійшовъ тоди Грыцько: «що, каже, Иване?—А що, кажу, Грыцю!—чы пиджыдать, чы мабуть втопытыся?» Та такъ глянувъ на землю—ажъ вона, мовъ тая хмаронька, стоить соби на краю неба, а то усе тильки що море хлюпощется. Ни хатъ, пи людей не выдно—якась бидна пташка, мовъ та заблуда, тявка соби на паруси... Та такъ вже мени стало нудно, такъ нудно, що и не прыведы Господы!—«Сидай, кажу, Грыцю: може той витеръ пронявъ тебе въ ничъ?».—А винъ мени: «ни, каже,—и сонечко свите та не гріе въ неволи!»—«Що жъ, кажу, на то воля Господня!» Сивъ винъ коло мене, та и сыдымо: и ёму, бидному, жалко того сýдна, що забралы, та и мени не весело. Винъ

мовчыть, и я мовчу... Чую, ажъ хтось мене клыче. Чы такъ мени показалося, чы вправду хтось клыкавъ,—пидийшовъ я промежъ народу та и пытаю: «чого тамъ гукалы?» Ажъ глядь—до насъ пидийшовъ ще якыйсь корабъ. Не пройшло, може, и часу того мисця, якъ бачу—схватылы мене два рыжакы та и поволоклы мене до нызу. Дывлюся—началныкъ стоить, а биля ёго ахвыцеръ, а дали и хранцузъ. Поклонывсь я имъ нызенько та усе мовчу. А хранцузъ мене заразъ пытае: «чы ты бувъ въ Одесу, чы ни?»—«Бувъ, кажу.»—«Давненько?»—«Ни, не дуже давно, може два мисяця йе.»—«Видкиля жъ ты, каже, йидешъ?»—«Та изъ Херсону, кажу.»—«А тамъ у васъ, каже, не чуты: чы йе військо въ Одесу, чы нема?»—«Якъ, кажу, нема!—та тамъ того війська, кажу, що идуть, идуть и кинця ёму не выдно!» Отъ воны погомонилы щось таке дыковынне и пытають мене: «а що? чы весело у насъ жыты, чы ни?»—«Видкиль те весилля визьмется?—кажу—«та неволя гиршъ за всёго. А вдруге,—чы добрыхъ людей такъ такы харчують!.. Вже якъ вы насъ узялы на свое пропытаніе, то треба и годуваты. А хиба то коштъ? Нехай бы ваша мылость пыла бъ що-дня той чай, або тымъ хруктомъ забавлялысь,—а що до мене, то цуръ ёму, бо вже такъ охлявъ—не дай Боже! Будьте, паночку, ласкави, кажу, капусты чы немае шаткованои, або, може, йе солони огиркы?» Заразъ ёму поклонывсь:—«та ще бъ мы просылы вашу мылость, кажу, чы немае жытнёго хлиба, бо цей пшенычный, не во гнивъ вамъ, паночку, винъ пытанія не дае». Послухалы воны мене: «ну добре, кажуть, мужычокъ!—дамо тоби пойисты въ волю»—и одпустылы.

Тильки що я выйшовъ, дывлюся, ажъ хлопець несе мени на тарильци хлиба, солоныны и чарку горилкы: та така добра, ажъ въ носи круте.—«Що жъ, кажу, хлопче! тую солонину або ты самъ зйисы, або кынь іи къ бисовому батькови, бо у насъ теперъ пистъ». Та такъ скынувъ шапку та и снидаю святымъ хлибомъ, а винъ усе тыче мени та тыче тую солонину, а напослидокъ укынувъ у шапку, та самъ навтикача.—«А, стривай лышень!» Якъ узявъ я тую солоныну, та якъ кынувъ ёму на вздогинци, такъ ёго по шыи и уцилывъ. «Отъ-то знай, бисивъ сыну, якъ скоромыты шапку!»...

Такъ-то мы промаялысь зъ недилю миста, а тымъ часомъ сталы и други корабли пидходыты. Що-дня, то прыйдуть—то пидуть, то прыйдуть—то пидуть. А намъ тильки и дила: йиздымо сюды та туды, сюды та туды по тимъ мори, мовъ той цуцыкъ по надвирью. Одынъ такы разъ було того, що загрузъ корабъ,—такъ, бисови, уміють: зволоклы ёго...

Въ страшну́ю пьятныцю прыйихалы мы знову до Одесу,—та вже жъ тамъ того корабля було!—и-и-и не дай Господы! Чы воны той лыманъ хотилы загатыть, чы морока ёго знае—тильки такого багацько зибралося, що и око не обійме. Ти, що побильшъ, такъ тильки парусы́ розпустять, якъ той гусакъ свои крыла, и стоять, такъ кажы, якъ обйивсь; а тіи, що меншъ, такъ тильки и знають, що промежъ цыхъ, мовъ гусенята,—ажъ море гуде. О-о-о, та и здорови жъ булы́!—Якъ пидійшовъ нашъ корабъ до одного, туть заразъ зачалы якыхъ зъ насъ перегружаты, а я тильки дывывсь на ёго, якъ паламарська хата коло церквы. По усихъ корабляхъ натыскано дерева, мовъ лисъ, а по тымъ дереви та канатахъ, якъ кицьки, лазють ти розбійныкы. Дывывсь—ни одынъ не обирвавсь. А по бокахъ тильки викна та викна—такъ уси бока пысани викнами, а якъ роздывывсь, такъ въ тыхъ викнахъ усе пушкы́, та пушкы́... Бодай ёму лы́ха,—таке дыво, що цилый день дывывсь, дывывсь, покы сонце зайшло, напослидокъ сонъ заморывъ, и я не чувъ, якъ заснувъ...

Тильки вже на другый день спозаранку щось якъ торохне,—а я схватывсь, та зъ переляку здалося мени—чы хата завалылась, або-що, та крычу: «го-го-го, люде добри, рятуйте!» Ажъ дывлюсь,—дымъ по мори такъ и покотывсь. Хотивъ спытатыся у людей, а корабъ нашъ якъ торохнувъ, ажъ паморокы забыло. «Эге-ге, та туть, кажу, стриляють!» Оглядивсь добре, а коло насъ мабуть зъ десятокъ тыхъ корабливъ. Тильки оглянувсь, ажъ воны якъ зачалы тарахкотить—та усе у прыстань, та усе у прыстань. Я до хранцуза, а винъ ходе по палуби: «паночку, кажу ёму тыхенько, та бійтесь лышень Бога! сёгодня страшна́ субота. Що вы робыте!» А винъ каже: «ничаво, каже, ничаво!—не бійся.»—«Та нехай, кажу, вже товарышы

стриляють; що вы ихъ слухаете? туть, кажу, вамъ бида!» Та ни, и вýхамы не ведуть: стриляють та стриляють. Одійшовъ я до загороды,—дывы, и нашы зъ берегу одвитъ дають. Та не пройшло, мабуть, и зъ часъ того миста, ажъ дывымось: одного корабля тягнуть, а тутъ заразъ щось таке и у насъ мовъ дрибьязки полетилы, а напослидокъ—лусь!—такъ чотыри хлопця и покотылось, якъ горихы.

А въ городи народу—якъ тіи черви по берегу лазють. —«Що, каже хранцузъ, що то таки люде або-що?»—«Та усе, кажу, нашы, усе нашы, що тильки око здрить».—«Чого жъ воны, каже, тамъ находются?»—«Якъ чого!—дывлются.»—«И не боятся, каже, смерти?»—«Та вже жъ ни».—А писля заразъ пытае: «а то, каже, на прыстани, що тамъ таке товчется?»—«То, кажу, салдаты!».—«Мы ихъ, каже, бьемо,—чого воны не одійдуть?—чы воны прывьязани, чы що?»—«Та такъ, кажу, васъ пиджыдають, чы не зайдете, мабуть, въ госты!» Винъ заразъ и сховався,—такъ мени здается: ричи не злюбывъ...

Бисови люде!—не дурно казалы, що розбійныкы. Тутъ одни стриляють, а други снидають—нема ни покою, ни того, щобъ заснуты у пóлудень. Тильки, бачыте, и змурдовалысь, якъ сонце захóдыло, та замисть того, щобъ дать зовсимъ тягу, якъ мы сподивалыся,—одійшлы тильки до своихъ, та и пустылы якорú. Заразъ такый гомипъ пиднявсь на корабли, що и не дай Господы!—гомонять, пьють, бо за день наморылысь, якъ собакы йидять... А дали почалы латать диркы... Я такъ соби гадавъ, що воны, може, яку птыцю, або свыню зажарють, щобъ було чимъ розговитысь!—такъ де тоби!—воны и празныкивъ хрыстыянськыхъ не знають...

На зори прокынувсь я, похрыстосувалысь тутъ, хто булы свои, прочыталы молытву,—та тильки и допыталысь, що тіи бидни солопыны...

Вже тильки-тильки що на четвертый день пустылы насъ, якъ тыхъ горобцивъ, на волю!.. Отъ таке-то було въ тій неволи».

Н. П. Сокальскій.

18 декабря 1854 г.

Украинськи за̀пыси Порфирія Мартиновича. [1]

Записанный П. Д. Мартиповичемъ репертуаръ Лохвицкаго кобзаря *Трыхона Магадына* сравнительно невеликъ,—всего 6 пѣсенъ, изъ которыхъ 5 записыватель именуетъ, согласно терминологіи самихъ кобзарей, *козацькымы писънямы*, а 6-ую—*весели писни*. Изъ справки, данной въ текстѣ, видно, что репертуаръ Трыхона Магадына въ отдѣлѣ *псальмъ* и *веселыхъ писенъ* значительно бо́льше (см. перечень ихъ въ концѣ пѣсенъ), но записыватель почему-то не включилъ ихъ въ свои записи.

Что касается текста пѣсенъ, то всѣ онѣ не представляютъ новаго матеріала, а являются только варьянтами уже извѣстныхъ въ печати и раньше. Пѣсня *про трехъ братывъ Озовськыхъ*, сводъ варьянтовъ которой см. въ «Историч. пѣсняхъ малорусскаго народа» В. Антоновича и М. Драгоманова, ближе всего къ варьянту кобзаря Остапа Вересая и значительно разнится отъ варьянта Ивана Кравченка, напечатаннаго въ прошломъ номерѣ въ записи П. Д. Мартиновича.-Пѣсня *про бурю на сынему мори*, иначе называемая *про Олексія Поповыча*, тоже близка къ варьянту Остапа Вересая. (Сравн. въ «Историч. пѣсн.» В. Антон. и М. Драгом., а также въ «Кіевск. Стар.» 1885 г., № 1-й, въ записи Н. Сумцова, и тамъ же въ 1904 г., № 2, въ записи П. Д. Мартиновича. Пѣсня *про Коновченка* ближе всего къ варьянту

---

[1]) См. Кіев. Стар. № 2.

въ «Южнорусскихъ пѣсняхъ» А. Метлинскаго. (Сравни, кромѣ Метлинск., въ Кіевск. Стар. 1882 г., № 8—Кобзарь Остапъ Вересай, у Максимовича—Собран. украин. пѣсенъ ч. 1-я, въ Кіев. Стар. 1884 г., № 1-й—Кобзари и лирники В. Горленка, въ Кіев. Стар. 1889 г., № 9-й—Лирники В. Боржковскаго, въ собраніи П. Лукашевича—Малорус. и Червонорус. пѣсни, а также въ Кіев. Стар. 1904 г., № 2-й, въ записи П. Д. Мартиновича). Пѣсня *Витчымъ* представляетъ нѣкоторыя отличія отъ варьянта Ивана Кравченка въ записи П. Д. Мартиновича. (Сравни въ Кіев. Стар. 1904 г., № 2, въ Южнорус. пѣсняхъ А. Метлинскаго и въ Записк. Ю.-З. Отдѣла Геогр. Общ. т. 1-й). Пѣсня *про вдову* отличается отъ варьянта Ивана Кравченка въ записи П. Д. Мартиновича (Сравни въ Кіев. Стар. 1904 г., № 2-й, въ Запис. Ю.-З. Отд. Геогр. Общ. т. 1-й, у Метлинскаго «Южнорус. пѣсни», въ Львовскомъ «Этнографічн. Збірн.» т. 2-й, въ Этнограф. Матер. Б. Гринченка, т. 3-й, въ Кіев. Стар. 1902 г. № 5-й.—Сластіоновъ «Кобзарь Кравченко»). Пѣсня *бида* ближе всего къ записи В. Боржковскаго (Кіев. Стар. 1889 г. № 9-й—Лирники), и значительно отличается отъ записи В. Горленка (Кіев. Сар. 1884 г., № 1-й—Кобзари и лирники).

Ред.

Кобзарь Трыхонъ Магадынъ.

е. Бубны, Лохвыцького пов., полт. губ.

Козацьки письни.

Якъ тры браты зъ Озова втикалы.

Не пылы́ пылылы, не тума́ны вставалы,
Якъ зъ города Озова, съ тяжкои неволи тры браты втикалы.
Два конныхъ, третій пишый пихотыця,
Наче междо нымы чужа чужаныця,
Бижыть пидбигае,
Кровъ слиды залывае
И пожаръ пидъ били ногы пидпадае,
Братывъ конныхъ доганяе,
Междо кони вбигае,
За стремена хватае,
Словамы промовляе:
«Браты мои мыли,
Голубонькы сыви!
Возьмите мене междо кони, хоть мало пидвезите,
Нехай я буду добре знаты,
Куды зъ вамы у городы хрыстыяньськи,
До 'тця-паниматкы гостемъ прыбуваты».
А браты промовлять словамы:
«Эй, брате мылый,

Голубоньку сывый!
Сами, братъ, не выидемъ
И тебе не вывеземъ,
Бо за намы зъ города Озова тяжка́ велыка погоня,
А самъ, ты, жывъ здоровъ будешъ,
До швыдче у городы хрыстыяньськи одъ насъ прыбудешъ.
Будешъ ты, братъ, по тернахъ, по байракахъ всегда скрыватьця,
У города хрыстыяньськи всегда прыбуваты.
Чы твоя голова козацька молодецька въ чыстимъ поли помре́;
Есть у чыстому поли орлы сызопери, чорнокрыльци,—
Твои косьти похоронять».
То найменьшый братъ промовыть словамы:
«Браты мои, мыли,
Якъ голубонькы сыви!
Есть у васъ ясненькый мичъ,
Издыймить мени головоньку зъ пличъ,
Та мене у чыстому поли поховайте,
Звиру-птыци на поталу не подайте».
То середульшый братъ съ коня вставае,
До меньшого брата словамы промовляе:
«Хочъ есть у насъ ясненькый мичъ,
Такъ винъ твоеи шыи не пойме
Рука козацька молодецька не воздойметьця,
Серце козацьке молодецьке не осмилытьця!»
Тоже впьять меньшый братъ промовыть словамы:
«Браты мои, мыли,
Якъ голубонькы сыви!
Идьте вы шляхамы,
Рубайте виты тернови шаблямы,
Зелени байракы ламайте,
По шляху роскыдайте,
Для козацькои прызнакы».
То ихалы браты шляхамы,
Рубалы виты тернови шаблямы,
Зелени байракы ламалы
По шляху роскыдалы,
Меньшому брату прызнакы давалы.

На море степивъ выступалы
Ни терновыхъ витэй, ни зеленыхъ байракивъ ниде не завыдалы.
Тилько середульшый братъ промовыть словамы:
Братъ, старшый, мылый
Голубоньку сывый!
Станьмо кони попасимо
И меньшого брата пидождимо,
А колы назадъ завернимося, междо кони возьмимо,
Хоть мало его пидвезимо«,
То вже старшый братъ промовыть словамы:
«Братъ, середульшый, мылый,
Якъ голубоньку сывый!
Ище тоби проклящька турецька невира не звиралася
И сырыця въ рукы не въидалася?!
Винъ самъ жывъ здоровъ буде,—
Швыдче одъ насъ у городы хрыстыяньськи прыбуде».
Середульшый братъ съ коня вставае,
Гирко слезамы рыдае,
Дороги шаты выдырае,
Червону кытайку по шляху роскыдае,
Меньшому брату прызнаку давае.
То меньшый братъ бижыть, пидбигае
И пожаръ пидъ били ногы пидпадае
Кровъ слиды залывае,
На море стéпа выступае,
Не завыдае ни терновыхъ витывъ,
Ни зеленыхъ байракивъ,
Тилько червону кытайку зобачае,
У рукы бере, до серденька прыкладае,
Словесно промовляе:
«Боже мылый!
Якъ то мене турецька, проклящька невира
На спочывкахъ промынула, чы въ тернахъ, чы въ байракахъ!
Якъ моихъ братывъ коныхъ догоны́ла,—

Яки збыткы почыныла!
Дороги шаты выдырала,
По шляхамъ роскыдала!..
Эй колыбъ-же я добре знавъ, чы ихъ постриляно-порубано,
Чы жывьемъ у рукы забрато,
До бъ я пишовъ по степамъ блукать,
Билого тила знаходыть,
У чыстому поли поховать,
Дзвиру-птыци на поталу не подать»!
Се козакъ промовыть словамы, —
Буйни витры повивалы,
Козака зъ нигъ валялы.
Одно безпытьтя, друге безъижьжя,
И трете бездорожьжя!
Пидъ Саворъ-могылу схожае,
Нызенько голову склоняе.
Тогда орлы находылы, на чорни кудри наступалы,
Зъ пидъ лоба очи выймалы...
То винъ обизветьця зъ жалю словамы,
Обыльетьця горко слезамы;
«Эй вы орлы сызопери, орлы чорнокрыльци!
Зождить хотя малу годыну,
Другу часыну,
Покы розстанетьця душа зъ билымъ тиломъ,
Тоди находытымете,
Шо хотитеме надо мною робытымете».
Тоди орлы сызопери чорнокрыльци исъ тернивъ, изъ байракивъ налиталы,
Сири вольци набижалы,
Одъ суставъ кости дрывалы,
По комышамъ розношалы
И комышамы покрывалы,
Буйни витры повивалы,
Жовти косьти пужарямы покрывалы.
Не отець-паниматка козака оплакала раннимы зорямы,

Дрибнымы слезамы,—
Зозуля прылитала,
У головахъ сидала,
Жалобненько кувала:
«Голово, голово, козацька молодецька!
Исправды есы не допыла, не доила
И хорошенько не доходыла!
Де довелось по степахъ валятысь,
Звиру птыци на поталу податысь!»...
Сталы браты у города хрыстыяньськи прыбуваты
И сталы раду одраджаты:
Якъ будемъ, братъ, отцю-паниматци отвитъ отвичаты?»
Старшый братъ промовыть словамы:
«Братъ найменьшый, мылый,
Голубоньку сывый!
Самъ я буду знать,
Якъ за меньшого брата отцю-паниматци отвитъ отвичать:
Искажемъ бувъ панъ Грозды́нъ, туркы́нъ молодый,
Продавъ нашого брата у Рабську землю,
У прокляту бусурменьську невиру, на катергу довишню».
Ой то середульшый братъ промовыть словамы:
«Брате старшый, мылый,
Голубоньку сывый!
Будемъ, брате, правду говорыть, буде Господь надилять
И отець маты выхвалять.
А якъ не будемъ, брате, правды говорыть, буде Господь ныщыть поныщать
И отець маты клясты проклынать».
Старшый братъ промовыть словамы:
«Брате середульшый мылый,
Голубоньку сывый!
Будемъ на двое кгрунты паювать,—
Не будемъ между собою суперекы мать».
Сталы браты у города хрыстыяньськи прыбуваты,
На святи церквы́ накладаты
И ныщыхъ убогыхъ надиляты,
Турецьку землю клясты проклынаты!
«Справъ есы ты, турецька земле проклята, и розлука хрыстыяньська.

Розлучыла мужа зъ жоною,
Брата зъ сестрою!
Справъ есы камьянысто!
Туркамъ нагайцямъ на сребро злато багата!
Вызволь, Господы, невольныка зъ неволи на край веселый,
Междо мыръ хрещеный,
До роду до родыны до отця до паниматкы».
Услышы, Господы, у прозьбахъ у молытвахъ
Люду царському,
Народу хрыстыяньському
На многа литá
И до коньця вика;—

2.

Про бурю на сынёму мори [1]).

На сынёму мори, на билому камени сыдыть сокилъ ясенъ билозирець.
Ньізенько головку склоняе,
Квылы́ть проквыляе,
На святе небо поглядае,
Шо половына соньця, половына мисяця у тьму заступыло.
Не гараздъ у сынему мори почынало,
Супротывна хвыля зо дна моря вставае,
Козацьки судна молодецьки на тры части розбывае.
Перву часть одбывала
У тыхый Дунай замчала,
Другу часть одбывала, у Рабську землю заносыло,
Третю часть одбывало,
Посередъ моря потопляло.
Въ тую годыну два брата ридненькыхъ потопало,
Третя чужа чужанына,
Безридна безплеминна,
Шо ни́кому на чужій чужыни порятунку даты

---

[1]) Вона тилько Олексіемъ Поповычемъ называетьця, а настояще іи названіе—„Про бурю на Чорному мори".

И прощенія прыняты.
Сталы браты промовляты:
«Эй то се, братъ, не сопротывна хвыля затопляе,
А отцёва паниматчына молытва карае:
Шо мы зъ дому выходылы,
Одъ отця, 'дъ паниматкы благословенія не прынялы
И старшого брата марно зневажалы,
Середульшу сестру пидъ ногы топталы,
Блыжнёму сусиду хлиба-солы збавлялы,
Улыцямы произдылы и марно старыхъ людей зневажалы,
Малыхъ дитей киньми топталы,
Кровъ хрыстыяньську съ пискомъ мишалы,
Проты церквы произдылы, шлычка зъ главъ не здыймалы,
Хреста на свое лыце не клалы,
Колы-бъ же насъ, брате,
Отцева, паниматчына молытва могла вызволыты,—
Хай бы мы пры староcты литяхъ добре зналы,
Якъ пры старосты литяхъ отця-неньку штыть, поважаты»...
Якъ скоро сталы браты отцеву-паниматчыну молытву выхваляты,
Стала супротывна хвыля втыхаты,
Сталы воны къ берегу выплываты,
За билый каминь рукамы хвататы
И на берегъ выступаты,
На край веселый,
Междо мыръ хрещеный,
(Теперъ) насупротывъ сынивъ отець маты выхождае,
Сынивъ пытае:
«Чы добре вамъ, сыны, у дорози почынало»?
И воны речуть: «добре на сынимъ мори гуляты,
Тилько не добре безридній безплеминьній чужій чужыни потопаты,
Шо никому на чужій чужыни порятунку даты,
Прощенія прыняты».
И ще жъ то щаслывъ чоловикъ на сьвити бувае,
Якъ отца-неньку штыть-поважае,
И блыжнего сусиду за ридного брата мае,
И старыхъ людей почытае.

Вызволь, Господы, невольныка зъ неволи на край веселый,
Междо мыръ хрещеный,
До роду до родыны!
Люду царському,
Народу хрыстыяньському
И всимъ головамъ выслухáщымъ
Отъ на многая лита
До коньця вика!

3.

Про Коновченка.

Ой на славній Украини, у городи у Черкаси, жыла удова Коновчыха,
По мужови Грыцыха,
Мала соби сына Ивася Коновченка
Удовыченка;
Изъ малыхъ литъ вона его годувала,
Пры соби держала,
У наймы не пускала,
На чужи рукы на стыраные не давала,—
Усе доброго розуму дожыдала
И Твóрця вона благала:
«Боже Мылый, и вси сьвятіи!
Поможите мини сына догодуваты,
Доброго розуму дождаты!»
Скоро ставъ Ивась Коновченко до доброго розуму дохождаты,
Ставъ Хвылонъ Корсуньськый полковныкъ увъ охотне військо козакивъ выклыкаты.
«Козакы, добре вы дбайте,
Который зъ охоты на Черкени долыни погуляйте,
Славы-пáмьты козацькои достаты,
Лыцéрство предъ наметъ турецькый показаты».
Скоро Ивась Коновченко сее зачувае,
Старій неньци промовляе:
«Благословы мини, маты,

На долыни Черкени погуляты,
Славы-памьяты козацькои достаты,
Лыцѐрство предъ наметъ турецькый показаты».
То вдова промовыть словамы:
«Не благословлю я тоби, сыну Ивасю Коновченку, у долыни Черкени гуляты,
А благословлю тоби у доми́ пробуваты,
Хлибъ силь пахаты,
Та на хлибъ на силь козакивъ зазываты,—
Онъ такы будуть воны тебе штыть поважаты".
А Йвась Коновченко промовыть словамы:
„Не хотилося мени, маты,
Въ доми пробуваты,
За плугомъ спыну ломаты,
По борознахъ сапьяньци выкрывляты,
Кытаевыхъ дорогыхъ жупанивъ пыломъ напыляты,
Бо за плугомъ, маты, борозна не мыла,
А колыбъ-же ты, маты, добре учыныла:
Чотыри волы чабаніи,
Два кони вороніи
До жыда Кролевського згоныла,
Торгъ учыныла,
Одного коня купыла,
Якъ козацька молодецька душа влюбыла;
Бо хочъ буду я, маты,
У доми́ пробуваты,
Хлибъ силь пахаты,
На хлибъ на силь козакивъ зазываты,
До будуть воны мене на пидпыткахъ докоряты,
Домаремъ гречкосіемъ называты".
То вдова каже:
„Бодай же ты сыну, Ивасю Коновченку,
Вдовыченку,
Недождавъ, шобъ я тоби отцевську худобу на 'дного коня збувала".
То у Недилю, барзо рано, до сходъ соньця удова отцевську зброю поховала,
Тилько позабула шабли булатнои схороныты,

Та зъ свого двора выступае,
До Божого дому прыхожае.
То Ӥвась Коновченко одъ сна вставае,
По свитлыцямъ прохожае,
Отцевськои зброи ничого не забачае,
Тилько шаблю въ рукы бере, за плечи закладае
И чверть мыли одъ города козакивъ пихомъ доганяе.
Его козакы не взналы,
Шапкы здiймалы,
Зъ дорогою поздоровлялы.
То вдова зъ Божого дому до свого дому прыхожала,
Свого Ивася Коновченка у домú не застала,
То вона его кляла—проклынала:
„Ой, бодай тебе, сыну, Ивасю Коновченку,
Тры недоли військовы́хъ у чыстому поли побыло:
Перва недоля:—шабля не рубала,
Друга недоля—ружы́на не стриляла,
А третя—шобъ матерыны слезы ни въ якій потреби не спиткалы"....
То вже вдова не мало серця не внимала,
Чотыри волы чабаніи,
Два кони вороніи
Зъ двора занимала,
До жыда Кролевського згоныла,
Торгъ учыныла
И пьятдесятъ червиньцивъ доложыла,
Одного коня купыла,
Якъ козацька-молодецька душа влюбыла,
Рядовымъ козакомъ на Черкену долыну передавала,
Словесно промовляла:
„Рядовый, козакъ молодый!
Де мого сына междо козакамы дого́нышъ,
Междо лыцара́мы лы́царомъ постановышъ,
Отъ матуси поклонъ подасы".
То козакъ въ чверть мыли одъ города козакивъ догоняе,
По-междо козакамы проиждкае
И Ӥвася Коновченка не узнае.
Ивась Коновченко самъ добрый звычай знае,

До коня прыступае,
За поводы бере й на коня сидае,
Тоди каже: „Боже Мылый, и вси святіи!
Я-жъ думавъ, шо мене матуся клене проклынае,
А вона мини козакови на добрее дбае.
Боже Мылый и вси святіи!
Поможить мини сей походъсходыты, нехай я буду добре знаты
Якъ пры старосты литихъ стару неньку поважаты". [1])
Теперъ промовыть: „Хвылоне Ко́рсуньськый полковныку,
Благословы мини на долыни Черкени зъ гарцивныкомъ [2]) погуляты».
То Хвылонъ Ко́рсуньськый полковныкъ промовыть словамы:
Не благословлю я тоби, сыну, на Черкени долыни погуляты
Есть козакы ста́рій тéбе; хай на долыни Черкени гуляють,
Славы-памьяты козацькои достають
И лыцéрство предъ наметъ турецькый подають".
То Йвась Коновченко промовыть словамы:
Ты Хвылонъ Корсуньськый полковныкъ,
Возьмы ты утя старее,
Та малее,
Та пусты его на сыне море;
Поплыве малее,
Якъ бы тее старее".
Ивась Коновченко промеждо козакамы прохожае,
Шапку здыймае
И старого и малого поздоровляе,
На долыни Черкени зъ гарцивныкомъ гуляе;
Симсотъ душъ зрубавъ,
А симсотъ на арканъ жывьемъ у рукы забравъ,
Предъ пана Хвылона язы́ка жывьемъ прыставлявъ.
То Хвылонъ Корсуньськый полковныкъ изъ намета выхождае,
Ивася Коновченка пидъ рукы хватае,
На червону кытайку садо́выть,
Напыткы й наидкы становыть,
Словамы промовыть:
„Ивасю Коновченку, дытя молодее! Ты ниде й небувало,

[1]) Онъ уже куды пишло!
[2]) Зъ нéпрыятелемъ.

Багацько козацького звычаю розизнало!“
А Йвась Коновченко промовыть словамы:
„Благословы мини, Корсуньськый полковныку,
Оковыту горилку нажываты,
То ще не такъ буду на долыни Черкени зъ Гарцивныкомъ гуляты“.
„Не благословлю я тоби, сыну, оковыту горилку нажываты,
Бо вона тебе зрадыть,
Головку коню на грыву склоныть
И свита окрашéного запогубыть“.
А Йвась Коновченко не-мало серця не нимавъ
И такъ кубокъ налывъ,
Якъ козацьке серце звеселывъ,
Тоди на коня сидае,
Сонъ его знемагае,
Коневи на грыву головку склоняе;
Междо козакивъ проижджае.
Старого й малого дорогою зневажае,
Гарцивныкы́ за чверть мыли'дъ гóрода пьяного чоловика взналы,
А ще чверть мыли уступалы,
Та покы его пострилялы—порубалы,
Ще за собою симсотъ потерялы;
Тилько не гараздъ учынылы,—козацького коня не піймалы.
Кинь по табору турецькому гуляе,
Стремена порвáни, аркáны кривави.
То Хвылонъ Корсуньськый полковныкъ згрознá до козакивъ промовляе.
„Козакы, добре дбайте,
Козацького коня піймайте.
Не дурно кинь козацькый по табору турецькому гуляе,
Знать нашого Ивася Коновченка, молодого лыцаря, на свити немае“.
То козакы кóня піймалы; по чыстому поли проходылы,
Козацьке биле тило знаходылы;
На червону кытайку собиралы,

На долыни Черкени поховалы.
И прыснытьця удови соńъ чуденъ-пречуденъ и дывенъ-предывенъ:
„Выдытьця“, кае, „сынъ мій на долыни Черкени одружывся;
Узявъ соби жену горду-прегорду, пышну-препышну;
Мій двиръ старый мынае,
А соби нового шукае“.
Рядового козака про сына пытае,
Рядовый козакъ ій одповидáе:
„Твій сынъ у долыни Черкени одружывся;
Узявъ жену горду-прегорду, пышну-препышну,
У чыстому поли высоку могылу“.
То вдова козакови виры не доймала,
До Твóрца рукы здыймала,
Творца благодарыла!
„Благодарю Господа небесного, шо мій сынъ у долыни Черкени одружывся.
Уже хочъ вона горда-прегорда и пышна-препышна,
А буде пры старосты литихъ головку преклоныты“.
Хвылонъ Корсуньськый полковныкъ иде
И коня за поводы веде.
Скоро вдова коня забачала,
Къ сырій земли прыпадала,
Хвылона Корсуньського полковныка кляла проклынала:
„Бодай ты Хвылоне Корсуньськый полковныку, щастя и доли не мавъ,
Якъ ты мого сына Ивася Коновченка за все військо втерявъ“.
То Хвылонъ Корсуньськый полковныкъ гордосты не мае,
До вдовы прыступае,
За рукы хватае,
Одъ сырои земли звождае,
Словесно промовляе:
„Эй, удово Коновчыхо, мене молодого не проклынай,
Щастя й доли не збавляй,
Бо ты есы не гараздъ учыныла,
Шо сынови такого коня купыла“.

То вдова тоже не мало серця не нимала,
Сорокъ тысячъ війська тры недили содержала,
Хлиба—солы не побороняла,
Хусты́, рушныкы подаркы давала,
Заразомъ Ивася Коновченка похоронъ-весилья одбувала.
Бидна жъ побидна удовына́ головонька!
Люду ца́рськимъ
И на́роду хрыстыяньськымъ,
Усимъ головамъ выслуха́нцымъ
На многая лита
До коньця вика.

4.

Витчымъ.

У недилю барзо рано пораненько не въ уси дзвоны дзвонено,
Нихто не взнае, шо въ крайнимъ доми говорено.
Отець-маты сына у чужу сторону выпровожалы:
„Иды ты, сыну, между люды пробуваты,
Чы не лучче тоби будеть маты“.
„Не хотилося мыни, маты,
У чужій сторони пробуваты,
Бо будуть мене проще́нцемъ называты“.
То старша сестра иде,
Коня веде,
А середульша зброю несе,
Найменьшая брата выпровожае,
Словесно промовляе:
„Видкиль то, кае, тебе, брате, выглядаты?
Чы съ чыстого поля,
Чы зъ буйнои во́и, [1])
Чы зъ славного люду Запорожжа?“
— „Не выглядай мене, сестро, ни съ чыстого поля,
Ни зъ буйнои во́и,
Ни зъ славного люду Запорожжа,
А возьмы ты жовтого писку въ жменю,
Посій его на билому камени;

[1]) Войны.

Якъ буде жовтый писокъ на билому камени сходыты,
Хрещатымъ барвинкомъ у тры ряды встылаты,
Хрещатый барвинокъ голубымъ цвитомъ процьвитаты;
Будуть, сестро, о Петри быстри рикы замерзаты.
А̀ бъ Риздви калына въ лугахъ билымъ цьвитомъ процьвитаты,
То тоди вже буду въ вашъ домъ гостемъ прыбуваты".
„Якова то я, братику, у сьвити стала,
Що одъ старыхъ людей не чувала,
Шобъ жовтый писокъ на билому камени сходывъ
И голубымъ цьвитомъ у тры ряды устылавъ,
И сего я, брате, не чувала,
Шобъ о Пéтри рикы замерзалы,
Шобъ объ Риздви билымъ цьвитомъ калыны въ лузи процьвиталы
И шобъ братъ до сестры тоди въ гости прыбувавъ". [1])
На празныкъ Воскресеніе люды до Божого дому йдуть,
Якъ бджолы гудуть;
Изъ Божого дому йдуть,—пола объ полу мелькаетьця,
Плече'бъ плече черкаетьця;
Одынъ óдного на здоровья пытае
И одынъ óдного обидать зазывае.
Убогого чоловика нихто й не знае,
Мовъ бы въ его въ двори не бувалы,
Хлиба солы не идалы.
Пры добрій годыни
Кумы й побратымы,
Пры лыхій годыни
Немае й родыны.
Люду царьському,
И народу хрыстыяньському,
Усимъ головамъ выслухацымъ
Отъ на многая лита
До коньця вика.

5.

Про вдову.

Була бидна побидна вдова.
Не дробна птыця въ гору щебетала,

---

[1]) От-то вже, значыть, его не сподиватьця.

Якъ бидна вдова зъ двору выступала,
И къ чужому дому прыхожала,
Хлиба солы заробляла,
Усе вона дитей годувала,
Изъ малого росту до велыкого пры соби держала,
У наймы не пускала,
На чужи рукы на стыраные не давала,
Усе доброго розуму дожыдала.
Удова доброго розуму дождала—сынивъ подружыла.
Якъ сталы сыны до доброго розуму дохожаты,
Сталы зъ старои ненькы насьмихаты,
Сталы зъ свого дому въ чужый домъ изсылаты:
„Иды-жъ ты, маты,
У чужый домъ пробуваты,
Нехай мы не будемъ у себе суперекы маты,
Нехай не будемъ женъ страхаты
И малыхъ дитей лякаты“.
То вже у недилю, рано пораненьку, до схидъ соньця удова зъ двору выступае,
Гирко слёзамы рыдае,
За слёзамы свита Божого не добачае,
На ворота спотыкае.
Старшый сынъ сыдыть, та виконця кватырку ’дсувае
Ище й зъ старои ненькы насьмихае;
До свого братьтя словамы промовляе:
«Друзи, паны молодьци, десь наша маты старая
Превелыкого гриха не знала,
Що въ недилю рано пораненько, до сходъ соньця горилкы напыла́ся,
На ворота звалылася».
Чужа чужына,
Блызька сусида, молодая челядына
До вдовы прыступае,
За рукы хватае,
Одъ сырои земли звождае.
Удова промовыть словамы:
«Ты, чужая чужыно, блызька́ сусидо!
Прыймы мене удову стареньку до свого дому пробуваты,

Буду тоби пры старосты литяхъ сины-хату вымитаты
И малыхъ дитей доглядаты».
То вже чужа чужы́на,
Блызька сусида, молодая челядына
Промовыть словамы
— «Иды ты, вдово старенька, до мого дому пробуваты.
Не будешъ ты пры старосты литъ хату вымитаты
И малыхъ дитей доглядаты,
Тилько будешъ мене молодого челядына до доброго розуму прывожаты».
Скоро стала вдова въ чужый домъ прыбуваты,
Хлибъ силь зажываты,
Ставъ Господь удовыныхъ сынивъ выдымо караты,
Громовымъ огнемъ палыты.
Старшый братъ меньшому въ ногы впадае:
«Эй то, братьця, друзи, паны моло́дьци!
То вже мы стару неньку зъ свого дому заслалы въ чужый димъ
Хлиба солы зажываты.
Якый я коштовный домъ избудувавъ,
Господь мене покаравъ,
Громовымъ огнемъ спалывъ».
Сталы зъ бративъ кумы побратымы насьмихаты:
«Десь въ удовыныхъ сынивъ хлиба солы немае,
Шо воны у чужый домъ неньку заслалы хлиба солы зажываты».
Старшый братъ меньшого брата посылае:
«Пойды ты, брате, до чужого дому
И якъ бы ты стару неньку у свій домъ могъ упросыты».
То вже меньшый братъ зъ двору выступае,
Къ чужому дому прыходжае,
Старій неньци у ногы впадае,
Гирко слёзамы рыдае:
„Иды жъ ты, маты,
До нашого дому пробуваты,
Бо не можемо безъ тебе щастя й доли соби маты.
Будемо, маты,

Женъ страхаты
И малыхъ дитей лякаты,
И тебе пры староcты литяхъ штыть-поважаты".
То вдова не мало у чужимъ доми пробувала трыдьцять литъ и чотыри,
Ни у кого вона крывды соби не мала,
Изъ чужого дому выступала
До Твóрца рукы здыймала,
И Творца благала:
«Боже мылый и вси святіи!
Поможите у двиръ уходы́ты,
Своихъ сынивъ до доброго розуму прыводыты.
Скоро стала удова старенька у своему доми пробуваты,
Тогда сталы удовыны сыны у своему доми хлибъ-силь маты.
Сталы браты промеждо собою промовляты:
«Хто стару неньку штыть, поважае,
Тому Господь помогае,
Щастя й доли посылае
И у поли и въ доми у пути и въ дорози».
Люду царському
И народу хрыстыяньському,
Усимъ головамъ выслухащымъ
Отъ на многая лита
До коньця вика!

Оце й усú, яки я знаю; и майстеръ мій не знавъ бильшъ. На нашимъ краи вже попереводылысь кобзари: ото тилько Лобзá (Вересай) та Антинъ Вечирьськый,—такъ Антинъ не зна „Невольныцькыхъ"; винъ дякивъ сынъ, та ше вчывсь по кныжкамъ, а тамъ ослипъ, такъ его батько оддавъ до кобзаря въ науку, такъ винъ псаломъ добре понявъ и псалтырну й доси на перечотъ усю зна, а невольныцькыхъ такъ не зна. Хведиръ Крячковськый бувъ,—той знавъ такыхъ (писень), такъ уже вмеръ; та я ще по свиту мотаюсь; симдесятъ шостый уже годъ мини; пора на свое мисто вже...

Оттуды по тыхъ краяхъ на Мыргородъ, тамъ ще сёго чóрта, що крутять (лиры), не поводытьця. Комышаньськои отамъ наукы есть Матвій, Иванъ, Охтанасъ. Значыть у Комышни та бувъ кобзарь, то

тó его ученыкы; нема вже теперъ его, пишовъ десь на поселеніе: винъ та майстеръ оттого Крюковського, що въ Лохвыци, та вмисьсти въ одного ще майстра вчылысь; такъ Крюковського майстеръ жывый и доси; винъ тамъ у Пискахъ мешкае, а той пишовъ на поселеніе.

Зоря Иванъ у Билоцеркивцяхъ бувъ, такъ уже чотыри годы, якъ зависывсь. Обижавъ ныщу братію дуже. („Той тилько Озовськыхъ братив знавъ". Примѣчаніе Кравченка—Крюковського).

Б и д а.

Ишла Бида невелычка
Изгы́бала чоловичка.
Де ты въ биса родылась,
Шо за мене вчепылась?
Хто биды не знае,
Нехай мене спытае.
Моя хата скраю—
Всю биду зазнаю.
Я у Биды обидавъ,
То я й Биду одвидавъ.
Я въ Кракови родылась,
А въ Бруслáви хрестылась,
А въ Вильбови зросла
Въ Хмельныкъ замижъ пишла.
Була Бида въ Клювáни
За клюшныцю у пани,
Пишла Бида до лёху
Позычаты гороху,
Та загубыла ключи
Та втекла къ бису въ ночи.
Да була Бида въ Будаку́—
Высыть Бида на гаку;
Одырвалася зъ гакá—
Къ бису втекла зъ Будака.
Пидъ нашымъ ярымъ жытомъ
Лежыть Бида зъ тыхымъ лыхомъ
А ихалы зъ брусáмы,
Взялы биду на саны,
Та повезлы до Волохъ

Проминялы за горохъ;
А Волохы каялысь,
Що гороху збавылысь:
Вы намъ горохъ верните,
Къ бису Биду возьмите.
Сидай, Бидо, на козу,
Къ бису тебе одвезу,
Ще й дорожку покажу.
Въ Бердычеви на торзи
Иде Бида на кози
Въ червоному картузи́.
Тамъ цыгане кони минялы,
Та й то Биду пизналы.
Пишла Бида до Бендеръ—
Та й тамъ іи хтось обдеръ;
Пишла Бида въ Кремьяне́ць
Избираты яєць.
Та въ городи Кремьянци́
Дала старцямъ по яйци.
Пишла Бида въ Моголи́въ
Куповаты воливъ.
За ричкою за Днипромъ—
Ходе бида за воламы зъ весломъ,
Та погналась увъ Улась,
Та тамъ Бида спродалась
И въ лысычкы вбралась.
А въ Уласи знако́ми
На лысычкы лако́ми
И лысычкы знялы
Ій опу́чкы далы.
Пишла Бида до шевця—
Вкрала соби реминьця;
Сыдыть вона на стольци́
Морщыть соби постольци;
Сама соби дывуетьця,
Що гарненько обуетьця.
А ихалы зъ хворостомъ—
Сыдыть Бида пидъ мостомъ.

То й Бида розиграла—
Всимъ колеса поламала
Пидъ густымы лóзамы
Становылысь обозомъ,
Ловлять Биду пидъ возомъ;
Былы Биду палыцямы:
Не йды, Бидо, за старцямы.
А Бида каялась,
До торбивъ добралась.
Сыдять диды на горби—
Вкрала Бида дви торби.
Иде Бида до Дáшева
Конякою изъ Квашева.
Диды кваши напылысь,
Биды Богу молылысь.
Ишла Бида до школы
Наробыла шкоды.
Былы Биду въ плечи,
Не лизь, Бидо, до печи;
Былы Биду въ груды,
Не лизь, Бидо, до грубы.
Былы Биду по выскахъ,
Не лазь, Бидо, по мыскáхъ.
Былы Биду по лапкахъ,
Не лазь, Бидо, по лавкахъ
Ишла Бида лавкамы—
Былы Биду палкамы.
Пишла Бида до мысныка—
Далы Биди налысныка.
Пишла Бида до Нижена,
Видтиль вышла острыжена.
Пишла Бида до Лохвыци,
Видтиль далы прохвосныци.
Пишла Бида до попа,
Былы Биду, якъ снопа.
Пишла Бида до Ныкона,
Видтиль выйшла пидтыкана,
Пишла Бида до Дéныса

Одъ Денпса выйшла лыса.
Пишла Бида до Гаврыла,
Одъ Гаврыла носомъ рыла.
Пишла Бида до Демьяна,
Одъ Демьяна выйшла пьяна.
Пишла Бида до Хведора
Пидскочыла та й п.....ла.
Пишла Бида до Потапа,
Шобъ іи бокы полатавъ;
Почавъ Потапъ бокы латать—
Почала Бида крычать.
Де взявся паламарь,
И той Биди бокы полатавъ.
Де взявся Мартынъ,
Вдарывъ Биду объ тынъ.
Де узявся Гарасымъ,
Той по Биди голосывъ.
Прыходыть Омелько
Голосыть по Биди тоненько.
Катерына мымо йшла,
Сорочечку прынесла.
Де взялася Марына,
И та Биди Отче нашъ говорыла.
Несы дидько Марту
Й горилочкы кварту.
Тамъ Бида вмерла
И тамъ Бида погынула.
Покотылы Биду зъ горы,
Копыци задерла.
Іи дочка пидросла,
Кругомъ сьвитъ обійшла—
Сюды замижъ пишла.—
Якъ пишовъ я вулыцею,
Да й не очерпнувся,
Якъ потягне Матвій ципомъ,
Ледви осьмихнувся.—

Козацьки писни. 1. Якъ тры браты зъ Озова тикалы. 2. Про бурю на Сынему мори. 3. Про Коновченка. 4. Витчымъ. 5. Про вдову.

Псальмы (записаны не были): 1. Нема въ свити правды. 2. Ушлы мои лита. 3. Смотрыся къ намъ смерте. 4. Плаче дуже и рыдае. 5. Царю Хрысте. 6. Іисусе Прелюбезный. 7. Про Почаивську Богоматирь. 8. Про Мыколая. 9. Про Варвару.

Весели писни. Кромѣ «Биды» записаны не были: 1. Чычиточка. 2. Мищанка. 3. Дворянка. 4. Хома та Ярема. 5. Вербунка. 6. Гарбузъ. 7. Бугай. 8. Бида.

Одкли́нщыны.

Якъ вывчыть майстеръ хлопця грать и той одходе одъ майстра на свій хлибъ, то майстеръ дае знать ныщій братіи: «що отъ у мене хлопець добре вже грае,—пора вже ему и хлибъ дать; прыходьте до насъ на Одкли́нщыны». Шобъ справыть Одкли́нщыны такъ якъ слидъ, шобъ ныщои братіи було багато, то для того воны выбирають удобный часъ—ярмарокъ.

Къ киньцю ярмарка у вечери братія помалу сходытьця до майстра. Дорогою покуплять харчивъ и горилкы. Зійдетьця братія до жыда, покы зовсимъ потемніе. Заразъ майстрова́, або наймычка, або хто зъ поводатаривъ насыпле въ мыску горилкы, накрыше хлиба, рыбы, роздасть жодному ложкы. (Изъ мысокъ ложкамы налывають горилку въ чаркы, щобъ не пролывать). Тоди братія сида за стилъ. Литомъ це робытьця на двори. Тоди майстеръ бере хлибъ у рукы, прыходе до кумпаніи та й каже: «Молытвамы свят. отець нашыхъ, Господы Іисусе Хрысте, Сыне Божый, помылуй насъ!» Компанія гуртомъ одказуе—Аминь. «Мыръ беседи вашій». (Гуртомъ) «Съ мыромъ прыходь Самъ Хрыстосъ Боже благословы». Просыла копійка на горилку,—я прошу васъ на честь, на любовъ и на одклинщыны». Положывшы хлибъ на стилъ, майстеръ сидае,—позъ его клюшныкъ зъ хлибомъ. Давшы по чарци, майстеръ просыть компанію до хлиба до солы. Компанія пидходыть по одному и каже до майстра: «Молытвамы свят. отець».—Майстеръ одказуе—«Аминь». «Спасеть Богъ, майстеръ за святый Аминь, за Исусову молытву, за Евангельське слово, за прывитъ Божый, за майстерську науку. Кланяемось тоби хлибомъ и силью». Дають хлибъ у рукы. «Прыймаете хлибъ и силь, прыймить

и насъ до своеи честы». Жодни такъ пидходять; якъ подало хлибъ, тай сидае врядъ. Тоди майстеръ устае на ногы, бере стаканъ у рукы, налыва чарку горилкы и говорыть: «Молытвамы»,—одказують—«Аминь». Дякуе за аминь. «Чы всимъ, господа майстри старши и меньши, досталось по стакану вына отъ майстра»?—«Спасыби. Усимъ досталось». Тоди майстеръ сида на мисто, а ученыкъ уступа у середыну у кругъ. бере стаканъ у рукы и говорыть: «Молытвамы». Ему одказують «Аминь». Винъ дякуе за аминь. «Благословите майстрови стаканъ вына пиднесты». Гуртомъ: „Боже благословы". Майстеръ, узявшы стаканъ, говорыть „Молытвамы", а дали „Благословите, господá майстри, одъ ученыка стаканъ вына выпытъ". „Боже благословы". Тоди ученыкъ кругомъ обдае усихъ и, проказавшы „молытвамы", допытуе: „чы вамъ, господа майстри, досталось по стакану вына?" „Покорно благодарымъ майстрови и тоби; усимъ досталось". Тоди винъ (ученыкъ) ставыть стаканъ, говорыть „Молытвамы", кланяетьця и просыть: „Господа майстри! Якый хлибъ силь у себе иміете,—такый и мени дайте". Тоди майстеръ пиднимаетьця на ногы, говорыть „Молытвамы" „Благословите, господа майстри и вся кумпанія, хлопцеви хлибъ силь дать". „Богъ благословыть". Тоди винъ дае хлопцеви хлибъ силь у рукы, а самъ сяде. Тоди хлопець: „Покорнѣйше благодарю, господа майстри, за хлибъ, за силь и за ваше наставленіе". Проговорыть „Молытвамы". „Благословите, господа, майстерьського хлиба по куску роздилыть". „Богъ благословыть. Тоди винъ риже хлибъ по шматочку. Майстрови дае и жодному, покы всихъ обдилыть. Обдилывшы, каже „Молытвамы" и дали: „Чы всимъ, господа, дисталось по куску майстерьського хлиба?" „Покорно благодарымъ майстрови и тоби; усимъ досталось". Тоди два старыка, узявшы его за рукы, садовлять повизъ майстра. Тоди вже гуляють, покы не розійдутьця.

Выйшовшы зъ наукы, годъ черезъ десять получа право брать соби въ ученыкы. Купыть видро, або пивъ видра горилкы, иззове братыю и просыть соби помочи: „Позвольте, господа майстри, мини помочь узять". Якъ первого позволять,—тоди хоть двадцять штукъ беры заразомъ.

Кобзарь Трыхонъ Магадынъ.

М. Вороньки. 3 іюля 1876 года.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Резолюція императрицы Екатерины II по жалобѣ малороссійскаго священника. Въ первые годы царствованія Екатерины II, статсъ-секретаремъ по принятію подаваемыхъ на Высочайшее имя челобитенъ состоялъ дѣйств. ст. совѣтникъ Сергѣй Матвѣевичъ Козминъ, служившій раньше въ артиллеріи военнымъ совѣтникомъ и назначенный на эту должность въ мартѣ 1764 г. на мѣсто уволеннаго Олсуфьева. Его обязанностью было составлять для Высочайшаго доклада краткіе экстракты изъ челобитенъ, въ формѣ докладныхъ записокъ, на которыхъ обыкновенно императрица писала резолюціи. Одна изъ такихъ подлинныхъ записокъ любезно доставлена въ редакцію нашего журнала, въ числѣ другихъ матеріаловъ, П. С. Ефименкомъ, которую и приводимъ здѣсь со всею точностью.

«Челобитчикъ—обрѣтающійся въ Малой Россіи, Переяславскаго полку, священникъ Григорій Тимофеевъ. Служилъ при полку Роповомъ [1]) 18 лѣтъ и за службу ево пожалованъ ему приходъ къ церкви настоящимъ священникомъ въ Переяславскую епархію».

«1735-го года того жъ Переяславскаго полку сотникъ Евстратій Гулакъ съ товарищи составилъ на него ложную челобитную отъ ста человѣкъ и болѣе, якобы въ грабительствахъ и въ другихъ многихъ непотребствахъ, по которой троекратные чинены были слѣдствіи и подъ присягою допросы, о чемъ онъ просилъ въ генеральной канцеляріи черезъ семь лѣтъ и болѣе, токмо удовольствія не получилъ, а

[1]) Генералъ Роппъ, командиръ гренадерскаго полка, въ 1720—30-хъ годахъ часто квартировавшаго въ Малороссіи.

отосланъ въ кіевскую консисторію подъ карауломъ для разсмотрѣнія того дѣла».

«Въ 1743-мъ годѣ оное дѣло въ Сvнодѣ рѣшено и позволено на сотника просить, гдѣ надлежитъ. Онъ просилъ въ Сенатѣ, гдѣ и рѣшено 1748 года, о чемъ и указъ посланъ въ генеральную канцелярію, и велѣно учинить съ нихъ [1]) удовольствіе по указамъ. О томъ удовольствіи просилъ онъ господина гетмана [2]) неоднократными прошеніями, о чемъ отъ него по посланнымъ девяти ордерамъ отъ генеральной канцеляріи рѣшеніе и послѣдовало, токмо не въ силу указовъ, и деньги присланы съ четырехъ человѣкъ двадцать рублевъ семдесятъ копѣекъ и представлены отъ господина гетмана въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ. Онъ въ ту Коллегію подалъ прошеніе, что надлежало ему по Уложенью и по малороссійскимъ правамъ три тысячи сто восемьдесятъ восемъ рублевъ за безчестіе и за протори и по обязательнымъ письмамъ съ убытки, а отъ 755-го года что причтется по окончаніе. 755-го году изъ той Коллегіи послана грамота и копія съ прошенія ево къ нему, господину гетману, о учиненіи удовольствія по симъ правъ и Уложенья; на то въ отвѣтъ показано, что приличнѣйшаго права, какъ 105 артикулъ, не находится. Иностранная Коллегія, не приводя приличныхъ пунктовъ, рѣшеніе учинила и въ иску отказала ему напрасно, и о томъ онъ просилъ въ Сенатѣ еще пять разъ, и посыланы были отъ Сената къ нему жъ господину гетману пять разъ грамоты и велѣно было окончить въ указной срокъ, чтобъ Сенату болѣе докуки не было; но и по тѣмъ никакого исполненія не учинено; а по шестой присланной изъ Сената къ нему господину гетману грамотѣ какое опредѣленіе состоялось, сообщаетъ копію. И такъ онъ за онымъ дѣломъ ходя въ разныхъ канцеляріяхъ безотлучно 29 лѣтъ, а по рѣшеніи правительствующаго Сената 16 лѣтъ, удовольствія получить не можетъ, и отъ того пришелъ въ крайнее разореніе и нищету».

„Проситъ милостивое разсмотреніе и рѣшеніе учинить, дабы онъ по старости своей болѣе нищеты и разоренія не имѣлъ“.

„Статской дѣйствительной совѣтникъ Сергѣй Козминъ“.

Внизу записки имѣется отмѣтка, сдѣланная рукою Козмина: „Докладывано 28 октября 1764; приказано просителю обождать“. При

[1]) Т. е. съ лицъ, неправильно оклеветавшихъ священника.

[2]) Рѣчь идетъ о Разумовскомъ.

вторичномъ докладѣ 11 декабря того же года, въ Царскомъ Селѣ, послѣдовала слѣдующая резолюція императрицы, собственноручно ею написанная на поляхъ доклада: «*Отослать к' графу румянцову для разсматренія по законамъ*». Подписи нѣтъ, но мы сличали эту помѣту съ фототипическими снимками подлинныхъ писемъ Екатерины и убѣдились, что это несомнѣнно ея почеркъ.

Отсрочка резолюціи при докладѣ 29 октября послѣдовала, очевидно, потому, что въ это время рѣшался вопросъ объ уничтоженіи гетманства въ Малороссіи и объ увольненіи Разумовскаго, каковое и было объявлено въ указѣ 10 ноября 1764 года, а спустя нѣсколько недѣль послѣдовало назначеніе графа Румянцева малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ. Какова была судьба дѣла священника Тимофеева при новомъ правителѣ, неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ дѣло это является типичнымъ образцомъ судебной волокиты, какая воцарилась въ Малороссіи въ XVIII ст.

О. Л.

Изъ народной памяти [1]. Среди разсказовъ о временахъ малороссійскихъ «гетьмáновъ», среди смутныхъ воспоминаній о давно минувшей жизни Украйны, въ особенности о ея войнахъ съ «Польщею»,— въ нашей мѣстности живетъ небезъинтересное сказаніе о знаменитомъ полковникѣ Семенѣ Палѣѣ. Вотъ это сказаніе:

«Вся эта земля (Малороссія) издавна была гетьмáнская, а дальше была земля Московская. Въ гетьмáнской землѣ жили все козаки; у каждаго козака былъ конь, сѣдло и сабля, и всѣ, кто только могъ, шли на войну,—только дѣти, старики да «жинки́» дома оставались. А правили этой землей гетьманы, которые жили въ Батуринѣ [2]. За Кіевомъ была еще земля—польская; поляки очень хотѣли завоевать козацкое войско, чтобы владѣть гетьмáнщиной. Только какъ они ни хитрили, а все-таки забрать гетьмáнщину имъ не удалось, потому что былъ въ Малороссіи одинъ такой воинъ, котораго никто завоевать не могъ. Звали этого богатыря Семенъ Палій. Бывало, пойдетъ онъ на войну и только глянетъ на ляшское войско, какъ тамъ и начнутся ссоры между собой да драки, а козацкаго войска не трогаютъ—боятся

---

[1]) Сообщено изъ с. Куреня, конотопскаго у.

[2]) Батуринъ въ 25 верстахъ отъ Куреня.

Палія. А все оттого, что слово такое сильное онъ зналъ, и этого слова его всѣ боялись, а на головѣ у него двѣнадцать огней горѣло; не всякій только человѣкъ эти огни видѣть могъ. Любили Палія гетьмáны, любили его и козаки. Но вотъ сдѣлался въ Батуринѣ гетьманомъ Мазепа и очень почему-то не полюбилъ Палія и задумалъ непремѣнно его погубить. Только силой онъ этого сдѣлать никакъ не могъ, а все сдѣлалъ хитростью: позвалъ Палія къ себѣ, «очаровалъ» его, заковалъ въ цѣпи и посадилъ въ острогъ. Тогда Палій и говоритъ Мазепѣ:—«Отпусти ты меня на свободу! я самъ, говоритъ, куда либо скроюсь и мѣшать тебѣ ни въ чемъ не буду,—дѣлай тогда, что хочешь». Послушалъ его Мазепа и отпустилъ на волю; а Палій какъ только вышелъ изъ острога, такъ неизвѣстно гдѣ и скрылся; говорятъ, будто замуровалъ себя живымъ въ землю. А какъ не стало Палія, то пришелъ въ гетьмáнщину съ войскомъ московскій царь и завоевалъ ее себѣ» [1]).

Есть въ нашей околицѣ разсказы и о другихъ герояхъ «ридной гетьмáнщины», но народная память не сохранила ихъ именъ; на ряду же съ этимъ фантазія народа создала много героевъ миѳическихъ, щедро надѣливъ ихъ и силою, и красотою, и мужествомъ, и любовью къ Украйнѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ непремѣнно и знаніемъ чего-то сверхъестественнаго. Въ одно и то же время они являются и богатырями героями, и колдунами-чародѣями; даже больше,—если отнять отъ нихъ чародѣйство, то они перестаютъ быть и героями.

Вообще нужно сказать, что вѣра въ существованіе вѣдьмъ, колдуновъ и т. под. чародѣевъ среди жителей Куреня не утрачена еще и до сихъ поръ; при чемъ, слѣдуя завѣтамъ предковъ, всѣхъ чародѣевъ куренцы обыкновенно дѣлятъ на два главныхъ класса—«ýченыхъ» и «прирождéнныхъ». «Прирождéнные» чародѣи, по мнѣнію народа, много сильнѣе своихъ «ýченыхъ» коллегъ и безъ труда во всякое время могутъ разрушить козни этихъ послѣднихъ; но «прирожденные» чародѣи встрѣчаются будто-бы очень рѣдко. Плодливѣй же всѣхъ оказывается порода вѣдьмъ; въ Куренѣ, какъ передаютъ мѣстныя сказанія, онѣ не переводились никогда. «Хиба жъ то можно, говорятъ куренцы, щобъ

---

[1]) Память о Мазепѣ, какъ измѣнникѣ и „проклятомъ“ человѣкѣ, живетъ въ народѣ еще и до настоящаго времени. По повѣрью народа—прокляты также и всѣ богатства гетмана, скрытыя будто-бы въ несмѣтномъ количествѣ въ землѣ.

село та було безъ видьмы?» При этомъ родоначальницей всѣхъ куренскихъ вѣдьмъ считаютъ ту, которая закляла рѣку.

Впрочемъ, другое мѣстное преданіе снимаетъ съ вѣдьмы всякую въ этомъ отвѣтственность, а виновникомъ исчезновенія рѣки считаетъ чабана. «Однажды, говоритъ преданіе, во время сильнаго разлива въ рѣкѣ утопилась цѣлая «отара» овецъ. Разсерженный чабанъ отыскалъ тогда «жерло», чрезъ которое «изъ-подъ земли» выходила рѣка, заткнулъ это отверстіе вовною, накрылъ сверху сковородой и «заклялъ». Скоро на этомъ мѣстѣ образовалось болото, а рѣка мало-по-малу начала высыхать. Умеръ и чабанъ, не открывъ никому, гдѣ и какъ «заперъ» онъ рѣку». По увѣренію куренцевъ «выпустить рѣку опять наружу» могъ только одинъ человѣкъ—именно діаконъ Авксентій Бунчуковъ, который зналъ всѣ продѣлки чародѣя-пастуха и могъ ихъ разрушить. Но о такихъ способностяхъ своего діакона куренцы узнали только тогда, когда Бунчуковъ былъ сосланъ въ Сибирь [1]).

Вспоминая старину, жители Куреня разсказываютъ, что будто вскорѣ послѣ того, какъ поселились здѣсь синельники, пришелъ еще человѣкъ и хотѣлъ поселиться рядомъ съ ними.—«Нѣтъ!» сказали синельники: «мы прежде тебя тутъ жить стали, поэтому *„земля эта наша“*, а ты иди ищи себѣ мѣста для селитьбы гдѣ либо еще». Во-

---

[1]) Бунчуковъ былъ въ Куренѣ съ 1837 по 1851 годъ. Въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія онъ организовалъ въ Куренѣ цѣлую шайку, которая не только грабила и разоряла болѣе или менѣе зажиточныхъ людей, но, какъ говорятъ, не останавливалась даже и передъ убійствами. Награбленное добро все сносилось къ Бунчуку, при домѣ котораго (домъ еще и теперь цѣлъ) было вырыто подземелье. Ими же была ограблена и своя приходская церковь. Въ концѣ концовъ, послѣ одного убійства, атаманъ въ рясѣ и всѣ его сподвижники попались въ руки правосудія. Бунчуковъ былъ лишенъ сана и сосланъ въ Сибирь. Разсказываютъ, между прочимъ, что когда явилась полиція, чтобы взять его, то долго не могла этого сдѣлать, такъ какъ Бунчуковъ заперся въ домѣ и съ оружіемъ въ рукахъ никого не пускалъ войти въ домъ. Чтобы взять его, полиція воспользовалась тѣмъ моментомъ, когда Бунчуковъ уснулъ; говорятъ, что жена напоила для этого его пьянымъ. Что послужило основаніемъ считать Бунчукова чародѣемъ—объяснить трудно. Ужъ не тѣ ли невинные фокусы (ввидѣ, напр., того, что рубль, спрятанный въ одномъ мѣстѣ, находили въ другомъ, что рюмки и стаканы двигались сами по столу), которые Бунчуковъ иногда продѣлывалъ передъ глазами простодушныхъ куренцевъ? Между тѣмъ легендъ про него, какъ про чародѣя, въ Куренѣ существуетъ очень много.

обще, по народному воспоминанію, въ то далекое время каждый, кто приходилъ сюда селиться, «бравъ соби земли, скилько хотивъ». Но тѣмъ не менѣе будто-бы споровъ за землю все-таки не было никакихъ. А одна изъ относящихся къ тому отдаленному времени мѣстныхъ легендъ разсказываетъ, что будто-бы каждому новому поселенцу Куреня при надѣленіи его землей давали въ руки стрѣлу; онъ пускалъ ее по извѣстному направленію изъ лука, и тамъ гдѣ стрѣла упадала, намѣчалась для новоприбывшаго граница земельнаго участка.

Жители Куреня искони занимались и занимаются земледѣліемъ; но въ прежнее время нѣкоторые изъ нихъ, преимущественно тѣ, которые имѣли въ семьяхъ достаточно рабочихъ рукъ, занимались еще чумачествомъ, совершая за лѣто двѣ, а иногда и три поѣздки въ Крымъ за солью. Принимались иногда за этотъ промыселъ и одиночки-хозяева, но въ большинствѣ случаевъ больше теряли, чѣмъ пріобрѣтали. Прекрасной иллюстраціей къ этому можетъ служить слѣдующій разсказъ одного изъ куренскихъ козаковъ о томъ, почему у него нѣтъ земли:

— «Мій дидъ (нехай винъ на тимъ свити царствуе)»,—говорилъ этотъ козакъ,—«мавъ земли чи мало! Тильки нема знать зъ чого стало—задумавъ дидъ чумаковать, а воливъ не було. Тоди дидъ згадавъ самъ соби такъ: «розминяю воливъ на землю!» Просылы, просылы его, щобъ винъ сёго не робывъ, а винъ все свое: «розминяю! продамъ!»—та й годи. И справди,—заразъ же пvilág Велыкодня проминявъ усю землю на пару воливъ, решето сухаривъ и визъ, сивъ на визъ и пойихавъ на Донщыну. А волы на дорози взялы та й подохлы. Зажурывся дидъ,—зоставсь у степу безъ воливъ и безъ грошей, тильки самъ визъ. Продавъ его дидъ, а самъ ледве-ледве до дому прыйшовъ—трохы не вмеръ. Оттакъ и зосталысь мы безъ шматка земли».

Но и этотъ козакъ увѣренъ, что неудача дѣда послѣдовала отъ того, что все «такъ ёму було пороблено».

Ив. Егоровъ.

Сербскіе выходцы въ Новороссіи и ихъ духовенство. Еще при Петрѣ Великомъ на югѣ Россіи, въ предѣлахъ нынѣшней екатеринославской губерніи, стали селиться выходцы изъ Сербіи, Македоніи, Молдавіи и Болгаріи. Число этихъ выходцевъ особенно начало увеличиваться въ царствованіе Елисаветы Петровны, которая принимала

живое участіе въ судьбѣ угнетенныхъ славянскихъ народовъ и, путемъ дипломатическихъ переговоровъ съ Вѣнскимъ дворомъ, выхлопотала австрійскимъ сербамъ позволеніе выселяться въ Россію и принимать русское подданство. Къ 1752 г. число подобныхъ переселенцевъ возрасло до 200 человѣкъ. Населенная часть екатеринославской губерніи получила названіе «Новой Сербіи». Въ церковно-административномъ отношеніи вновь населенный край указомъ св. Синода 1752 г. былъ подчиненъ вѣдомству кіевскаго митрополита, который долженъ былъ заботиться о построеніи здѣсь церквей, о назначеніи и посвященіи къ нимъ священно-и церковно-служителей и т. д. Сербскіе переселенцы предпочитали имѣть у себя своихъ же сербскихъ священниковъ. Неоднократно, по ихъ просьбамъ, генералъ-майоръ Иванъ Хорватъ, командиръ сформированныхъ изъ славянскихъ переселенцевъ пограничныхъ гусарскихъ полковъ, обращался къ тогдашнему м. кіевскому Тимофею Щербацкому «принять въ вѣдомство своей митрополіи священниковъ выходцевъ»... (Арх. Кіев. Дух. Конс. 1752 г. № 71). Священниковъ малороссовъ сербы, очевидно, не любили. Одинъ интересный документъ указываетъ намъ причину такого, на первый взглядъ, страннаго отношенія сербовъ къ священнослужителямъ мѣстнаго происхожденія. Въ 1752 г, сербскіе офицеры посылаютъ м. Тимоѳею Щербацкому доношеніе, въ которомъ просятъ его замѣнить имъ священниковъ малороссовъ священниками сербами, вышедшими вмѣстѣ съ ними изъ Австріи. Вотъ чѣмъ и какъ они мотивируютъ свою просьбу: «Нашъ языкъ сербскій, хотя съ россійскимъ согласенъ... обаче большая часть его, ово чрезъ многихъ иностранныхъ рѣченій, которыхъ отцы и праотцы наши, между иноплеменниками живучи, навикли, а оттуда и мы, не хотячи навикнути, принуждены быти (были?) ово чрезъ особливое свое природное рѣчей произношеніе малороссійскихъ людей вовсе не разумительный является, и насъ, исповѣдающихся здѣшними священники, вовсе не разумѣютъ»... (Арх. Кіев. Дух. Конс. 1752 г. № 226). М. Тимоѳей охотно исполнялъ подобныя просьбы сербовъ, выдавая подтвердительныя грамоты рекомендованнымъ Иваномъ Хорватомъ и его офицерами сербамъ священникамъ.

В. Д—скій.

Письмо А. Ф. Воронина [1]) къ Г. П. Галагану. Предлагаемое письмо А. Ф. Воронина къ учредителю коллегіи Г. П. Галагану любопытно какъ для исторіи этого заведенія, такъ и для характеристики взаимныхъ близкихъ отношеній между корреспондентами. Какъ видно изъ письма, А. Ф. Воронинъ взялъ на себя трудное дѣло—склонить знаменитаго педагога Константина Дмитріевича Ушинскаго (1824—70 г.) принять мѣсто директора въ предполагавшейся къ открытію въ Кіевѣ средней школѣ на новыхъ началахъ—коллегіи Павла Галагана. Къ сожалѣнію, тяжкое болѣзненное состояніе, въ которомъ находился Ушинскій, помѣшало ему, при всемъ живомъ сочувствіи новому дѣлу, принять въ немъ активное участіе.

Многоуважаемый Григорій Павловичъ!

Послѣ отсылки послѣдняго письма моего къ Вамъ, я получилъ отъ Ушинскаго извѣстіе, что братъ его въ Кіевѣ. Я поспѣшилъ отыскать его и лично передать ему ваше предложеніе, но къ сожалѣнію, получилъ положительный отказъ.

Константинъ Ушинскій состоитъ членомъ педагогическаго совѣта учебныхъ заведеній вѣдомства императрицы Маріи Θеодоровны, съ жалованьемъ 2500 руб. въ годъ и съ правомъ жить, гдѣ пожелаетъ. Дѣлу вашему онъ горячо сочувствуетъ, и сожалѣетъ, что не можетъ взяться за него по причинѣ разстройства здоровья, которое дѣйствительно въ крайне сомнительномъ положеніи. Онъ давно уже оставилъ Петербургъ, жилъ въ глуховскомъ уѣздѣ, на своей родинѣ, лѣто и въ сентябрѣ пріѣхалъ съ семьею въ Кіевъ, гдѣ и намѣренъ поселиться и купить себѣ домъ. На зиму Ушинскій по совѣту докторовъ уѣзжаетъ на южный берегъ Крыма и только весною предполагаетъ возвратиться къ семьѣ. Жаль этого господина: личность разумная, способная и одушевленная. Онъ глубокій знатокъ своего дѣла, которому посвятилъ всю жизнь свою. Его ученые труды доставили ему почетную извѣстность, а его живой, умный разговоръ дѣлаетъ бесѣду съ нимъ интересною и поучительною. Для вашего заведенія [2]) нельзя было ничего лучшаго желать, если бы онъ только могъ принять должность директора. Но онъ въ чахоткѣ, и сколько можно судить по совѣтамъ докторовъ, бо-

---

[1]) А. Ф. Воронинъ былъ чиновникомъ при канц. генералъ-губернатора.

[2]) Коллегія Павла Галагана.

лѣзнь его принимаетъ опасный характеръ На дняхъ онъ долженъ былъ выѣхать въ Крымъ, а между тѣмъ состояніе здоровья его таково, что ему не позволено и выходить изъ квартиры.

Словомъ, надежды на Ушинскаго для вашего заведенія никакой. Онъ заявилъ полную готовность служить Вамъ своею опытностью и знаніями въ дѣлѣ устройства и веденія Вашей коллегіи, если Вы захотите съ нимъ посовѣтоваться, и я думаю, что совѣтъ его и указанія могутъ быть не безъ пользы въ вашемъ благородномъ начинаніи.

Мы ждемъ Васъ здѣсь и не дождемся, а между тѣмъ узнали одну крайне непріятную новость. О. Ю. Милорадовичъ возвращается на зиму въ Кіевъ и не можетъ предоставить Вамъ свой домъ. Не знаю, извѣстила ли она Васъ объ этомъ, но во всякомъ случаѣ это дѣйствительно такъ, и на ея домъ Вамъ разсчитывать нельзя. Михаилъ Владиміровичъ [1]) переходитъ въ свой домъ, и его квартира у Ивенсена остается свободною. Она будетъ пригодна для Васъ, и не найдете ли нужнымъ удержать ее за собою; иначе не будете имѣть квартиры, и мы можемъ лишиться удовольствія провести съ Вами зиму въ Кіевѣ, куда призываетъ Васъ, кромѣ дѣла коллегіи и желанія вашихъ друзей, еще болѣе—общественное мнѣніе города. Оно требуетъ Васъ въ представители Кіева и на дняхъ у Н. Ар. Ригельмана были купцы здѣшніе за полученіемъ отъ него положительныхъ свѣдѣній о томъ, примете ли Вы должность головы. если Васъ изберутъ? На этотъ вопросъ они желаютъ имѣть положительный отвѣтъ, такъ какъ боятся, въ случаѣ вашего отказа послѣ избранія, получить голову, какого они не желаютъ, но какой можетъ быть кандидатомъ у Васъ. Николай Аркадьевичъ долженъ былъ написать Вамъ объ этомъ; но написалъ ли—не знаю.

Разрѣшите же сомнѣніе кіевскихъ жителей и утѣшьте вашихъ друзей; пріѣзжайте въ Кіевъ поскорѣе, а между тѣмъ поручите занять квартиру въ домѣ Ивенсена.

Въ ожиданіи скораго свиданія прошу передать мой усердный поклонъ Екатеринѣ Васильевнѣ и вѣрить совершенной преданности.

А. Воронинъ.

10 окт. 1870.

---

[1]) Юзефовичъ.

Къ исторіи полтавскаго ополченія 1812 года. Извѣстно, что въ 1812 г. полтавскимъ дворянствомъ было организовано земское ополченіе для войны съ французами. Начальникомъ этого ополченія сами же дворяне избрали генералъ-маіора князя Филиппа Жевахова. Онъ происходилъ изъ грузинъ, поселенныхъ въ Малороссіи въ царствованіе Анны Іоанновны, гдѣ имъ были розданы имѣнія и небольшое количество крестьянъ. По окончаніи войны въ 1812—1814 г.г. князь Ф. Жеваховъ жилъ въ м. Бѣликахъ, кобелякскаго уѣзда, претерпѣвая нужду. Средствъ у него, кромѣ небольшой пенсіи, никакихъ не было. Въ 1817 г. онъ подалъ малороссійскому генералъ-губернатору кн. Репнину прошеніе объ исходатайствованіи ему увеличенной пенсіи. Прошеніе это интересно въ томъ отношеніи, что въ немъ сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія о военныхъ дѣйствіяхъ полтавскаго ополченія и его участіи въ борьбѣ съ французами. Вотъ текстъ этого прошенія:

Ваше Сіятельство, Милостивый Государь!

Удостоинъ будучи благороднымъ дворянскимъ сословіемъ полтавской губерніи званіемъ губернскаго начальника въ ополченіе оной губерніи, не щадя при позднихъ моихъ лѣтахъ здоровья, изъ усердія къ всемилостивѣйшему государю императору нашему и отечеству составленное на отраженіе врага, вторгшагося было въ предѣлы Россіи, формировалъ я оное, на основаніи опредѣленія, іюля въ 31 день 1812 года собраніемъ дворянства утвержденнаго, въ 15 повѣтахъ, въ протеченіи одного мѣсяца. Давъ сему войску первоначальное образованіе—сколько тогдашнія обстоятельства и двухмѣсячное время позволили, выступилъ съ онымъ въ походъ, по повелѣнію начальства, ноября 1, 1812 года; слѣдовалъ форсированнымъ маршемъ на границы черниговской губерніи, оттоль, не останавливаясь ни мало, въ могилевскую губернію; съ 1 декабря 1812 года, черезъ минскую въ волынскую, и наконецъ въ февралѣ и мартѣ мѣсяцахъ 1813 г. въ герцогство варшавское, а за прибытіемъ въ оное поступилъ со всѣмъ ополченіемъ въ корпусъ генералъ-лейтенанта и кавалера Рота, блокировавшаго крѣпость Новое Замостье, гдѣ въ содержаніи блокадной сей крѣпости находился по день ея сдачи на капитуляцію, ноября по 13—число 1813 года. Въ продолженіи бытности моей въ корпусѣ генералъ-лейтенанта Рота, по повелѣнію главнокомандующаго всѣми арміями генерала-фельдмаршала кн. Голенищева-Кутузова Смоленскаго, пере-

формировалъ ввѣренное мнѣ полтавское дворянское ополченіе изъ повѣтовыхъ въ полки, составя оное въ 4 пѣхоты и 7 полковъ конныхъ, и какъ сіи, такъ и особо оныхъ всѣ полтавскіе конно-козачіе полки подъ командою моею находились по день роспуска въ домы ихъ. За отпускомъ, въ окончаніи 1814 года, ополченія мнѣ ввѣреннаго, по высочайшему соизволенію, въ домы свои, объявлено оному за труды и подвиги его монаршее благоволеніе, а я сверхъ того, во время собранія дворянства полтавской губерніи, бывшаго въ началѣ 1815 года, получилъ отъ онаго благодарность. Я, не имѣвши ни малѣйшаго числа собственныхъ крестьянъ и земли, питаюсь съ прислугою моею всемилостивѣйше пожалованнымъ по чину моему половиннымъ числомъ пансіономъ, размышляя улучить время объяснить лично прискорбіе мое и крайнее неимущество вашему сіятельству; но къ сугубому моему нещастію, болѣе мѣсяца одержимъ я болѣзнію. которая лишила меня личнаго къ вашему сіятельству, въ щастливый день, во время всемилостивѣйшаго государя моего въѣзда въ городъ Полтаву, предстательства; а по сей причинѣ вашего сіятельства всепокорнѣйше прошу, во уваженіе долговременной моей службы, позднихъ лѣтъ и крайняго моего малоимущества, по человѣколюбію вашему, исходатайствовать мнѣ всемилостивѣйшую награду, производствомъ по чину моему полнаго пансіона, чѣмъ заставите меня чувствовать и благодарнымъ вашему сіятельству быть по гробъ мой.

Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть, сіятельнѣйшій князь, милостивый государь, вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга князь Филиппъ Жеваховъ.

Сентябри 9 дня, 1817 г. Кобелякскаго повѣта, м. Бѣлики.

На другой же день, по полученіи этого прошенія, князь Репнинъ отвѣтилъ просителю письмомъ, въ которомъ выразилъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ готовность оказать ему содѣйствіе и просилъ только доставить нужныя бумаги.

Удалось ли получить князю Жевахову желаемое, изъ дѣла не видно. (Архивъ Полтав. Губ. Правленія, по описи № 41).

Сообщ. **И. Ф. Павловскій.**

Пребываніе Карла XII-го въ Ромнахъ. Въ 1708 году, во время нашествія шведовъ въ Россію, король шведскій Карлъ XII-й, успѣвшій вторгнуться уже въ Полтавскую губернію, 18 ноября вмѣстѣ

съ Мазепой занялъ городъ Ромны, гдѣ на зимнихъ квартирахъ расположилъ главную часть своего войска. Узнавши о томъ, что русскіе собираются напасть на Гадячъ (въ 34 верст. отъ Роменъ), занятый четырьмя шведскими полками, Карлъ XII-й 16 декабря поспѣшилъ на помощь своимъ, а въ его отсутствіе русскій генералъ Николай Алартъ († въ 1729 г.), въ ночь на 18 декабря овладѣлъ Ромнами. Мазепа за два часа до прихода русскихъ убѣжалъ изъ Роменъ и едва было не попался въ плѣнъ. Хотя послѣ русское войско опять отступило къ Лебедину (Харьковской губ.), но гарнизонъ, находившійся въ Ромнахъ, долго сопротивлялся шведамъ. Впрочемъ, Роменская крѣпость не могла держаться долго: она была обнесена полисадами, земляной валъ безъ болверковъ [1]) и незначительный ровъ окружали ее. Не взирая на это, русскіе въ холодную зиму обливали валъ водою, отвергли предлагаемую имъ капитуляцію и удачно отразили два приступа. По возвращеніи Карла XII-го изъ Зѣнькова, шведы вновь аттаковали крѣпость и взобрались уже на валъ... Но осажденные такъ удачно сбросили непріятеля съ ледяной поверхности укрѣпленій, что при этомъ случаѣ шведы потеряли до 1200 человѣкъ убитыми и до 2000 ранеными. Наконецъ, ослабленный гарнизонъ, въ числѣ 1100 человѣкъ, при истощенныхъ запасахъ, не надѣялся выдержать новаго приступа и 7 января 1709 года сдался на капитуляцію.

Домъ, въ которомъ Карлъ XII-й квартировалъ тогда въ Ромнахъ, очень измѣненный и перестроенный на прежнемъ мѣстѣ, и теперь еще существуетъ. Въ то время онъ принадлежалъ помѣщику Михельскому и находился внутри крѣпости въ небольшомъ проулкѣ, носившемъ впослѣдствіи названіе Королевской улицы, выходящемъ нынѣ на Большую Роменскую и Духовскую улицы. Въ началѣ же нынѣшняго столѣтія онъ принадлежалъ помѣщику Тимоѳею Нѣжинцеву, затѣмъ достался сыну его Ѳедору, отставному подпоручику, который совершенно перестроилъ его въ 1850 годахъ, уничтоживъ, такимъ образомъ, и балку въ одной изъ комнатъ съ надписью о квартированіи въ немъ шведскаго короля Карла XII-го. Послѣ смерти Ѳедора Нѣжинцева (4 апрѣля 1865 года), домомъ этимъ владѣла жена его Аполлинарія Лаврентьевна, а потомъ продала отставному подпоручику Андрею Ивановичу Соломахѣ. Соломаха, въ свою очередь, продалъ его въ

[1]) Болверкъ—деревянная стѣна.

1881 году мѣщанину **Нохиму Симхову Сатановскому, который** продалъ его въ 1885 году дворянину **Алексѣю** Андреевичу **Сененку,** а последній—въ 1892 году купцу **Ханону** Израилевичу **Левитину;** ему домъ этотъ принадлежитъ и по настоящее время. Въ 1708 году сказанный домъ, небольшой, деревянный, бывшій подъ соломенной крышей съ плетневою завалиной, заключалъ въ себѣ пять комнатъ и сѣни. Расположеніе въ немъ квартиры шведскаго короля, по преданію, было слѣдующее: изъ сѣней направо была его канцелярія, налѣво—залъ, прямо прихожая, изъ прихожей направо—кабинетъ, налѣво—гостинная. (Сообщ. В. Е. Бучневичъ въ Полт. Губ. Вѣд. № 4).

На юбилейный даръ Н. В. Лисенку. Въ дополненіе къ раньше присланнымъ въ нашу редакцію 6717 р. 18 к. (см. № 2), вновь поступило: 1) (Ал. Л. Берло—5 р,; 2) св. Тамаренко—3 р.; 3) собрано Д—скимъ—6 р.; 4) Фесенко—10 р., 5) Я. С. Руденко—1 р.; 6) А. И. Шафранскій—1 р.; 7) А. А. Тулубъ—5 р., 8) П. Ф. Тушканъ—50 р.; 9) Г. И. Маркевичъ—30 руб.; 10) Н. А. Дмитріевъ—100р.,—всего вмѣстѣ съ прежними *6928 руб. 18 коп.,* изъ которыхъ 1021 руб. 40 к. предназначены на изданіе сочиненій Н. В. Лисенка, 286 руб.—въ билетѣ дворянскаго съ выигрышами займа, а 5620 руб. 78 коп.—на пріобрѣтеніе дачи. Сверхъ того имѣется на музыкальную школу имени Н. В. Лисенка—214 р. 49 к.

Текущія извѣстія.

Чествованіе Н. В. Лисенка въ Петербургѣ. Въ № 351 «Полтавск. Вѣстника» напечатана слѣдующая корреспонденція о концертѣ, устроенномъ 18 февраля въ Петербургѣ въ честь Н. В. Лисенка.

Грандіозный концертъ, устроенный въ этотъ день Обществомъ имени Т. Г. Шевченка, составленъ былъ исключительно изъ музыкально-вокальныхъ произведеній Н. В. Лисенка.

Концертъ начался увертюрой изъ оп. «Риздвяна ничъ», прекрасно исполненной оркестромъ подъ управленіемъ С. В. Зарембы. Подъ управленіемъ того-же г. Зарембы выступилъ громадный, превосходно составленный хоръ, участниками котораго, въ количествѣ

около 120 человѣкъ, явились: нѣкоторые пѣвцы придворной пѣвческой капеллы, нѣсколько артистовъ и учениковъ и учениц С.-пб. консерваторіи, члены Петербургскаго пѣвческаго „украинського гурту“, посторонния лица—преимущественно изъ учащейся молодежи. Аккомпанировалъ на роялѣ знатокъ украинской музыки С. М. Блуменфельдъ.

Въ роли солистовъ и солистокъ выступили: артисты Императорскихъ театровъ—Г. А. Морской, М. М. Чупрынниковъ, И. С. Григоровичъ и В. Я. Майборода; г-жи: артистка русской оперы Е. А. Орель, А. Д. Ларина, Р. Ѳ. Петренко. Особенно шумный успѣхъ выпалъ на долю Г. А. Морского, исполнившаго: „По диброви витеръ віе“ и „У мене бувъ коханый ридный край“ (дважды), и молодой пѣвицы—ученицы консерваторіи Е. Ѳ. Петренко, которая спѣла „Чого мени тяжко, чого мени нудно“ (дважды) и „Не вернувся изъ походу“; сильное впечатлѣніе на слушателей произвела также Каватина Андрія изъ оперы „Тарасъ Бульба“ („Не спытся щось“)—въ исполненіи М. М. Чупрынникова.

Лучшими номерами программы можно назвать слѣдующіе: дуэтъ „Колы розлучаются двое“, прекрасно исполненный названными выше г.г. Морскимъ и Григоровичимъ; сцена и финалъ 1-го акта оперы „Різдвяна нічъ“, исполненные хоромъ и оркестромъ, при участіи г. Морского и г-жъ Лариной и Петренко; кантата „Бьють пороги, мисяць сходыть“ въ превосходномъ исполненіи которой, вмѣстѣ съ хоромъ и оркестромъ, принимали участіе г.г. Морской, Григоровичъ и профессоръ консерваторіи Н. Н. Кедровъ и г-жи: Ларина и Петренко.

Въ залѣ присутствовалъ самъ виновникъ празднества - Н. В. Лисенко, сидѣвшій въ креслѣ перваго ряда. Н. В. Лисенко удостоился самыхъ шумныхъ овацій со стороны исполнителей программы, устроителей вечера и публики; въ честь его нѣсколько разъ исполненъ былъ оркестромъ тушъ. Наконецъ, по желанію публики, при громѣ рукоплесканій, Н. В. всходитъ на эстраду и исполняетъ на роялѣ нѣсколько небольшихъ отрывковъ изъ своихъ произведеній, послѣ чего ему подносятъ серебряный вѣнокъ, напоминающій формою своею лиру.

Вечеръ закончился въ исходѣ 12 часа ночи пѣніемъ кантаты „Бьють пороги, мисяць сходыть“. Торжественно звучали въ залѣ, залитомъ электричествомъ и переполненномъ публикою, слова „батька“,

Т. Г. Шевченка: „Наша дума, наша писня не вмре, не загыне,.. наша слава не поляже“...

Вечеръ 18 февраля наглядно показывалъ исполненіе пожеланій и предсказаній великаго украинскаго поэта...

Необычнымъ на вечерѣ было—совершенное отсутствіе малороссійскихъ костюмовъ въ хорѣ и въ публикѣ.

Несмотря на отличное исполненіе программы концерта, вечеръ не далъ совершенно полнаго сбора, назначеніе котораго—вспомоществованіе недостаточнымъ петербургскимъ студентамъ изъ малороссовъ.

Въ полночь мы расходились съ вечера, съ праздничнымъ, бодрящимъ настроеніемъ въ душѣ и съ сердцемъ, согрѣтымъ пѣснями далекой, милой родины—Украины.

Засѣданіе комитета по сооруженію въ Полтавѣ памятника Н. В. Гоголю. 28 января, въ губернскомъ домѣ, подъ предсѣдательствомъ начальника губерніи, состоялось первое засѣданіе комитета по сооруженію въ гор. Полтавѣ памятника Н. В. Гоголю. Открывъ засѣданіе, начальникъ губерніи сообщилъ, что Государю Императору благоугодно было разрѣшить, по ходатайству Полтавской думы, всероссійскую подписку для сбора пожертвованій на сооруженіе памятника Н. В. Гоголю, для чего долженъ быть образованъ, подъ предсѣдательствомъ губернатора, особый комитетъ. По полученіи высочайшаго соизволенія, начался сборъ пожертвованій, которыхъ до настоящаго времени поступило 4063 р. 55 к., такъ какъ активныхъ дѣйствій въ этомъ отношеніи не предпринималось. Начальникъ губерніи полагалъ бы обратиться съ воззваніемъ къ г.г. губернаторамъ, предводителямъ дворянства, къ земскимъ и городскимъ управленіямъ и прочимъ учрежденіямъ, но находитъ, что разсылать такія воззванія въ данный моментъ, при настоящихъ политическихъ условіяхъ, неудобно. Съ этимъ доводомъ комитетъ вполнѣ согласился и постановилъ просить г. предсѣдателя разослать эти воззванія вышеуказаннымъ лицамъ и учрежденіямъ тогда, когда наступитъ для этого благопріятное время.

Затѣмъ начальникъ губерніи предложилъ, во 1-хъ, обратиться къ мѣстной гор. думѣ объ отводѣ мѣста для постановки памятника, находя наиболѣе подходящимъ для этого уголъ Мало-Петровской и Гоголевской улицъ, съ устройствомъ сквера на протяженіи отъ Мало-

Петровской до Кузнецкой улицъ, и во 2-хъ, обсудить вопросъ объ изготовленіи проекта памятника, который, вмѣстѣ съ скверомъ, стоилъ бы около 50 т. р. Первое предложеніе было принято единогласно, а по второму комитетъ постановилъ обратиться къ содѣйствію художника-скульптора Л. В. Позена и просить члена комитета Н. В. Быкова: а) собрать свѣдѣнія объ участникахъ конкурса по составленію проектовъ на сооруженіе памятника въ Москвѣ и б) доставить комитету, если возможно, фотографіи съ остальныхъ ихъ проектовъ. Кн. Н. П. Урусовъ и С. Е. Бразоль выразили готовность лично осмотрѣть эти проекты во время предполагаемаго ими посѣщенія Москвы. Затѣмъ комитетъ, согласно предложенія члена Г. И. Маркевича, постановилъ: просить Гор. думу установить особый сборъ съ театральныхъ билетовъ, что представляется вполнѣ умѣстнымъ, такъ какъ просвѣтительныя зданія въ Полтавѣ посвящены имени Н. В. Гоголя.

Въ заключеніе постановлено просить мѣстныя газеты объявить, что *сборъ пожертвованій на памятникъ Н. В. Гоголю принимается въ редакціяхъ „Полт. Губ. Вѣдом.“ и „Полтавскаго Вѣстника“.*

Организація меморіальнаго отдѣла при историко-филологическомъ Обществѣ въ Харьковѣ. Отъ вдовы покойнаго украинскаго поэта Як. И. Щоголева (воспитанника харьков. университета и товарища Н. И. Костомарова) Е. В. Щоголевой поступили разные документы и предметы меморіальнаго характера въ историко-филологическое Общество при университетѣ. Историко-филологическое Общество испросило у правленія небольшую сумму на устройство меморіальнаго отдѣла въ память Я. И. Щоголева для предстоящей юбилейной выставкѣ. Въ этомъ отдѣлѣ будутъ: письменный столъ Я. И. Щоголева, его рабочее кресло, портфель, линейки, портреты, фотографіи, неизданные автобіографическіе матеріалы, письма Костомарова, Гулакъ-Артемовскаго и др.. Кромѣ того, отъ Е. В. Щоголевой поступаетъ небольшое количество старинныхъ бумагъ.

Къ положенію фонда на устройство въ Полтавѣ школы имени И. П. Котляревскаго. Литературное утро и спектакль, состоявшіеся въ дни чествованія памяти Котляревскаго, дали свыше 1500 р. валового дохода, каковая сумма полностью должна была бы поступить въ фондъ на постройку школы имени писателя, но управа

изъ нея взяла 800 руб. на покрытіе расходовъ по утру и спектаклю и 390 р. на пополненіе перерасхода по устройству торжества открытія памятника. Дума, не соглашаясь съ такого рода комбинаціей, своевременно высказалась въ томъ смыслѣ, что какъ 800, такъ и 390 р. должны быть возвращены фонду изъ общихъ городскихъ средствъ. Бюджетная коммиссія рѣшила въ расходную смѣту 1904 года внести лишь 390 р. въ видѣ возврата позаимствованій изъ фонда, а въ отношеніи 800 р. оставила вопросъ открытымъ до болѣе благопріятнаго времени. Дума согласилась съ заключеніемъ бюджетной коммиссіи.

Разсылка извѣщеній отъ полтавской городской управы. Городская управа теперь только начала разсылать всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, приславшимъ Полтавѣ свои привѣтствія, по поводу открытія памятника Котляревскому, извѣщеніе о томъ, что ихъ привѣтствія, не прочитанныя во время торжествъ въ виду извѣстнаго распоряженія правительства, будутъ заслушаны думой лишь по разрѣшеніи сенатомъ ея жалобы по вопросу о правильности воспрещенія читать на торжествахъ малорусскія привѣтствія. Выражая благодарность города за привѣтствіе, управа въ своемъ извѣщеніи приводитъ исторію вопроса, предшествовавшую принесенію жалобы сенату, въ той редакціи, которая утверждена думой. («Полт. Вѣстн.», № 324, янв. 22).

Панихида по Т. Г. Шевченку въ Кіевѣ. 29 февраля въ Кіево-Софійскомъ соборѣ была отслужена панихида по Т. Г. Шевченку въ 43-ю годовщину его смерти. Богослуженіе совершалъ каѳедральный протоіерей въ сослуженіи двухъ священниковъ и двухъ діаконовъ; превосходно пѣлъ извѣстный въ Кіевѣ хоръ г. Калишевскаго. Храмъ былъ переполненъ почитателями памяти поэта, среди которыхъ было очень много учащейся молодежи изъ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Лекціи по исторіи малорусской литературы. Въ текущемъ полугодіи въ зданіи университета въ Кіевѣ устроенъ Историческимъ Обществомъ Нестора-лѣтописца рядъ публичныхъ лекцій, среди которыхъ заслуживаютъ особеннаго для насъ, южанъ, интереса лекціи

проф. В. Н. Перетца по исторіи малорусской литературы, начиная отъ древнѣйшихъ временъ. До сихъ поръ почти всегда обычно древній періодъ южно-русской (малорусской) литературы вносился въ общій курсъ русской письменности, хотя, для единства картины культурной жизни нашего юга, гораздо правильнѣе планъ уважаемаго профессора В. Н. Перетца—разсмотрѣть въ послѣдовательномъ рядѣ литературныхъ фактовъ, какъ шло развитіе письменности въ Южной Руси подъ вліяніемъ разнообразныхъ условій, какъ историческихъ, такъ и бытовыхъ, пока съ совершенно опредѣленной физіономіей не обозначилась типичная малорусская литература въ XVI и особенно въ XVII-хъ вѣкахъ. Лекціи проф. В. Н. Перетца охотно посѣщаются публикой и вызываютъ въ слушателяхъ глубокій интересъ.

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЧИНЫ.

Положеніе русинскихъ школъ въ Галичинѣ. Читателямъ нашимъ извѣстно уже, какъ остро стоялъ въ послѣднее время въ Галичинѣ вопросъ о русинскихъ школахъ; особенно рѣзко этотъ вопросъ обозначился на сеймѣ во Львовѣ, когда русинскіе послы принуждены были сложить полномочія изъ-за отказа большинства польскихъ пословъ открыть русинскую гимназію въ Станиславовѣ. Подобные-же отказы періодически повторяются и въ другихъ случаяхъ, касаясь, конечно, болѣе мелкихъ фактовъ. Такъ, въ № 25 «Діла» встрѣчаемъ сообщеніе, что въ Яворовѣ мѣстное отдѣленіе Товар. «Просвіта« ходатайствовало предъ управой о субсидіи русинской бурсѣ, которая воспитываетъ учениковъ народныхъ школъ, приготовляющихся къ поступленію въ среднія школы, но получило отъ правительственнаго комисара извѣщеніе объ отказѣ. Не менѣе характеренъ и фактъ, разсказаный въ корреспонденціи изъ Жовквы о томъ, какъ польскія власти выискиваютъ разные способы закрыть мѣстную одноклассную народную школу съ преподавательскимъ русинскимъ языкомъ, при чемъ, когда не состоялся первый проектъ преобразовать эту школу въ четырехклассную (конечно, съ польскимъ предподавательскимъ языкомъ), то, пользуясь теперь уходомъ въ отставку учителя, домогаются временнаго закрытія школы, какъ выражается корреспондентъ, *ad calendas graecas*.

Утраквизмъ въ среднихъ школахъ. Подъ такимъ заглавіемъ напечатанъ въ № 35 газ. «Діло» рефератъ д-ра И. Копача, читанный имъ въ общемъ собраніи Педагогическаго Общества во Львовѣ. Сущность реферата сводится къ тому, что средняя школа, обязанная выработать въ своихъ воспитанникахъ «шляхетный, освиченый характеръ», т. е. создать изъ него благороднаго и здравомыслящаго человѣка, пользуется для этихъ цѣлей прежде всего языкомъ преподаванія. Языкъ этотъ долженъ быть роднымъ, такъ сказать—воспринятымъ съ молокомъ матери, чтобы онъ могъ одинаково оказывать воздѣйствіе и на умъ и на чувство учащагося. Чужой языкъ, хотя и можетъ путемъ изученія и навыка сдѣлаться вполнѣ понятнымъ и усвоеннымъ, но дается это не безъ ущерба для природы учащагося. Можно-ли при такихъ условіяхъ говорить объ утраквизмѣ въ среднихъ школахъ, т. е. о веденіи преподаванія въ школѣ на двухъ языкахъ—польскомъ и русинскомъ, что́ такъ пропагандируется поляками (въ видѣ уступки) въ послѣднее время. Вѣдь это значило-бъ создать для юноши два родныхъ языка, чего никогда не можетъ быть, ибо языкъ одинъ отъ другого отличаются не только формами, но и духомъ. Вотъ на этомъ-то отличіи и останавливается авторъ реферата, дѣлая въ концѣ концовъ выводъ, что избранный методъ примиренія двухъ народностей въ Галичинѣ, т. е. утраквизмъ школьный, не можетъ достигнуть своей цѣли.

Къ вопросу о выходѣ изъ сейма русинскихъ пословъ. Какъ извѣстно, громадное большинство галицкой интеллигенціи и селянъ весьма сочувственно отнеслось къ выходу русинскихъ пословъ изъ львовскаго сейма, и только органъ москвофильскій «Галичанинъ» держалъ себя въ этомъ отношеніи совсѣмъ иначе, возводя на многихъ изъ пословъ всяческія обвиненія и клеветы. Тѣмъ любопытнѣе является фактъ вича въ Золочевѣ, созванномъ москвофильскою организаціей «Русскою Радою» въ началѣ февраля мѣсяца для выслушанія отчета посла-сецессіониста, д-ра Короля. На этомъ собраніи, гдѣ присутствовало около 900 человѣкъ, послѣ длинной рѣчи д-ра Короля, раздались шумные апплодисменты и крики одобренія за выходъ его вмѣстѣ съ другими послами изъ галицкаго сейма, а въ заключеніе выражено было порицаніе «Галичанину» за его нападки на пословъ-сецессіонистовъ и между прочими на д-ра Короля, который самъ счи-

таетъ себя *старорусиномъ,* но все-таки не избѣжалъ клеветы со стороны «Галичанина».

Полковый языкъ. Подъ такимъ заглавіемъ помѣщена въ № 26 «Діла» статья, протестующая противъ рѣчи военнаго министра Питрайха, который предлагаетъ, чтобы офицеры австрійской арміи знали языкъ той страны, которая даетъ главный контингентъ солдатъ въ полку, для чего и въ кадетскихъ школахъ должны преподаваться соотвѣтственные языки; но при этомъ министръ Питрайхъ для Галичины признаетъ только языкъ польскій. Въ статьѣ совершенно основательно указывается на то, что въ австрійской арміи служитъ столько-же поляковъ, сколько и русиновъ, и потому предпочтеніе въ Галичинѣ польскаго полкового языка предъ русинскимъ будетъ одною изъ тѣхъ несправедливостей, какими вообще богата жизнь русиновъ.

Борьба партій молодежи въ Буковинѣ. Въ № 28 газ. «Діло» напечатана статья «Лысты зъ Буковыны», которая знакомитъ читателя съ обликомъ буковинца вообще и съ партіями молодежи въ Черновцахъ въ частности. Указавъ на то, что галичане и буковинцы, въ силу различно сложившихся условій ихъ историческаго прошлаго, смотрятъ другъ на друга съ какимъ-то взаимнымъ пренебреженіемъ, авторъ писемъ сообщаетъ, что буковинцы вообще еще довольно слабы въ проявленіяхъ своего національнаго самосознанія, находясь подъ сильнымъ вліяніемъ нѣмецкой культуры. Сказывается это въ томъ, напримѣръ, что сыновья и дочери очень видныхъ общественныхъ дѣятелей буковинскихъ, какъ выражается авторъ, «цвенькають лыше по нимецьки», а «де-яки не знають навить руского пысьма». Такое положеніе вещей отзывается очень печально на молодежи, особенно женской, которая стыдится родного слова не только на улицѣ, но и въ разговорахъ домашнихъ другъ съ другомъ. Отношенія между учащеюся молодежью въ Черновцахъ представляютъ особый интересъ. Нѣсколько лѣтъ учащаяся буковинская молодежь группировалась въ *товарыстви «Союзъ»*, но это товарыство въ 1900 году распалось, выдѣливши изъ себя новое товарыство «Молоду Украину». Главной причиной распаденія были недоразумѣнія между буковинцами и пріѣхавшими въ черновецкій университетъ галичанами; впрочемъ, недоразу-

мѣнія эти не носили на себѣ характера принципіальныхъ разногласій, а держались больше на томъ, что буковинцы, воспитанные въ духѣ уваженія личностей и не привыкшіе къ критикѣ и болѣе острому заявленію своихъ мнѣній, нападали на галичанъ, которые, считая себя культурнѣе первыхъ, выступали всегда съ вызывающимъ тономъ. Хотя фактъ этотъ самъ по себѣ и печаленъ, но онъ имѣлъ одну хорошую сторону: двѣ партіи эти, конкурируя другъ съ другомъ, работали съ особенной энергіей. Понемногу, однако, удалось старшему поколѣнію примирить обѣ партіи и соединить ихъ опять въ одно общее товарыство «Сичъ», основавшееся въ 1902 году. Эти два года жизни кружка не дали, однако, ничего утѣшительнаго: несогласія двухъ партій продолжались; споровъ велось много, а дѣла не было сдѣлано никакого. Въ концѣ концовъ осенью 1903 года опять выдѣлилась изъ «Сичи» часть молодежи и образовала вновь товарыство «Союзъ», которое будетъ продолжать традиціи давняго «Союза».

Эти всѣ разногласія среди молодежи даютъ свой отзвукъ и на старомъ поколѣніи, гдѣ тоже идетъ какъ-бы вражда между автохтонами—буковинцами и пришлецами—галичанами. И такъ, заканчиваетъ авторъ писемъ учащаяся молодежь разбита на враждебные лагери, въ старшемъ поколѣніи тоже замѣчается разладъ, а сельское населеніе политически мало освѣдомлено и не воспитано. А вѣдь лѣтомъ предстоятъ новые выборы въ сеймъ!

Помѣстивъ эти неотрадныя строки корреспондента, редакція «Діла» отъ себя прибавляетъ замѣтку, гдѣ высказываетъ надежду, что, несмотря на долголѣтнюю разрозненность украинской земли, явится сознаніе культурнаго и національнаго единства, и тогда исчезнуть взаимные антагонизмы и различія среди одного народа: «ты—буковинецъ, ты—галичанинъ, ты—украинецъ».

Черновецкій университетъ и составъ его слушателей. Изъ напечатаннаго списка лекцій на лѣтнее полугодіе въ Черновецкомъ университетѣ узнаемъ о статистикѣ слушателей университета въ минувшемъ зимнемъ полугодіи, а именно: на богословскомъ факультетѣ—71, на юридическомъ—386, на философскомъ—241. Большинство слушателей родомъ изъ Буковины—515; изъ Галичины—117, изъ другихъ австрійскихъ странъ—по одному, по два. По разговорному языку слушатели распредѣлялись такъ: нѣмецкій яз.—377, румунскій—179, ру-

синскій—63, польскій—42, сербскій—10, чешскій—3, русскій—14, болгарскій—7.

Проектъ памятника Шевченку въ Черновцахъ. Въ газ. «Буковина» напечатано воззваніе товарыства буковинскихъ студентовъ «Сичъ» о сборахъ на памятникъ Шевченку въ Черновцахъ Памятникъ долженъ быть поставленъ къ 1914 году, т. е. къ столѣтію со дня рожденія поэта.

Поправка. Въ № 2 „Кіевской Старины" въ замѣткѣ отдѣла „Вѣсти изъ Галичины" подъ заглавіемъ „Культурная работа двухъ лагерей въ Галичинѣ» оказался пропускъ словъ, значительно измѣняющихъ смыслъ. Было сказано, что «Литер.-Науковый Вистныкъ» имѣетъ въ Галичинѣ «всего лишь 144 подписчика»; слѣдуетъ прибавить два слова: „*среди духовенства*".

БИБЛІОГРАФІЯ.

Обзоръ украинскихъ изданій 1903-го года.

Оживленіе издательства украинскихъ книгъ, начавшееся въ Россіи съ конца 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія, особенно усилилось въ послѣдніе 2—3 года и въ минувшемъ году достигло весьма значительныхъ размѣровъ. Въ этомъ году появился цѣлый рядъ интересныхъ во многихъ отношеніяхъ изданій, дающихъ публикѣ солидный матеріалъ для чтенія всѣхъ видовъ литературнаго творчества. Особеннаго вниманія заслуживаютъ изданія, представляющія собраніе сочиненій нѣкоторыхъ украинскихъ авторовъ. Такъ, въ Кіевѣ, положено начало собранію сочиненій трехъ извѣстныхъ украинскихъ писателей. Здѣсь изданы: a) I т. *„Творивъ“ Панаса Мырного*, заключающій въ себѣ 8 разсказовъ этого почтеннаго писателя старшаго поколѣнія (см. рецензію въ VI кн. „Кіевской Старины“); b) *„Пысання“ т. I*, содержащія стихотворенія Б. Гринченка, даровитаго автора, успѣвшаго уже составить себѣ имя въ украинской литературѣ (см. рецензію въ кн. XII); и c) *„Оповидання“ М. Коцюбинського* т. I, гдѣ собрана значительная часть произведеній нашего молодого, талантливаго писателя-новеллиста (см. рецен. въ кн. X). Кромѣ того, въ Кіевѣ, въ качествѣ 10 номера серіи „украинской библіотеки“, изданъ I томъ весьма любопытныхъ разсказовъ галицкаго писателя *Т. Бордуляка*, подъ названіемъ *„Оповидання зъ галыцкого жыття“*.

Въ Одессѣ продолжено изданіе произведеній покойнаго писателя О. Я. Кониссrкаго: выпущенъ IV-й т. его *„Творивъ“* (см. реценз. въ

кн. IV). Тамъ же изданы III и IV т. *„Драмъ и комедій“* почтеннаго украинскаго драматурга *Ив. Тобилевича (Карпенка-Карого),* куда вошло шесть извѣстныхъ уже публикѣ пьесъ автора: *„По-надъ Днипромъ“*, *„Хазяинъ“*, *„Лыха искра“*; *„Чумакы“*, *„Сава Чалый“*, *„Пидпанкы“* (см. реценз. въ кн. VI и IX).—Въ Харьковѣ изданъ III т. *„Повного збирныка творивъ“ М. Кропивницького,* выдающагося представителя украинской драмы болѣе ранняго періода ея развитія. Лучшая драма настоящаго сборника *„Докы сонце зійде—роса очи выйисть“* настолько извѣстна публикѣ, что мы не станемъ о ней распространяться, а остальныя пьесы: *„Виргліева Энеида“* *„Дурысвитка“*, *„Супротывни течіи“*, *„Глумъ и помста“* много уступаютъ лучшимъ драматическимъ произведеніямъ автора, какъ въ отношеніи реальности, такъ и сценической обработки и опредѣленности выводимыхъ типовъ.

Наряду съ упомянутыми изданіями, въ минувшемъ году были издаваемы и отдѣльныя произведенія украинскихъ авторовъ, частію уже извѣстныя читающей публикѣ, а частію являющіяся въ печати впервые. Таковы харьковскія изданія: *Тогобочного И. „Борци за мріи“ др. на 5 д.*; *Каленыченка И. „Переселенци у Сибиръ, виршована поема“*, и сборникъ для дѣтей *„Про сыритъ“*. Игранная уже на сценѣ драма *„Борци за мріи“* написана подъ замѣтнымъ вліяніемъ *„Розумного и дурня“* и *„Бурлаки“* Карпенка-Карого. Она имѣетъ нѣсколько выигрышныхъ ролей и въ общемъ нелишена извѣстной роли интереса. Комическій элементъ, довольно дешеваго свойства, представленъ въ ней отчасти солдатомъ Серёгой, а главнымъ образомъ двумя босяками, типы и философія которыхъ близки къ дѣйствительности. *„Переселенци у Сибиръ“*, изданіе харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности, представляетъ собой двоякій интересъ: во-первыхъ, какъ выраженіе взгляда нѣкоторой части крестьянства на переселенческое движеніе, а во вторыхъ, какъ художественное произведеніе начинающаго поэта-самородка. Авторъ хорошо знакомъ съ настоящимъ положеніемъ деревни, онъ ясно представляетъ себѣ тѣ причины, по которымъ наши крестьяне такъ довѣрчиво относятся къ различнымъ фантастическимъ разсказамъ о благахъ Сибири, бросаютъ насиженныя мѣста и идутъ въ далекую, невѣдомую страну. Въ поэмѣ очень ярко обрисованы сцены изъ крестьянскаго быта, а также картины природы. Слогъ поэмы вообще довольно легкій, стихи изящные, риѳмы, хотя не блещутъ особымъ бо-

гатствомъ и разнообразіемъ, но довольно звучны и красивы. Обиліе руссизмовъ составляетъ замѣтный недостатокъ поэмы: встрѣчаются также погрѣшности въ просодіи стиха. Нѣкоторыя мѣста, въ особенности эпилогъ, написаны подъ вліяніемъ Т. Шевченка, но общее впечатлѣніе отъ поэмы заставляетъ признать въ авторѣ несомнѣнное поэтическое дарованіе. Третья изъ харьковскихъ брошюръ *„Про сырить“*, изданная, какъ и драма *Тогобочного,* Вс. И. Гуртомъ, представляетъ изъ себя предназначенный для дѣтскаго чтенія, иллюстрированный сборникъ, заключающій произведенія Ц. Билыла, А. Метлинського, Шевченка, Конисского, Щоголева, Г. Галайды и др. авторовъ, а также произведенія народной безыскусственной поэзіи. Намъ нечего говорить о необходимости хорошихъ книгъ съ иллюстраціями для дѣтскаго чтенія. Впечатлѣнія дѣтства особенно живучи у всякаго человѣка, и часто маленькая книжечка, прочитанная въ дѣтствѣ, производитъ больше впечатлѣнія на воспріимчивую душу ребенка, чѣмъ солидный тонъ глубокомысленныхъ разсужденій на человѣка въ зрѣломъ возрастѣ. Это прекрасно сознается всѣми, но тѣмъ не менѣе, въ силу особыхъ условій, связывающихъ развитіе украинской литературы, отдѣлъ для дѣтскаго чтенія представляется въ ней весьма бѣднымъ. Мы можемъ указать одно, два названія въ этомъ родѣ, напр. — *„Чытанка“ Т. Хуторного,* и только.

Книжечка *„Про сырить“* издана очевидно съ цѣлью восполненія указаннаго пробѣла. По содержанію она удовлетворительна и въ общемъ отвѣчаетъ своему назначенію, хотя въ ней рядомъ съ прекрасными произведеніями, какъ напримѣръ, разсказъ *„Святый вечиръ у Хрыста“*, переводъ изъ Достоевскаго, помѣщены и маловразумительныя для ребенка вещи: *„Старченя“ Ц. Билыла, „На святый вечиръ“ В. Масляка* и др., неотличающіяся при томъ художественными достоинствами. Книжечка снабжена множествомъ иллюстрацій, но отъ плохой ли бумаги, или отъ дурно приготовленныхъ клише, рисунки вышли грубыми, грязными, а нѣкорые просто слились въ одно сплошное пятно, въ которомъ трудно что-нибудь различить при самомъ пылкомъ воображеніи (см. рис. на стр. 11, 12, 36, 54, 55). Намъ кажется, что внѣшнимъ своимъ видомъ книжка для чтенія должна способствовать развитію художественнаго вкуса у ребенка, что иллюстраціи должны быть всегда крупнымъ достоинствомъ такого рода книги. Между тѣмъ, въ разсматриваемомъ изданіи изъ тридцати съ лишнимъ рисунковъ едва одна треть исполнена болѣе или менѣе

удачно. Важно, разумѣется, количество рисунковъ, но еще важнѣе ихъ художественное исполненіе. Такимъ образомъ, настоящій опытъ изданія иллюстрированной дѣтской книжки является не особенно удачнымъ, тѣмъ не менѣе можно съ увѣренностію сказать, что, за неимѣніемъ пока чего-нибудь лучшаго, и этотъ сборникъ найдетъ своего читателя и принесетъ ему свою долю пользы.

Къ той же самой категоріи изданій, что и названныя харьковскія изданія, относятся: вышедшая въ свѣтъ въ Одессѣ книжка *„Хлопець та море. Лыстоноша. Розумный коваль“. Оповидання. Выдання О. Л. С.* (см. реценз. въ кн. XI) и напечатанная въ Полтавѣ не вполнѣ удачная попытка приспособить къ сценической постановкѣ извѣстную поэму Т. Шевченка *„Катерына“ И. Пухальскаго, драма въ 3-хъ д. и 5 карт.* (см. реценз. въ кн. XI). Но болѣе всего такого рода изданій появилось въ минувшемъ году въ Кіевѣ, гдѣ, какъ это не разъ уже замѣчалось, въ послѣднее время преимущественно сосредоточивается и весьма замѣтно развивается издательство книгъ на украинскомъ языкѣ. Вотъ перечень кіевскихъ изданій: *Котляревськый И. „Наталка-Полтавка“. Малороссійская оперетта. Провѣренный текстъ (по изданію 1838 г. и по открытому списку 1820 г.) подъ ред. И. Стешенка* (см. рецензію въ кн. VII--VIII). *Яновська Л. „Дзвинъ до церквы склыкае, та самъ у ій не бувае (Лисова квитка)“. Ком. на 4 д.* (см. рецензію въ кн. VI). Кромѣ того, издано 10 номеровъ (27—36) серіи народныхъ изданій, куда вошли слѣдующія названія: *Левыцькый М. „За Коліивщыны“. Оповидання; „Буря на мори“. Оповид.; Мырный „Лыхый попутавъ“. Оповид.; Левицькый Ив. „Рыбалка Панасъ Крутъ“. Оповид.; Левицькый М. „Въ клуни“. Жартъ; Кузьменко П. „Не такъ ждалося, та такъ склалося“.; Оповид. Мордовець Д. „Старци. Дзонаръ“. Оповид.; Гринченко Б. „Безъ хлиба“. Оповид.; Гринченко Б. „Хата“. Оповид.; Бордулякъ Т. „Бидный жыдокъ Ратыця“. Оповидання.* О первыхъ пяти изъ числа названныхъ народныхъ изданій данъ отзывъ на страницахъ нашего журнала (см. рец. въ кн. VII--VIII); изъ пяти другихъ особаго вниманія заслуживаетъ водевиль *„Въ клуни“*, написанный очень живо и занимательно, на сюжетъ, взятый изъ быта помѣщичьихъ экономій, и разсказъ *„Бидный жыдокъ Ратыця“*, просто и тепло рисующій намъ трогательную картину труженической жизни бѣдняка-еврея въ галицкой деревнѣ; остальные три разсказа хорошо извѣстны читающей публикѣ.

Библіотека научно-популярныхъ книгъ обогатилась слѣдующими прекрасными изданіями „Спб. Благотворительнаго Общества". *Чикаленко Е. „Розмова про сельске хазяйство, кн. V. Садъ"; „Хто робыть, той и мае", оповидання про Джемса Гарфильда Б. Гринченка (см. реценз. въ кн. V); Чикаленко Е. „Розмова про сельске хазяйство, кн. 1, „Чорный паръ и плодозминъ"* (изданіе 3); *Загирня М. „Мудрый учытель. Оповидання про Сократа"* (см. реценз. въ кн. X).

Кромѣ упомянутыхъ нами въ настоящей замѣткѣ изданій, на страницахъ „Кіевской Старины" въ минувшемъ году помѣщено нѣсколько литературныхъ произведеній, какъ начинающихъ, такъ и составившихъ уже себѣ почтенную извѣстность, украинскихъ писателей, именно: *Винниченка В. „Антрепренеръ Гаркунъ-Задунайскій" (оповидання). Кобылянськои О. „За готаръ". (Нарысъ зъ сильского жыття), Лазаревського Б. „Святый городъ" (повисть). Левицького М. „Санитаръ" (оповидання ликаря). Панаса Мырного та Ивана Билыка „Пропаща сыла" (Повисть). Чернявського М. „Въ незнану далечинь" и „Тополи". Непыйводы М. „Бяля огныща" (оповидання)*, и *Яновськои Л. „Дарочка"* (оповидання); изъ нихъ *„Санитаръ" М. Левицького* и *„Дарочка" Л. Яновськои* изданы также въ видѣ оттисковъ изъ нашего журнала.

Въ виду отсутствія самостоятельнаго украинскаго органа періодической печати, произведенія украинскихъ писателей издавна помѣщались въ литературныхъ сборникахъ-альманахахъ. Въ минувшемъ году такихъ сборниковъ издано два: прекрасный съ внѣшней и съ внутренней стороны *„Альманахъ на згадку про П. О. Кулиша"*, подъ названіемъ *„Дубове Лыстя"*, издали въ Кіевѣ гг. Чернявскій, Коцюбинскій и Гринченко (см. рецензію въ кн. V-ой); другой украинскій альманахъ „Зъ-надъ хмаръ и зъ долынъ" изданъ М. Воронымъ въ Одессѣ.

Въ настоящемъ своемъ обзорѣ украинской литературной продукціи за 1903-й годъ мы постарались назвать все сколько-нибудь выдающееся въ этой области; неотмѣченными остались у насъ или такія нестоющія вниманія явленія, какъ *„Свитла Зоря" Гр. Павленко-Павлуся* (Харьковъ), почти все содержаніе которой— сущая белиберда, плодъ авторскаго недомыслія, ничего общаго съ художественнымъ творчествомъ не имѣющій, или же такія неудачныя произведенія, какъ *„На вику, якъ на довгій ныви" С. Енохина*. Елисаветградъ (см. реценз. въ кн. IV).

Оживленіе украинскаго книгоиздательства въ послѣднее время, о чемъ мы говорили въ началѣ нашей статьи, является фактомъ знаменательнымъ, свидѣтельствующимъ прежде всего объ оживленіи интереса къ украинской литературѣ, о расширеніи того круга, въ предѣлахъ котораго эта литература распространяется.

Помимо замѣченнаго прогрессивнаго развитія украинскаго книгоиздательства, мы имѣемъ еще одинъ фактъ, являющійся доказательствомъ того, что среди украинскаго населенія значительно возрастаетъ интересъ къ народной литературѣ. Такимъ фактомъ оказывается съ каждымъ годомъ усиливающееся внимательное отношеніе критики къ украинской литературѣ. Въ минувшемъ году нашей редакціи былъ доставленъ различными авторами, для напечатанія рядъ критико-біографическихъ очерковъ изъ исторіи украинской литературы [1]). Кромѣ того, какъ въ нашемъ журналѣ, такъ равнымъ образомъ, во всѣхъ почти періодическихъ изданіяхъ юга Россіи и въ нѣкоторыхъ столичныхъ помѣщались обстоятельныя критическія замѣтки по поводу каждаго новаго явленія въ украинской литературѣ.

Внося свой посильный вкладъ въ сокровищницу общечеловѣческой культуры, наша литература давно уже привлекаетъ къ себѣ вниманію европейскихъ націй, которыя стремятся знакомиться съ ней, изучаютъ ее, переводятъ на свои языки. Съ каждымъ годомъ увеличивается количество переводовъ изъ украинскихъ авторовъ на языки русскій, польскій, нѣмецкій, французскій и др. Переводятъ преимущественно произведенія новѣйшихъ авторовъ [2]).

---

[1]) Критико-біографическіе очерки помѣщены въ слѣдующихъ книгахъ нашего журнала: въ № I. Гринченка Б. „А. Е. Крымскій, какъ украинскій писатель"; въ № II. Ефремовъ С. „Поэтъ-гражданинъ"; въ № III. Черепина В. „Д. В. Марковичъ"; въ № IV. Е. К. „Тимофей Бордулякъ"; въ № VI. Леонтовичъ В. „Грыцько Грыгоренко"; въ № XI—XII. Ефремова С. „Пѣвецъ борьбы и контрастовъ".

[2]) На русскій языкъ въ минувшемъ году переведены, между проч. слѣдующія произведенія: „Автобіографія идеи" Н. Кибальчичъ („Волынь" № 1-й); „Якъ я вмеръ" Б. Гринченко („Волынь" № 1-й); „Марійка" П. Смутка („Русск. Вѣдом." № 22); „Історія кожуха" Ив. Франка („Волынь" № 79); „Шматокъ" Д. Маркевича („Сѣверный Кавказъ" № 44); „Жыттеви аналогіи" Г. Хоткевича („Южн. Обозр." № 2225); „Злочынныця" М. Левицького („Вѣстникъ Юга"№ 506); „Чаривныця" В. Потапенка („Югъ" № 1525); „На камени" М. Коцюбинського („Южн·

Намъ остается сказать нѣсколько словъ еще объ одномъ явленіи въ области украинской литературной продукціи, которое обращаетъ на себя наше вниманіе. Если въ послѣднее время особенно усиливается ростъ украинскаго книгоиздательства, развивается интересъ къ украинской литературѣ, то нельзя сказать, чтобы соотвѣтственно съ этимъ усиливалась и интенсивнѣе совершалась творческая дѣятельность украинскихъ писателей. Наоборотъ, мы замѣчаемъ здѣсь даже какъ бы нѣкоторое затишье. Изъ всей массы изданнаго въ минувшемъ году матеріала лишь незначительная часть представляетъ изъ себя произведенія новонаписанныя. Мы сейчасъ не беремъ на себя смѣлости объяснить это явленіе, причины котораго, вѣроятно, кроются слишкомъ глубоко, мы констатируемъ лишь фактъ. Нашъ почтенный драматургъ Ив. К. Тобилевичъ издалъ лишь свои извѣстныя уже драмы, Д. Л. Мордовцевъ не создалъ въ минувшемъ году ничего для родной литературы, а маститый писатель Ив. С. Левицкій органичился однимъ незначительнымъ очеркомъ (въ альманахѣ „Зъ-надъ хмаръ й зъ долынъ"); ничего новаго не дали намъ и такіе писатели, какъ Днипрова Чайка и Стефаныкъ, разсказы котораго такъ обращаютъ на себя вниманіе читателей „Вика". Другіе авторы ограничились однимъ или двумя произведеніями, помѣщенными въ изданныхъ альманахахъ. Если мы обратимъ вниманіе на содержаніе издаваемыхъ у насъ литературныхъ сборниковъ, которые, по существу, должны быть послѣднимъ словомъ украинской литературы, то замѣтимъ, что въ нихъ, на ряду съ новыми произведеніями извѣстныхъ украинскихъ авторовъ, помѣщаются, во-первыхъ, произведенія тѣхъ-же авторовъ, уже печатавшіяся за границей, и, во-вторыхъ, произведенія начинающихъ авторовъ. Послѣдняго рода матеріалъ, иногда въ подавляющемъ количествѣ наводняетъ сборникъ; при чемъ надо замѣтить, что почтенные редакторы не всегда успѣшно разбираются въ этомъ матеріалѣ, давая въ иныхъ случаяхъ мѣсто на страницахъ сборника такимъ стихотвореніямъ и разсказамъ, которые отнюдь не мо-

---

Обозр." №№ 2251—2252); „Мулярь" Ив. Франка („Волынь" № 174, перепечатана изъ „Русскихъ Вѣдомостей"). „Хмельныцькый и ворожбытъ" Ив. Франка („Югъ № 1557); „Забувъ" М. Левицького („Кіевская Газета" и „Русск. Вѣдомости"). „Въ путахъ шайтана" М. Коцюбинського („Русскія Вѣдомости").

гутъ служить украшеніемъ изданія. Говоря это, мы имѣемъ въ виду не альманахъ *„Дубове лыстя“*, вообще составленный очень тщательно и умѣло, но одесскій сборникъ: *„Зъ-надъ хмаръ и зъ долынъ“*, поражающій насъ прежде всего огромнымъ количествомъ стихотвореній. Въ этомъ, положимъ, большой бѣды еще нѣтъ,—хорошее стихотвореніе всегда прочтется съ удовольствіемъ и въ состояніи придать содержанію сборника особую поэтическую прелесть и разнообразіе. Бѣда въ томъ, что, наряду съ прекрасными, художественными произведеніями, помѣщаются стихотворенія, которыя могутъ оказаться ложкой дёгтя для всего сборника. Таково, напримѣръ, стихотвореніе П. Панченка *„На чужыни“*. Прочитавъ заглавіе этого стихотворенія, мы полагали, что авторъ откроетъ предъ нами душу человѣка, страдающаго вдали отъ родины, гдѣ-нибудь, если не въ Монголіи, то во всякомъ случаѣ въ мѣстахъ отдаленныхъ. Между тѣмъ „На чужыни“ оказываетея

„Въ Одеси далекій, на березі моря“

страдающимъ оказывается авторъ, которому тяжело привыкать къ виду западно-европейской и „бусурменской“ шевелюры, тогда какъ онъ съ дѣтства влюбленъ въ „родной чубъ“. Вотъ въ какой формѣ авторъ говоритъ объ этомъ:

Захидна Европа и вси бусурмены,
А нашихъ—то годи й пизнать.
Вси́ въ свити народы души моій люби,
Я бъ щыро ихъ всихъ обійнявъ,—
Та тишу я очи на ридному чуби,
Що змалку його покохавъ!

Такимъ же невыгоднымъ, по нашему мнѣнію, пріобрѣтеніемъ для разсматриваемаго сборника оказывается „психограма“ Н. Кобрынськои „Рукы“, уродливо декадентское произведеніе, гвоздемъ котораго является многократно повторяемая съ нѣкоторыми варьяціями фраза:

„Слаби, худи, зивъяли, вздовжъ спущени рукы“.

Не будь этихъ и подобныхъ имъ произведеній, вѣроятно, просто по недосмотру попавшихъ въ печать, весь сборникъ, заключающій

въ себѣ вообще много цѣннаго матеріала, отъ этого значительно выигралъ бы.

В. Поточный.

Библіографическій указатель литературы о Кубанской области, Кубанскомъ козачьемъ войскѣ и черноморской губерніи. *Составилъ Е. Д. Фелицынъ, почетный членъ Кубанскаго Областного Статистическаго Комитета, при участіи В. С. Шамрая. Екатеринодаръ 1899—1902 г.г.*

Для всѣхъ, интересующихся судьбами Кубанскаго края, трудъ Е. Д. Фелицына[1]), извѣстнаго изслѣдователя Кубанской области и историка Черноморскаго (нынѣ Кубанскаго) козачества, является, несомнѣнно, цѣннымъ справочнымъ пособіемъ, все полезное значеніе котораго можетъ быть въ особенности оцѣнено каждымъ, кто пожелалъ бы принять непосредственное участіе въ изученіи названнаго, къ слову сказать—интереснаго во многихъ отношеніяхъ, края. Весь сгруппированный Е. Д. Фелицынымъ и его сотрудникомъ г. Шамраемъ матеріалъ распадается въ «Указателѣ» на слѣдующіе шесть отдѣловъ: I—археологія, нумизматика, исторія, археографія, историческіе планы и карты, біографіи, некрологи и правительственныя распоряженія; II—географія, этнографія, статистика, естествознаніе; и медицина; III—сельское и городское хозяйство, промышленность и торговля; IV—народное образованіе, общественная жизнь и дѣятельность; V—беллетристика, періодическія и справочныя изданія и разныя свѣдѣнія; VI—карты, планы, чертежи, рисунки, портреты и фотографіи. Какъ видно изъ приведеннаго содержанія каждаго отдѣла, распредѣленіе библіографическаго матеріала въ «Указателѣ» проведено не совсѣмъ строго: въ одномъ отдѣлѣ сосредоточены библіографическія указанія изъ различныхъ научныхъ дисциплинъ и спеціальностей, что, при отсутствіи въ трудѣ Фелицына и Шамрая предметнаго указателя и при алфавитномъ способѣ расположенія матеріала (по фамиліямъ авторовъ), въ значительной степени затрудняетъ возможность пользованія послѣднимъ, увеличивающуюся еще и поражающимъ обиліемъ въ

---

[1]] Скончался 10 декабря 1903 г. См. о немъ нашу статью въ „Областн. Обозр. и Вѣст. Каз. войскъ“ 1903 г. № 2.

«Указателѣ» мало къ чему нужнаго библіографическаго балласта, которому едва-ли мѣсто въ научно-справочномъ пособіи, какимъ въ общемъ является трудъ Фелицына и Шамрая. Послѣдніе, вводя въ свой «Указатель» библіографическія указанія на статьи и разнаго рода извѣстія, напечатанныя въ мѣстныхъ «Областныхъ вѣдомостяхъ», отвели значительное мѣсто указаніямъ и на такого рода свѣдѣнія по вопросамъ краевой жизни, которыя имѣютъ бѣгучее, часовое значеніе. Въ особенности этимъ недостаткомъ страдаютъ отдѣлы III, IV и V. Здѣсь на каждой страницѣ встрѣчаешься съ такой «тоже библіографической» литературой края, какъ «смерть отъ угара», «смерть отъ паденія съ кручи въ нетрезвомъ видѣ», «маскарадъ во 2-мъ общественномъ собраніи», «балъ, данный наказному атаману» и т. д. Подобнаго рода указанія едва-ли интересны для серьезныхъ изслѣдователей края, на которыхъ въ сущности и разсчитанъ трудъ Фелицына и Шамрая: загромождая вмѣстѣ съ тѣмъ своею численностью «Указатель», такія библіографическія свѣдѣнія, повторяемъ, только затрудняютъ возможность пользованія послѣднимъ.

Представляя собою первую попытку собрать воедино библіографію литературы о Кубанской области, черноморскомъ козачествѣ и черноморской губерніи, трудъ Е. Д. Фелицына и В. С. Шамрая не лишенъ пропусковъ, совершенно, впрочемъ, допустимыхъ при всякой библіографической работѣ, въ особенности, если принять условія послѣдней въ провинціи. Пропусками изобилуютъ преимущественно первые два отдѣла Указателя, хотя бросаются они въ глаза и при обозрѣніи другихъ. По первому отдѣлу мы не нашли указаній на слѣдующія изданія, такъ или иначе относящіяся къ Кубанскому краю:—Аделунгъ,—«Обозрѣніе путешественниковъ по Россіи», № 24 Джорджіо Интерніано; Ralli, II., V стр. 494, Acta Patriarchat Constantinopol—Миклошича; Срезневскій—«Древніе памятники русскаго письма и языка», ст. 15; col I, и его же «Палеографія» стр. 133; граф. П. С. Уварова—«Могильники Сѣвернаго Кавказа» (Русск. Антроп. Жур. 1901 г. № 1); В. Миллеръ,—«О новомъ сарматскомъ божествѣ, найденномъ на Кубани» (Русская Мысль, 1890 г. № 4—5); проф. Н. И. Веселовскій—«Каменныя орудія при вещахъ римской эпохи»; проф. Ю. Я. Кулаковскій «Къ исторіи Боспора» въ XI—XII в.в.; проф. Е. Д. Голубинскій—«Исторія Русской Церкви» т. I, гл. III,—подъ рубр. —«Епархія Тмутараканская» стр. 682—685 и др.; Д. Афанасьевъ—«Къ исторіи Черноморскаго флота»—съ 1768—1816 гг. (Рус. Арх. 1902 г., № 2—

3); Андр-ій Ал.—«Запорожскій старшина Антонъ Головатый въ Кіевѣ», (Кіев. Стар. 1890 г. кн. 2); о. Вл. Лобачевскій—«Бугское козачество и военныя поселенія» (ibid. 1883 г. кн. 7); К. Морозовъ—«Какъ справляли черноморцы свое новоселье на Тамани и какія были по сему случаю рѣчи и пѣсни», (ibid. 1883 г., кн. 1); О. Л.—«Потемкинъ и черноморцы» (ibid. 1887 г., кн. 6); Ф. Щербина—«Исторія самоуправленія у Кубанскихъ козаковъ» (ibid. 1884 г., кн. 4); А. Скальковскій—«Еще о Бугскихъ козакахъ» (ibid. 1882 г., кн. 12; 1883 г., кн. 5); Грибовскій—«Записки» (Рус. Арх. 1889 г., кн. 1); Крыжановскій—«О современномъ состояніи Лебяжьей пустыни» (Ставр. Епарх. Вѣд. 1885 г., кн. 6) и др.; по отдѣлу II,—«Задунайскія народныя преданія о Головатомъ» (Кіев. Стар. 1882 г., кн. 9); проф. Мартыновъ,—«Изъ народныхъ преданій о Черноморіи» (ibid. 1885 г., кн. 6); Ф. Щербина—«Наговоры отъ болѣзней у черноморскихъ козаковъ (ibid. 1883 г., кн. 7), М. Дикаревъ—«Апокрифы, собранные въ Кубанской области» (Юбилейный сборникъ въ честь Вс. Ѳ. Миллера); Его же—«Чорноморські народні казки й анекдоты» («Етнографичний збірник» т. II—«Виданне Наук. Товар. ім. Шевченка»); его же—«Народня гутірка з поводу коронациі» (ibid. т. V); Новомарьинскій—«Сѣверное Кубанское и Терское предгорія Кавказа» («Живоп. Россія», подъ редакціей Семенова т. IX); Carla Cerena, Mon Voyge. Souvenirs personels 1-re Serie de la Baltique à la mer Caspienne. Paris, 1881 и др. Въ другихъ отдѣлахъ нѣтъ между прочимъ указаній на такіе труды по исторіи сѣвернаго Кавказа, какъ Альбова—«Очеркъ растительности Колхиды» («Землевѣдѣніе» т. III); Воейкова, Пастернацкаго и Сергѣева—«Черноморское Побережье»; Васюкова «Страна Гордой Красоты»; Краснова—рядъ статей преимущественно по «Черноморскому побережью» (напечатаны въ книжкахъ «Недѣли»); Л. С. Личкова—«Очерки изъ прошлаго и настоящаго побережья Кавказа» (Кіев. Стар. 1903 г. 8—12 кн.); Реклю—«Земля и Люди» т. VI; статьи Селиванова «О Кубанской области» и Л. Македонова о «Черноморской губ.», помѣщенныя въ Энциклоп. словарѣ Брокгауза и Ефрона; «О болѣзняхъ хлѣбныхъ растеній въ Терской и Кубанской областяхъ» (Труды Одесской Энтомологической Коммиссіи. 1888 г.) и мн. др.[1]). Приведенные нами пропуски библіографической

[1]) Названій всѣхъ приведенныхъ нами сочиненій мы не встрѣтили и въ добавленіяхъ къ „Библіографическому Указателю", напечатанныхъ въ „Кубанскомъ Сборникѣ" за 1903 г. т. IX; и за 1904 г. т. X.

литературы Кубанскаго края, конечно, мало умаляютъ значеніе труда Фелицына и Шамрая, обладающаго при томъ и положительными достоинствами. Къ этимъ послѣднимъ надо отнести прежде всего имѣющіяся въ «Указателѣ» свѣдѣнія о рукописныхъ источникахъ по исторіи Кубанскаго края и Черноморскаго козачества, хранящихся въ столичныхъ и кавказскихъ архивахъ, мало извѣстныхъ и не изученныхъ мѣстными историками. При сравнительной бѣдности исторической литературы о Кубанскомъ краѣ, вызывающей необходимость въ появленіи новыхъ трудовъ въ этой области, свѣдѣнія, указанныя Фелицынымъ, обратятъ, конечно, на себя вниманіе мѣстныхъ изслѣдователей и должнымъ образомъ будутъ использованы ими. Не меньшимъ достоинствомъ «Указателя» является также примѣненіе въ немъ библіографическаго метода Дубровина[1]) и Бѣгичева[2]), заключающагося не въ одномъ сухомъ перепечатываніи заглавія книги или журнальной статьи, но и въ приведеніи краткаго содержанія ихъ, дающаго возможность квалифицировать до извѣстной степени достоинство матеріала, скрывающагося за заглавіемъ, не всегда при томъ отвѣчающимъ содержанію книги. Къ сожалѣнію методъ этотъ, въ значительной степени облегчающій процессъ знакомства съ содержаніемъ того или иного источника по исторіи края, примѣненъ Фелицынымъ, по условіямъ работы въ провинціи, къ небольшой сравнительно части библіографическаго матеріала, помѣщеннаго въ «Указателѣ»; по отношенію къ другой, болѣе значительной по объему, пришлось ограничиться только однимъ сообщеніемъ заглавныхъ названій сочиненій, безъ указанія на ихъ внутреннее содержаніе.

Въ общемъ «Библіографическій Указатель», несмотря на нѣкоторую неполноту библіографическихъ свѣдѣній, помѣщенныхъ въ немъ, и незначительные, указанные нами, недостатки, является цѣнной работой, за составленіе которой нельзя не благодарить покойнаго Фелицына и его сотрудника г. Шамрая. Богатство и разнородность библіографическаго матеріала, собраннаго въ «Указателѣ», удовлетворительная въ общемъ систематизація его, дѣлаютъ трудъ изслѣдова-

---

[1]) См. Н. Ф. Дубровинъ, Библіографическій указатель къ первымъ двумъ книгамъ „Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ“ 1871 г. т. I, кн. 3.

[2]) К. Н. Бѣгичевъ, „Объяснительный каталогъ библіотеки Его Имп. Высоч. Вел. Кн. Георгія Александровича въ Абастуманѣ“. Тифлисъ 1894 г.

телей Кубанскаго края цѣннымъ вкладомъ въ библіографическую литературу о югѣ Россіи и незамѣнимымъ справочнымъ пособіемъ для всѣхъ интересующихся и занимающихся изученіемъ Кубанской области, черноморской губерніи и черноморскаго (кубанскаго) козачества.

С. Петлюра.

Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. *Томи LIV, LV LVI (кн. V—VI за р. 1903). У Львові, 1903.*

Отмѣченные три тома «Записок Наукового Товариства імени Шевченка», издаваемыхъ подъ редакціей проф. М. Грушевського, вышли въ теченіе второго полугодія минувшаго года и содержатъ въ себѣ, какъ обычно, множество цѣннаго матеріала для нашей области изученія, какъ въ видѣ спеціальныхъ солидныхъ изслѣдованій, статей и цѣнныхъ замѣтокъ, такъ и критическихъ отзывовъ, рецензій и библіографическихъ свѣдѣній.

Изслѣдованія и статьи *историческаго* характера въ минувшемъ полугодіи помѣщены въ «Запискахъ» слѣдующія:

Юрій Кміт. З сільських відносин у Галичині в середині XIX віка (LIV, 1—8),—сообщаются документальныя данныя о 50-хъ годахъ 19-го вѣка, характеризующія степень моральнаго упадка въ то время духовенства въ Галичинѣ.

Олександер Сушко. Предтеча унії, критично-історична студия (LV, 72—125),—продолженіе солиднаго труда о Бенедиктѣ Гербеерѣ, говорится о просвѣтительной его дѣятельности во Львовѣ, а затѣмъ просвѣтительной и научной въ Краковѣ до ухода его оттуда въ Познань въ 1562 году.

Михайло Грушевський. Памяти Олексія Маркевича (LV, 1—14),—тепло написанный некрологъ покойнаго историка, дающій не мало новаго матеріала для біографіи этого симпатичнаго дѣятеля.

Михайло Грушевський. Козаки в 1470-х р.р. (LVI, 1—6),—почтенный авторъ сообщаетъ интересный документъ 70-хъ г.г. XV ст., помѣщенный въ книгѣ Amedeo Vigna, Codice diplomatico delle colonie tauro-liguri (изд. въ Генуѣ 1879 г. и совершенно неизвѣстной, ни въ украинской, ни въ русской, ни въ польской исторіографіи), содержащей жалобу Кафинскихъ купцовъ на «разбойниковъ козаковъ», которые ограбили ихъ около 1470 года по пути изъ Московіи; жало-

вались они, что терпятъ постоянно обиды отъ «audaciae horum latronum et aliorum convicinorum nostrorum... quasi quotidie». Но упоминаемые здѣсь козаки—не украинскіе, а татарскіе, хотя въ той области (на Муравскомъ шляху) могли уже въ то время «живиться» и украинскіе воины-промышленники и, безъ сомнѣнія, хозяйничали козаки рязанскіе.

Стефан Томашівський. Угорські Русини в съвітлі урядовоі угорськоі статистики (LVI, 1—46),—критическій разборъ оффиціальныхъ свѣдѣній, далеко не точныхъ, объ Угорскихъ русинахъ въ началѣ XX ст.

Къ области же исторіи относятся и слѣдующіе документы, помѣщенные въ отдѣлѣ «Miscellanea»: *Богдана Барвінського. Бунт в сели Мшанци 1717 р.* (LIV, 4—5),—документъ небезъинтересный для исторіи галицко-русскаго крестьянства; *Ол. Сушко. Епизод з житя Петра Скарги* (LVI, 1—23, з фототіпіями),—сообщаются два найденныхъ авторомъ во Львовской капитулѣ письмахъ Петра Скарги (1568 г.), позволяющихъ уяснить нѣкоторыя подробности изъ жизни этого дѣятеля; *Богдан Барвінський. Метрики в сільскій практиці XVIII в.* (LVI, 23—25),—метрическая запись с. Татари 1720 г. Сюда же надо отнести изъ отдѣла рецензій и отзывовъ обширный критическій разборъ сочиненія *М. Стельмашенка. Политическая дѣятельность Петра Скарги. Кіевъ, 1902*, не выдерживающаго, по мнѣнію автора, никакой критики (LV, 13—53).

Исторія литературы и словесность представлены въ слѣдующихъ изслѣдованіяхъ и статьяхъ:

Олександер Сушко. Причинки до студий надъ текстом Палінодиі (LIV. 1—40),—авторъ предаетъ печати отрывки компиляціи изъ «Палинодіи» Захаріи Копыстенскаго, найденной имъ во Львовской университетской библіотекѣ, сопоставляя въ своей статьѣ текстъ этой компиляціи съ недавно изданнымъ текстомъ Палинодіи Петербургской Археографической Коммиссіей. Въ этой же статьѣ авторъ упоминаетъ и о другомъ, открытомъ имъ тамъ же, произведеніи полемической литературы: «Истинна Вѣра старая церкви святой восточной православно-католической, против мнимой старой вѣри западной». Авторъ его неизвѣстный доселѣ, какъ писатель, игуменъ Мошногорскій, іеромонахъ Товія Петрашки, добавившій собственноручно на рукописи: «Борысу Петровичу Шеремету в Киевѣ отдах» (1706 года).

Осип Маковей. З історії нашої фільольогії.—Три галицькі граматики (Іван Могильницкий, Йосиф Левицький і Йосиф Лозинськый) (LIV, 59—96),—окончаніе цѣннаго изслѣдованія. Здѣсь помѣщены лишь добавленія къ изслѣдованію: выписки изъ рукописей Лозинскаго, Левицкаго; приводятся полемическія статьи того времени по поводу произведеній «трехъ грамматиковъ». Весьма интересны замѣчанія Копитара, сдѣланныя въ огромномъ количествѣ на поляхъ рукописей грамматики Лозинскаго и Левицкаго, напр., противъ перечисленія трудовъ Голятовскаго и Антонія Радивиловскаго (у Лозинскаго) приписано: «Hic erat locus dicendi, Russos ipsos, nunc tam magnos et superbos, primam literaturam et culturam debere *vobis, Russinis Kioviensibus.* Sed ipse tremis prae reverenti metu magni Russi!» (стр. 61), или «Vos dico, Graecos, Armenos et Russos et Serbos, qui assueti *venerari* veterem linguam omni *nedelja et prasniko,* auditam in ecclesia, vix potestis *aequi* aestimare *domesticam* et Werkeltags-linguam matris. Sed separandae sunt omnino, sicut *fecerunt jam* Moscovitae» (стр 64), и далѣе, тамъ же: «Tu si vis» *veram* grammaticam *ruskam* facere, *fac* 1-mo, ut *obliviscaris* ecclesiasticam linguam; 2-do, fingo te *docere frailam americanam* loqui ruski cum tua coqua, et ita docere, ut cum coqua perfecte possit colloqui Sonst, semper macaronizabis ipse magister». и т. п.

Микола Кр—ський. Примітки до поправнійшого видання поезий Тараса Шевченка (LV, 1—28) и *Юліян Романчук. Уваги до «заміток» д. Кр—ського* (ib., 29—34). Обѣ статьи заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія, заключая въ себѣ богатый матеріалъ для будущаго критическаго изданія произведеній Т. Г. Шевченка. Въ настоящее время, наиболѣе полнымъ и вѣрнымъ изданіемъ «Кобзаря» является изданіе «Товариства Просьвіты» во Львовѣ 1902 г. (кстати, по счету *32-ое*), въ которомъ издатель, г. Романчукъ, сличавшій текстъ съ рукописями и вообще много потрудившійся надъ исправленіемъ текста «Кобзаря», произвелъ около *400* поправокъ, сравнительно съ текстомъ изданія Огоновскаго (Львовъ, 1893 года). Теперь г. М. Кр—ський въ отмѣченной статьѣ предлагаетъ еще до *300* исправленій въ текстѣ, заслуживающихъ въ большинствѣ случаевъ принятія ихъ или во всякомъ случаѣ—вниманія. Въ своихъ «Увагах» къ статьѣ г. М. Кр—ського г. Романчукъ безусловно соглашается съ 60 исправленіями; затѣмъ противъ нѣкоторыхъ возстаетъ, о нѣкоторыхъ же не говоритъ

ничего (кстати, отмѣтимъ упоминаніе въ его «Увагах», что имъ сдѣлано еще около 120 поправокъ). Будучи того убѣжденія, что для установленія критическаго, возможно вѣрнаго и точнаго текста поэзіи Шевченка, чѣмъ нашимъ ученымъ давно бы уже слѣдовало заняться, всякое даже мелкое исправленіе или правдоподобное предположеніе можетъ оказаться нелишнимъ, мы предлагаемъ ниже, съ своей стороны, тѣ поправки въ изданіи г. Романчука, которыя не были замѣчены и г. М. Кр—ським. При этомъ мы отмѣчаемъ и правописаніе отдѣльныхъ словъ, и интерпункцію, какъ это дѣлаетъ и г. М. Кр—ський.

Итакъ: «Ну, щó б здавалося? слова»! (61, 14),—слѣдуетъ—„Ну, щó б здавало ся слова?!"; „можно" (98, 1 сн.)—„можна", „качаточки" (128, 2 сн.) - „качаточка", „ти" (130, 7 и 12)—„Ти"; „Як се Катерина" (197, 11 сн.)—„Як *ся* Катерина";

„Та злидні побили!
Як ту матір", (284, 6 – 7),

слѣдуетъ:

„Та злидні побили,
Як ту матір",

и въ 8-ой строкѣ, послѣ „породила", знакъ восклицательный; „и жонатий, (118, 3)—„а жонатий"; „війско" (200, 14)—„військo"; „чабан, було" (203, 19)—„чабан; було"; „в недобру годину" (295, 5)—„в недобру годину,; „сліз більш не мае (296, 8)—„сліз більш немае"; „по лісу" (295, 7)—„по лісі"; „ти не пізнав мене, Йване" (299, 10)—„ти не пізнав мене, Іване"; „Тикич" (354, 2 и 358, 8 сн.)—„Тікич" (такъ произносится названіе этой рѣки на родинѣ Шевченка); „Інтродукция" (311, 14 сн.)—„Інтродукція";

„Або Яном Собіеским",
Ті два незвичайні, (стр. 311, 3 и 2 сн.)—

слѣдуетъ:

Або Яном Собіеским,—
Ті два незвичайні,—;

„против ночи“ (325, 7)—„проти ночи“; **„без сповіди“** (327, 5)—**„без** сповіді“; „ката не минае“ (333, 10 сн.)—**„ката, не минае“**; „розковать“ (338, 4)—„розкувать“; „ти чув, що співають“: (385, 3 сн.)—„ти чув, що співають?“; „То кобзарі“ (385, 2 сн.)—**передъ „То“ надо „;**; „За сотника Йвана“ (391, 17)—„За сотника Івана“; **„та помога“** (398, 10 сн.)—„помага“; „пещерах“ (422, 12)—„печерахъ“; **„та й то“** (435, 9)—„та і то“; „по милости“ (437, 2 сн.)—„по милості“; **„щипае“** (438, 10 сн.)—„щіпае“; „полетімо“ (439, 3 сн.)—„полетимо́“; ***„такого-жъ“*** (444, 9)—*„такого-жъ“*; „перелічив до одного“, (468, 12)—„перелічив до одного,—;

„То все пани снились;
І з рогами, і з хвостами“, (523, 5 и 4 сн.)

слѣдуетъ:

„То все пани снились:
Із рогами, *із* хвостами“,;

„доси“ (537, 9)—„досі“; „в само серце“ (571, 5)—„в саме серце“; „раю“ (575, 5)—„раі“; „дівчати“ (582. 20)—„дівчаті“; „во плоти“ (583, 16)—„во плоті“; „деспот скажений“ (586, 18)—нужна перестановка: „скажений деспот“; „ликуе“ (598, 8 и 4 сн.)—„лікуе“; „дівочний гость“ (602, 2, 4 сн.)—„дивочний гость“ (такая же ошибка отмѣчена М. Кр—ським 605, 2); „Поволи тихо“ (606, 1 сн.)—„поволі, тихо“; „таки вдовенко“ (615. 5)—„таки вдовенко“.; „під тином“. (618, 7 сн.)—„під тином“, ; „волости“ (626, 15)—„волості“; „теляти“ (629, 11)—„теляті“; „дияволом“ (635. 19)—„діяволом“; *„не много“* (635, 14)—*„немного“*; „ласкаво“ (625, 5)—„ласково“; „мінуточку“ (669, 7)—„минуточку“; „Запороже“ (88, 9; 462. 15; 479, 14 сн.; 571, 12)—„Запорожжя“; „лилея“ (166, 15; 166, 1 сн; 167, 1; 168, 14 и 2 сн.; 169, 4; 600, 19)—„лілея“; „в неволи“ (51, 12; 66, 3 сн.—„в неволі“; „на поли“ (376, 16; 502, 9 сн.)—„на полі“. „земли“ (195, 4 сн.; 240, 1 сн.; 241, 8 сн.; 273, 4; 581, 8 сн.; 592, 4; 610, 17—18; 612, 5; 616, 12 и 8 сн.; 621, 3 сн.)—„землі“; „сирая“ (душа) (578, 1)—„сірая“ (отмѣчено М. Кр—ським на стр. 34, 7 сн.); „колачик“ (520, 5; 648. 14)—„калачик“; „сияти“ (291, 6; 304, 4; 378, 13; 414, 16; 503, 18; 581, 1; 600, 7 и 15 сн.; 602, 10; 607;

6 сн.)—„сіяти“; „збирати“ (209, 6 сн.; 345, 9; 416, 12 сн.; 446, 17; 464, 10; 569, 12 сн.; 604, 8; 619, 8)—„збірати“; „бенкет“ (307, 1 сн.; 308, 16 сн.; 314, 7; 353, 6; 395, 15 и 12 сн.; 399, 2 сн.; 435, 14; 558, 17)—„бенькет“; „шинкарь“ (308, 1; 3 и 13; 435, 8 сн.; 549, 13; 567, 16 сн. и 2 сн., 580, 12; 586, 11 сн.; 654, 4 сн.)—„шинькарь“; „обнимати“ (314, 16 сн.; 324, 9; 348, 9 и 8 сн.; 385, 16; 386, 13; 481, 15 и 3 сн.; 546, 15; 631, 3 сн.; 672, 3 и 1 сн.)—„обнімати“; „приспа“ (414, 14; 423, 21 (на 611, 7 и 6 сн.—правильно)—„призьба“; „матери“ (522, 4 сн.; 606, 5 сн.; 608, 4 сн.; 616, 12 сн.)—„матері“; лучше будетъ „братіку“, а не „братику“ (166, 8 сн.; 168, 5 и 10 сн.; 299, 10; 451, 1); „привітати“ (а не привитати) отмѣчено М. Кр—ським лишь на 12, 8 сн., а между тѣмъ это слово (въ транскрипціи г. Романчука) встрѣчается въ „Кобзарѣ“ еще 30 разъ, не говоря о нѣсколькихъ случаяхъ „витати“; также слѣдуетъ писать „зіма, зімувати“, а на „зима, зимувати“ (17 мѣстахъ); не лучше ли „у Киіві“ вм. „Києві“? (см. 251, 6 и 10 сн.; 293, 1; 302, 14 и 3 сн.; 370, 5; 421, 12 сн.; 432, 11 сн.; 439, 15; 457, 1; 463, 6 сн.; 498, 3 сн.; 499, 13; 503, 15; 515, 2 сн.; 532, 6; 560, 5; 626, 7). Нѣсколько гипотезъ: „чи то люде наробили“ (154, 5 сн.)—мож. б. „поробили“; „неначе зна“ (321, 5 сн.)—„наче знає“; „начнемъ же *уже*“ (382, 9)—„начнемъ же *оубо*“; „І степами“ (432, 16)—„*Та* степами“; „і пилиночки“ (436, 3)—„і пилиночці“; „забудучи лихо“ (515, 4)—„забувши про лихо“; „бючи поклони“ (525, 13 сн.)—неправильный размѣръ: м. быть: „бючи *земні* поклони“; „та мати дивиться“ (614, 18)—„*на* мати дивиться“. Въ виду измѣненія размѣра надо начинать съ новой строки въ слѣдующихъ мѣстахъ: 62, 12—15; 95, 13 сн.; 109 12 сн.; 120, 13; 313, 10 сн.; 437, 6 сн.; 479, 2 и 11; 495, 6 сн.; 510, 6 сн.; 521, 15 и 19; 528, 16; 579, 10; 580, 21; 621. 1. Затѣмъ, въ дополненіе къ возраженіямъ г. Романчука противъ нѣкоторыхъ поправокъ М. Кр—ського, можемъ добавить: „сьвіт за очи“ (а не *в* сьвіт за очи, какъ предлагаетъ М. Кр—ський) встрѣчается у Шевченка еще и на 49, 8 сн.; не зачѣмъ измѣнять „шапки не знімали“ на „ламали“ (161, 6 сн.); то же вѣдь и на 162, 5; 257, 5 сн.; только надо „знімає, однімає, а не „знимає, однимає“ (еще 339, 6; 472, 7 сн.; 493, 12; 517, 2; 521, 10 сн.; 530, 7 сн.; 671, 1; измѣнять „привела“ на „повила“ нѣтъ основаній, т. к. кромѣ указанныхъ г. Романчукомъ аналогичныхъ случаевъ на 509, 7 сн.; и 510, 6, еще видимъ у Шевченка на 326, 16; 413, 6; 495, 13 сн.; нѣтъ основанія измѣнять:

„Апостол, син твій“ (593, 13) на „а син твій гордо“, т. к. на 590, 9—8 сн. подчеркнуто: „не неофіт новий, а *апостол* великаго Христового слова“. Въ заключеніе, по адресу уже г. Романчука, добавимъ, что надо писать не „Мотринів“ (682, 3—примітки), а „Мотронів“ и затѣмъ замѣнить на стр. 684, 15 слово „перше“ на „пізнійше“, т. к. у читателя, не галичанина, въ данномъ мѣстѣ является представленіе, совершенно обратное тому, какое должно быть.

Др. Іван Франко. Сьвятий Климент у Корсуні. Причинки *до історіі старо-руськоі легенди* (LVI, 145—180),—продолженіе солиднѣйшаго труда почтеннаго автора: Глави VIII (Легенди о Херсонесскихъ мученикахъ) и IX (Чудо св. Климента съ мальчикомъ). На основаніи несомнѣнныхъ фактовъ авторъ приходитъ къ выводу, что невѣдомый первый авторъ—Корсунянинъ (Херсонесецъ) всю легенду о Херсонесскихъ мученикахъ *сочинилъ;* что же касается чуда съ мальчикомъ, то авторомъ его вовсе не былъ Ефремъ Херсонескій, и происхожденіе этой легенды западно-европейское (на югѣ Франціи).

Къ этому же отдѣлу надо отнести изъ „Miscellanea“: *Ів. Франка Увага про назву Палінодія* (LIV, 1—3),—авторъ не соглашается съ толкованіемъ Ол. Сушко (см. его статью „Причинки до студий над текстом Палінодиі“) термина „Палінодія“, *В. Гнатюка. Кілька духовних віршів сьпіваник з Грушова* (LVI, 25—33),—4 духовныхъ стиха, въ томъ числѣ одинъ польскій, но украинизированый, записанныхъ въ Угорской Руси. *М. Грушевського. Варіанти до „Богдановоі могили“ Шевченка,* з уділеноі Ол. Маркевичем копіі (LIV, 5—6),—варіанты изъ автографа, переданнаго покойному Маркевичу г-жей Орловой, у которой оказались написанныя собственноручно Шевченкомъ на листкѣ бумаги три его поэзіи: „Не завыдуй багатому“, „Не женыся на багатій“ и „Стоіть въ сели Суботови“. Въ послѣдней оказалось 9 варіантовъ по сравненію съ изданіемъ, г. Романчука.

Если еще упомянемъ о замѣткѣ: *„З істориі украінськоі молодіжи в Галичині, 1871—1884“—„Історичний очерк розвою товариства“ „Дружний Лихвяр“, опісля „Академічне Брацтво 1871—1885,* з передмовою д-ра І. Франка“,—то нами будетъ исчерпано все содержаніе записокъ, не говоря о весьма полномъ обзорѣ исторической литературы въ Россіи и внѣ ея за 1902 годъ, а также окончаніе обзора новыхъ трудовъ по исторіи славянства (LIV, Наук. Хр., с. 1—36).

В. Доманицкій.

Ruthenische Revue Halbmonatschrift. I. Jahrgang, im Wien. *(№№ 1—16).*

Съ половины мая минувшаго года въ Вѣнѣ началъ выходить два раза въ мѣсяцъ спеціальный литературный органъ на нѣмецкомъ языкѣ „Ruthenische Revue", задачей котораго является ознакомленіе Западной Европы съ положеніемъ и національными стремленіями «русинской» націи, понимаемой въ широкомъ смыслѣ. Непродолжительный сравнительно срокъ (всего лишь полъ-года) наглядно показалъ, что симпатичное начинаніе, во главѣ котораго стоятъ, какъ издатели, русинскіе послы въ вѣнскомъ рейхстагѣ—Яворскій и д-р. А. Кость, а также извѣстный русинскій литераторъ Романъ Сембратовичъ, встрѣтило всеобщее сочувствіе не только въ Австріи, Германіи, но и далеко за предѣлами этихъ странъ [1]), сочувствіе, которое сказывается не только въ духовномъ смыслѣ, но и матеріальномъ: уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ „Ruth. Revue" имѣло 1250 платныхъ подписчиковъ и 1750 экз. его разсылалось безплатно въ библіотеки различныхъ ученыхъ и частныхъ учрежденій Европы, депутатамъ парламентовъ и т. п.

И дѣйствительно, просматривая содержаніе журнала въ истекшемъ году, мы не удивляемся тѣмъ, нерѣдко восторженнымъ, отзывамъ (немало приведено ихъ въ послѣднемъ, № 16) ученыхъ, для которыхъ „R. Revue" явилось какимъ-то откровеніемъ. „R. Revue" знакомитъ читателей съ исторіей украинскаго народа, его литературой новаго (XIX) періода, даетъ понятіе о современныхъ національныхъ стремленіяхъ, знакомя въ особенности обстоятельно съ проявленіями культурной и политической жизни русинскаго народа въ Галичинѣ, съ выдающимися дѣятелями на разныхъ поприщахъ всей Руси-Украины.

Естественно, что въ органѣ, издаваемомъ въ Австріи галичанами, гдѣ жизнь русинскаго народа течетъ по иному, чѣмъ у насъ, руслу,—замѣтенъ значительный паревѣсъ статей и сообщеній, посвященныхъ Галицкой Руси,—это преимущественно статьи общественно-политическаго характера; но все же не мало встрѣчаемъ мы здѣсь и статей, спеціально касающихся насъ, или во всякомъ случаѣ, представляющихъ для насъ общій интересъ съ нашими заграничными собратьями. Въ нижеслѣдующихъ строкахъ мы намѣрены отмѣтить болѣе или менѣе интересныя статьи, нерѣдко дающія матеріалъ, къ которому прійдется,

[1]) См. напр. отзывы о немъ Бьернстьерне-Бьернсона, покойнаго Моммзена, Чемберлена (англійскаго историка) въ „К. Стар.", 1903, кн. XII, отд. II, стр. 184—186.

обратиться, быть можетъ, не одному изъ изслѣдователей судебъ родного народа.

Сначала отмѣтимъ, въ порядкѣ ихъ появленія, статьи общаго характера и главнымъ образомъ касающіяся Галичины. «Забытая нація» (№ 1) Р. Сембратовича,—характеризуется положеніе малорусскаго народа въ Россіи; «Современное политическое положеніе галицкихъ русиновъ» (№ 1);—д-ра Андрея Коса «Культурныя стремленія русиновъ въ Галичинѣ» (№ 2 и 3)—Ю. Романчука «Русинско-румынскій споръ за преобладаніе» (къ положенію русиновъ въ Буковинѣ (№ 2)—д-ра И. Немирича; «Къ галицкому намѣстническому кризису» (№ 2)—Романа Сембратовича; «Польскій національный праздникъ» (№ 3)—д-ра А. Коса,—по поводу польскаго народнаго съѣзда; «Полонизація восточной Галиціи на правительственный счетъ» (№ 3) В. Будзиновскаго; «Историческая миссія гр. Потоцкаго» (теперешняго намѣстника Галичины), (№ 4),—Р. Сембратовича; «Среднія школы въ Галичинѣ» (№ 4),—І. Сухована; «Русинскій національный праздникъ въ Буковинѣ» (№ 5 и 6) Гракуса,—по поводу всенароднаго вѣча въ Буковинѣ; «Гасители культуры—шляхтичи и ихъ помощники» (№ 5)—Будзиновскаго; «Украинцы въ Россіи, и Австрія» (№ 6) А. К.,—корреспонденція изъ Петербурга; «Русины въ Америкѣ и римская курія» (№ 6) М. Кичуры; «Нѣмецкая гимназія въ Бродахъ» (№ 6)—М. Бардаха; «Письмо изъ Парижа о національзмѣ и интернаціонализмѣ (№ 7),—перепечатка изъ L' Europèen; «Замѣчательные выборы въ сеймъ въ Буковинѣ» (№ 7),—Озирного; и о томъ же (въ № 10) с. Беяна); «Русинскій клиръ и ультрамонтанство» (№ 7 и 10),—греко-католич. священниковъ; «Русинскія общества «Січ» (№ 8), Кл. Обуха; «Русскій панславизмъ и западная Европа» (№ 9),—Р. Сембратовича; «Національный праздникъ въ Полтавѣ» (письмо изъ Россіи) (№ 9),—подробности о праздновaніи открытія памятника И. П. Котляревскому; «Украинскій національный праздникъ въ Полтавѣ» (№ 10), І. Каренка,—статья, дополняющая нѣкоторыми подробностями предыдущее сообщеніе; «Вина центральнаго правительства въ безправномъ положеніи галицкихъ школъ» (№ 10), Р. Сембратовича: «Борьба за просвѣщеніе» (№ 12), Р. Сембратовича,—къ вопросу о русинскомъ университетѣ; «Отголоски украинскаго національнаго праздника въ Полтавѣ» (№ 12). И. Энтеля,—сообщеніе о намѣреніи полтавскихъ гласныхъ обжаловать въ Сенатъ постановленіе о недозволеніи читать адреса́ по украински; «Русинскія школы и учителя въ Буковинѣ» (№ 14), И. К.,

«Средства и способы, какъ австрійскихъ русиновъ не допустить въ среднія школы» (№ 15)),—д-ра М. Харкива; „Pacta conventa“ (№ 14) и «На европейскій форумъ» (№ 16)—Р. Сембратовича,—о политическомъ положеніи русиновъ; «Alma mater Leopolensis—какъ мачеха» (№ 16) Яволенуса; «Славянская солидарность—пустая фраза» (№ 16) М. Кичуры.

Спеціально историческихъ статей помѣщено было три: «Русь» (Россія—Русины) (№ 1), Сергія Подоленка,—«Могилянская высшая школа въ Кіевѣ» (№ 6), М. Кичуры,—въ подтвержденіе той мысли, что заявленіе требованій въ настоящее время русинами имѣть самостоятельный университетъ вовсе не является продуктомъ XIX вѣка, такъ какъ русины уже въ XVII в. имѣли свое высшее учебное заведеніе; «Исторія эмансипаціонныхъ стремленій русинскаго (украинскаго) народа» (№ 14—16), С. Федоренка,—изложены: начало русскаго (южно-русскаго) государства и татарское владычество, унія съ поляками и послѣдствія ея, начало украинскаго козачества (довольно обстоятельно и вполнѣ научно). Вкратцѣ общій учеркъ исторіи украинскаго народа встрѣчаемъ также въ статьѣ Р. Сембратовича «Забытая нація» (№ 1).

Немало статей находимъ по исторіи литературы: литературныхъ характеристикъ, критическихъ статей, переводовъ художественныхъ произведеній украинскихъ писателей, некрологовъ.

Прежде всего о Шевченкѣ. Довольно обстоятельную статью, въ которой отмѣчены особенности поэзіи Шевченка, подъ заглавіемъ «Украина и Шевченко» (№ 5 и 8) помѣстилъ И. Брыкъ; И. Франко далъ небольшую статью: «Тарасъ Шевченко и его «Заповитъ» (№ 1), гдѣ, разсказавъ біографію поэта, помѣстилъ свой прекрасный переводъ «Заповита» и «На смерть Шевченка» Некрасова. Для образца приводимъ начало перевода «Заповитъ»:

„Wenn ich sterbe, so bestattet
Mich auf eines Kurhans Zinne
Mitten in der breiten Steppe
Der gelibten Ukraine,—
Dass ich grenzenlose Felder
Und den Dnipr und seine Schnellen
Sehen kann, und hören möge
Das gebraus der grossen Wallen.

Кромѣ того Сергіемъ Шпойнаровскимъ (въ № 6) переведены: «Рече ричка невелычка»

Fliest ins blaue Meer das Wasser,
Ohne auszufliessen.
Nach dem Glück jagt der Kozake,
Muss das Glück vermissen.

«Мынають дни, мынають ночи»:

„Die Tage, Nächte geh'n vorüber,
Die Sommerszeit ist auch schon um,
Das Laub wird gelb, das Auge trüber,
Es schläft das Herz, das Lied wird stumm...;

и (въ № 11) Ив. Франкомъ: «И небо невмыте, и заспани хвыли», и Сергіемъ Шпойнаровскимъ превосходно переведенъ «Садокъ вышневый коло хаты»:

„Beim Haüschen steht ein Weichselgarten,
D'rin schwärmen Käfer um die Baum'.
Mit Pflügen Männer kehren heim,
Die Mädchen singend; Mutter warten
Schon mit den Abendmahl daheim.

О *Котляревскомъ* въ статьѣ «На тернистомъ пути» (№ 9) говоритъ М. Кичура. *Марку Вовчку* посвятила небольшую статью Ольга Кобылянская (№ 3) и дала переводъ двухъ разсказовъ: „Два сыны“ (№ 3) и „Максымъ Гримачъ“ (№ 4).

Изъ произведеній *Франка* помѣщенъ (№ 6) др. Карломъ Бадеромъ переводъ его „Гимна“:

„Вічний революцйонер
Дух, що тіло рве до бою“, и

„Земле, всіх маты“; *Лесь Украинкъ* посвящена (№ 14 и 15) довольно обширная статья В. Чапельскаго и данъ Ольгой Кобылянской (№ 9 и 10) переводъ „Писни безъ сливъ“; *Грабовскому*—статья Мелетія Кичуры (№№ 12 и 13) и переводъ трехъ стихотвореній (въ № 14) его же; *Кобрынская* тоже представлена (№№ 13 и 14) въ переводѣ

Ольги Кобылянской; изъ *Кобылянской*—„Покора“. „Жебрачка“ (№ 1), въ переводѣ Клементины Ганкевычъ, и „За Готаръ“ (изъ „Кіевской Старины“); *Стефаныку* посвящена статья Богдана Лепкого (№ 11), быть можетъ слишкомъ уже превозносящая несомнѣнно талантливаго писателя: мы имѣемъ въ виду его слова, что „послѣ Марка Вовчка ни одинъ украинскій писатель не пользовался большимъ вниманіемъ и симпатіями, какъ Васыль Стефаныкъ“ (стр. 264); это весьма возможно, что справедливо по отношенію къ Галичинѣ и вообще Западной Евпропѣ, гдѣ переводы его произведеній пользуются огромнымъ успѣхомъ. Кромѣ того изъ Стефаника переведены: „Сама одна“ (№ 2) и „Лист“ (№ 5) перев. Ольги Кобылянской, и „Зівялі листочки“ (№ 7)—пер. Иліи Поповича; изъ *Олены Пчилкы* переведена (Соловіна пісня“ (№ 11 и 12)—пер. Ольги Кобылянской; изъ *Семанюка* „Святый Мыкола у гарти (арешти) (№ 6) и „Божий дар“ (№ 8),—пер. Ирены Коралевичъ. Далѣе, статья Манастырскаго „Русинская кровь“ (№ 4),—оцѣнка произведеній Вебера-Лушкова изъ украинской жизни (его „Geschichte aus Kleinrussland“); помѣщены некрологи Корныла Устіяновича (№ 7),—и Исидора Воробкевича (№ 10) М. Кичуры.

Исторіи украинской *музыки*, и въ частности М. В. Лисенку (по поводу его 35-лѣтняго юбилея), посвящена поучительная статья проф. Вахнянина „Къ исторіи украинской музыки“ (№ 15): излагается исторія ея, начиная съ княжеской эпохи. Въ статьѣ помѣщенъ прекрасный портретъ юбиляра.

Наконецъ, украинскому *театру* посвящена статья В. Чапельскаго „Украинскій театръ и Михаилъ Старицкій“ (№ 16),—излагается вкратцѣ исторія украинскаго театра и затѣмъ говорится о дѣятельности М. П. Старицкаго, какъ драматурга.

Мы исчерпали въ нашемъ бѣгломъ обзорѣ все важнѣйшее, что помѣщено было въ „Ruthenische Revue“ за минувшій годъ, и надѣемся, что одного перечисленія статей достаточно для того, чтобы дѣятельность почтенныхъ издателей признать заслуживающей полнаго уваженія.

В. Д.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящей книжки разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 1 и 2; 2) Русская Старина, № 1 и 2; 3) Историч.

Вѣстн., № 1 и 2; 4) Всемірный Вѣстн., № 1; 5) Журн. Мин. Нар. Просв., № 1 и 2; 6) Міръ Божій, № 1 и 2; 7) Русскій Вѣстникъ, 1 и 2; 8) Вѣстникъ Европы, № 1 и 2; 9) Русская Мысль, № 1 и 2; 10) Труды Кіев. Дух. Акад., № 1 и 2; 11) Учен. Зап. Имп. Казан. Унив., № 1 и 2; 12) Книжки Восхода, № 1.

Русская Старина, № 1 и 2.

Цензура въ царствованіе императора Николая I. Сообщены интересныя разногласія между кіевскимъ цензурнымъ комитетомъ и предсѣдателемъ временной коммиссіи для разбора древнихъ актовъ по поводу изданія *Лѣтописи Грабянки* въ 1853 г. Цензоръ Мацкевичъ требовалъ исключенія изъ текста нѣкоторыхъ мѣстъ, гдѣ, по его мнѣнію, высказывалось явное пристрастіе къ малороссійской національности; предсѣдатель-же коммиссіи полагалъ, что подвиги Хмельницкаго такъ велики, что похвалы его личности не могутъ быть излишними. Главное управленіе печати, руководствуясь секретнымъ Высочайшимъ повелѣніемъ о томъ, чтобы писатели разсуждали сколь возможно осторожнѣе тамъ, гдѣ идетъ дѣло о народности или языкѣ Малороссіи, не давая перевѣса *любви къ родинѣ* надъ *любовью къ отечеству*,—исключилъ нѣкоторыя мѣста изъ лѣтописи Грабянки. (№ 2, стр. 441—442).

Историческій Вѣстникъ, № 1 и 2.

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» помѣщены отзывы о слѣдующихъ книгахъ: 1) *В. Нарбековъ.* «Южно-русское религіозное искусство XVII—XVIII в. Казань 1903 г.» (№ 1, стр. 310—311); 2) *И. А. Максимейко.* «Сеймы Литовско-русскаго государства до Люблинской уніи 1569 года. Харьковъ 1903 г.» (№ 1 стр. 315—316); Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Кн. 17-ая, вып. 1 и 2. (№ 2, стр. 757—758).

Русская Мысль, № 1 и 2.

С. Д. К-а. Какъ примѣняется въ черниговской губерніи 107 ст. положенія о земскихъ учрежденіяхъ. (№ 1, стр. 110—130). Здѣсь разсмотрѣны факты, бывшіе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ жизни черниговскаго земства, когда лица, избиравшіяся или приглашавшіяся на службу въ земство, не были своевременно утверждаемы черниговв-

скимъ губернаторомъ, которому предоставляется право изъявлять свое согласіе или несогласіе на опредѣленіе на службу даннаго лица въ теченіе двухнедѣльнаго срока. На самомъ дѣлѣ оказывается, что такой отвѣтъ отъ губернатора получается только въ рѣдкихъ случаяхъ въ узаконенный срокъ; въ большинствѣ-же случаевъ дѣло затягивается на мѣсяцы и даже годы. Это и подало поводъ черниговскому губернскому земскому собранію подать жалобу въ сенатъ о неправильномъ примѣненіи черниговскимъ губернаторомъ 107 ст. положенія о земскихъ учрежденіяхъ.

В. Лесевичъ. Евгеній Павловичъ Гребенка (Опытъ характеристики) (№ 1, стр. 131—156; № 2. стр. 29—43) Авторъ статьи, отмѣчая тотъ фактъ, что у насъ въ теченіе полустолѣтія со дня смерти Гребенки (1848 г.) не было сдѣлано надлежащей оцѣнки его литературной дѣятельности, устанавливаетъ теперь иные взгляды какъ на личность писателя, такъ и на его значеніе въ литературѣ. Выводы автора крайне неблагопріятны для Гребенки, т. к. послѣдняго онъ считаетъ только литературнымъ ремесленникомъ.

Въ *библіографическомъ отдѣлѣ* даны отзывы о слѣдующихъ книгахъ; 1) *Т. Г. Шевченко.* Переводы изъ «Кобзаря» С. П. Дремцова. Вып. I. (№ 1, стр. 1); 2) *Л. С. Личковъ.* Новыя теченія въ сервитутномъ правѣ.

Русскій Вѣстникъ, № 1 и 2.

Л. Николаевъ. Политическія движенія въ Галиціи (№ 1, стр. 155—175). Въ статьѣ этой передана исторія агитаціоннаго движенія польской партіи въ Галичинѣ, начиная съ конца 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, для того, чтобы создать изъ русиновъ враждебный Россіи элементъ путемъ прививки имъ сознанія народной отдѣльности отъ великоруссовъ Конечно, вся исторія этой польской агитаціи пересказана авторомъ съ своеобразной характеристикой двухъ основныхъ русинскихъ партій въ Галичинѣ—старорусской и народовской.

Въ отд. «*Библіографія*» помѣщенъ отзывъ о книгѣ *А. А. Сидорова* «Польское возстаніе 1863 года», (№ 2, стр. 777—781).

Труды Кіев. Духов Акад, № 1 и 2.

Ѳ. Т. Къ вопросу о значеніи Кіевской Академіи для православія и русской народности въ XVI—XVIII в в. (№ 1, стр. 59—100). Это

есть окончаніе статьи, первая половина которой напечатана была въ № 11-мъ прошлаго года и сущность содержанія которой нами отмѣчена уже была въ № 1-мъ текущаго года (см. «Обзоръ журналовъ», стр. 42).

Д. Вишневскій. Направленіе образованія въ Кіевской Академіи въ первой половинѣ 18 стол. (№ 2, стр. 276—285). Это та-же самая рѣчь, сказанная передъ защитой диссертаціи, которая передана была авторомъ и намъ для напечатанія (см. № 2-ой).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1904 годъ

на ежедневную газету политики, литературы и общественной жизни

„КІЕВСКАЯ ГАЗЕТА"

(V-й годъ изданія).

Съ еженедѣльными иллюстрированными литературными приложеніями.

«Кіевская Газета» вступаетъ въ пятый годъ изданія. Мы не имѣемъ надобности распространяться предъ читателями о нашихъ задачахъ и цѣляхъ: мы полагаемъ, что въ теченіе 4-хъ лѣтъ характеръ и физіономія «Кіевской Газеты» выяснились въ достаточной степени. Поэтому мы ограничимся заявленіемъ, что принципы и убѣжденія, которыми мы руководствовались до сихъ поръ и которые, какъ мы видѣли, находили живой откликъ среди нашихъ читателей, будутъ и на дальнѣйшее время служить для насъ руководящей нитью. Упомянемъ еще разъ то, о чемъ намъ неоднократно уже случалось говорить: одинъ изъ основныхъ принциповъ «Кіевской Газеты»—не довольствоваться тѣмъ, что уже достигнуто, не останавливаться, но, чутко прислушиваясь къ запросамъ публики, идти навстрѣчу имъ, идти впередъ по пути постояннаго развитія и улучшенія дѣла, по тому пути, по которому наша газета шла до сихъ поръ. Только такимъ образомъ Редакція надѣется удовлетворить своихъ читателей. Съ этой цѣлью «Кіевская Газета» предприняла на первыхъ порахъ въ новомъ году слѣдующія главныя реформы.

Желая доставить читателямъ возможно скорыя и вѣрныя свѣдѣнія, Редакція постаралася заручиться собственными корреспондентами въ наиболѣе крупныхъ городахъ Западной Европы и Россіи. Пользуясь услугами послѣднихъ, Редакція имѣетъ возможность сообщать своимъ читателямъ посредствомъ корреспонденцій и телеграммъ всѣ важнѣйшія новости по внутреннимъ вопросамъ: законодательнымъ, административнымъ, экономическимъ, финансовымъ и проч.

Сообщенія изъ столицъ доставляются намъ теперь спеціальными столичными корреспондентами и потому приходятъ 1-2 днями скорѣе, чѣмъ въ прежнее время. Сообщенія эти печатаются въ «Кіевской Газетѣ» ежедневно подъ рубрикой «Столичныя вѣсти».

Въ виду крайней неполноты и несвоевременности сообщеній «Россійск. Телеграфн. Агенства», Редакція вошла въ сношеніе съ ново-организованнымъ при министерствѣ финансовъ «Торгово-Телеграфнымъ Агенствомъ», телеграммы котораго отнынѣ регулярно будутъ помѣщаться въ «Кіевской Газетѣ» и, такимъ образомъ, читатели своевременно будутъ оповѣщены о всѣхъ выдающихся событіяхъ какъ внутренней жизни Россіи, такъ и заграничной. Кромѣ того, въ «Кіевской Газетѣ» будутъ ежедневно печататься котировки С.-Петербургской биржи по телеграфнымъ сообщеніямъ Торгово-Телеграфнаго Агенства.

Выписанная нами ротаціонная машина, печатая до 12 тыс. экземпляровъ въ часъ, даетъ возможность намъ своевременно выпу-

скать газету и помѣщать въ ней тѣ новости и телеграммы, которыя получаются даже поздней ночью.

Имѣя въ виду дать читателямъ беллетристическій матерьялъ для чтенія, Редакція рѣшила выпускать особыя литературныя приложенія къ «Кіевской Газетѣ», въ которыхъ будутъ помѣщаться стихотворенія, очерки, разсказы, какъ оригинальные, такъ и переводные, а также очерки русской и заграничной жизни. Кромѣ того, въ приложеніяхъ будутъ помѣщаться рисунки, касающіеся современнымъ событій, и портреты выдающихся дѣятелей. Приложенія будутъ выпускаться еженедѣльно, съ особымъ счетомъ страницъ. Изъ нихъ составится за годъ полный экземпляръ иллюстрацій въ 52 тетради.

Такимъ образомъ въ 1904 году каждый подписчикъ «Кіевской Газеты» получитъ: 1) Ежедневную газету политики, литературы и общественной жизни въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ. 2) 52 №№ Еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ литературно-художественныхъ приложеній.

Стремясь постоянно расширять кругъ своихъ сотрудниковъ, редакція пригласила къ участію въ газетѣ новыхъ лицъ. Въ 1904 г. въ «Кіевской Газетѣ» будутъ принимать постоянное участіе слѣдующіе извѣстные столичные литераторы и журналисты: А. В. Амф—тровъ (И. Л. Иксъ), К. С. Баранцевичъ, П. В Быковъ, П. И. Вейнбергъ, М. В. Крестовская, В. С. Лихачевъ, Lolo (Л. Г. Мунштейнъ), М. А. Лохвицкая, А. А. Луговой (Тихоновъ), Ѳ. Ѳ. Тризонеръ (Мечтатель), Т. Л. Щепкина-Куперникъ.

Въ 1904 году всѣ подписчики «Кіевской Газеты» будутъ по-прежнему пользоваться правомъ получать въ театрѣ «Соловцовъ» на спектакли драматической труппы М. М. Глѣбовой билеты по значительно уменьшеннымъ цѣнамъ,—разъ въ недѣлю, въ дни, указанные дирекціей театра.

Условія подписки съ доставкой и пересылкой: на годъ 9 р., на 9 мѣс. 7 р. 10 к., на 6 мѣс. 5 р., на 3 мѣс. 2 р. 70 к., на 1 мѣс. 1 р. Безъ доставки: на годъ 8 р., на 9 мѣс. 6 р. 20 к., на 6 мѣс. 4 р. 40 к., на 3 мѣс. 2 р. 40 к., на 1 мѣс. 90 коп.

Годовые подписчики, желающіе воспользоваться разсрочкой, вносятъ: при подпискѣ 3 р., къ 1-му апрѣля 3 р и къ 1-му іюля 3 р. Подписка на 1904 годъ и объявленія принимаются: 1) въ Главной Конторѣ и 2) въ книжныхъ магазинахъ и кіоскахъ. Заграничные подписчики къ подписной цѣнѣ приплачиваютъ за каждый мѣсяцъ по 60 коп. За перемѣну адреса 40 коп., причемъ необходимо сообщать заблаговременно прежній и новый адресы. О каждой перемѣнѣ адреса просятъ сообщать отдѣльно. Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца и не далѣе, какъ до конца года.

Адресъ Главной Конторы и Редакціи: Кіевъ, Владимірская ул., № 34. Телефонъ № 1276.

Издатели: *С. Я. Богдановъ*, *А. Ф. Френкель*. Редакторъ *А. Ф. Френкель*.

3—3

экземпляра. Подписка въ разсрочку отъ книгопродавцевъ не принимается. Подписка принимается: въ Москвѣ, въ к-рѣ журнала, Ваганьковскій пер. д. Куманина; въ Спб., въ кн. маг. Н. П. Карбасникова въ Кіевѣ, въ кн. маг. Н. Я. Оглоблина; въ Варшавѣ, въ Вильнѣ въ кн. маг. Н. П. Карбасникова; въ Перми, въ земскомъ центральномъ книжномъ складѣ. Всѣ изданія ред. «Русской Мысли» находятся на складѣ при типографіи Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

Редакторъ-Издатель *В. М. Лавровъ*.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

КНИГА 2-я.—ФЕВРАЛЬ, 1904.

I.—Блаженный Августинъ въ борьбѣ съ язычниками.—II.—**В. И. Герье**.—*II.—Братья* —Повѣсть.—VII—XI.—**П. Д. Боборыкина**.—III.—*Изъ Америки въ Японію*.—IV.—Іокогама; Токіо; Коби; Японское Средиземное море.—V.—Опять Нагасаки.—Окончаніе.—**Ѳ. И. Кнорринга**.—IV.—*Самобытность или отсталость?*—Этюдъ.—**Григ. Ал. Евреинова**.—V.—*Въ избранномъ обществѣ*.—Повѣсть.—II.—Окончаніе.—**Л. Авиловой**.—VI.—*А. Н. Радищевъ*.—Очеркъ.—I-IV.—**М. Туманова**.—VII.—*Стихотвореніе*.—Побѣги.—**В. Уманова-Каплуновскаго**.—VIII.—«*Союзъ душъ*».—„Souls". A Comedy of intentions, by „Rita".—X-XX.—Съ англ. **З. В.**—IX.—*Новѣйшіе противники общины*.—**Л. З Слонимскаго**.—X.—*Хроника*.—*Внутреннее обозрѣніе*.—Именной Высочайшій указъ 8-го января и очеркъ работъ редакціонной коммиссіи по пересмотру постановленій о крестьянахъ.—Кодификація, проектируемая ею.—Возможность другого исхода.—Отзывы печати о составѣ губернскихъ совѣщаній.—Предоставленіе министру внутреннихъ дѣлъ и тверскому губернатору особыхъ полномочій по отношенію къ тверскому земству.—XI.—*По вопросу объ организаціи общественнаго призрѣнія* внѣбрачныхъ дѣтей и сиротъ.—**Д. И. Орлова**.—XII.—*Иностранное обозрѣніе*.—Положеніе дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ.—Односторонность газетныхъ свѣдѣній и телеграммъ.—Особенности русско-японскаго кризиса.—Политическія дѣла въ Германіи: прусское офицерство и возстаніе противъ нѣмцевъ въ южной Африкѣ. - Успѣхи Чемберлена въ Англіи.—Гербертъ Спенсеръ и Японія.—XIII.—*Литературное обозрѣніе*.—I. Собраніе сочиненій

Н. И. Костомарова, книга первая.—II. Е. Шмурло. Собраніе документовъ къ исторіи царствованія Петра В.—III. Архивъ граф. Мордвиновыхъ, т. VII-X.—IV. Исторія Кавалергардовъ, томы II и III. С. Панчулидзева.—**А. П.**—V. В. Ѳ. Боцяновскій, кн. Н. Д. Урусовъ и Ст. Сухановъ—о Леонидѣ Андреевѣ.—VI. А. И. Герценъ, его друзья и знакомые, В. П. Батуринскаго.—VII. Бѣлоруссы, П. Ѳ. Карскаго.—VIII. Сборникъ россійскихъ пословицъ и поговорокъ I. И. Иллюстрова.—IX. Царь Іоаннъ Грозный, историческая хроника, Л. Жданова.—**Евг. Л.**—Мелкая земская единица, сборникъ статей, вып. 2.—**М. Г-анъ.**—Новыя книги и брошюры.—XIV.—*Замѣтка.*—По поводу выставки «Дѣтскій міръ».—**В. Ѳ. Адлера.**—XV.—*Новости иностранной литературы.*—Frank Wedekind, „Erdgeist", Drama.—**З. В.**—XVI.—*Изъ общественной хроники.*—Первыя засѣданія новой спб. городской Думы.—Организація группъ, выразившаяся въ выборахъ.—Увеличеніе содержанія городскимъ должностнымъ лицамъ.—Вопросъ о партійной дисциплинѣ.—„Харьковскія Губернскія Вѣдомости" и харьковская городская Дума.—Инцидентъ въ Севастополѣ.—Изъ міра печати.—XVII.—*Извѣщеніе.*—Отъ Врачебно-Педагогическаго Института для отсталыхъ и неуспѣвающихъ дѣтей.—XVIII.—*Библіографическій листокъ.*—Собраніе сочиненій Н. И. Костомарова, т. II.—Ив. Страховскій, Крестьянскія права и учрежденія.—К. Каутскій, Торговые договоры и торговая политика.—Полное собраніе сочиненій А. Н. Островскаго. т. I.—И. Н. Потапенко, Сочиненія, т. I.—Полное собраніе сочиненій Г. Ибсена, т. V.—XIX.—*Объявленія.*—I-IV.

ПОДПИСКА НА 1904-й ГОДЪ.

(Тридцать-девятый годъ).

Контора журнала: С.-Петербургъ, В. О., 5 лин., 28.

Безъ доставки: на годъ: 15 р. 50 к., на полгода: 7 р. 75 к., на четверть года: 3 р. 90 к. Съ дост. въ Спб. на годъ: 16 р., на полгда: 8 р., на четверть года: 4 р. Съ пересылкою на годъ: 17 р., на полгода: 9 р. 8 р., на четверть года: 5, 4, 4, 4 р. За границей на годъ: 19 р., на полгода: 10 р., на четверть года: 9 р., 5, 5, 4, 4 р.

Издатель и отвѣтственный редакторъ *М. М. Стасюлевичъ.* Спб., Галерная, 20.

ЖУРНАЛЪ

„Труды Кіевской Духовной Академіи"

въ 1904 году

(годъ изданія сорокъ пятый)

имѣетъ выходить по прежней программѣ.

Въ немъ печатаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ Духовной Академіи, по предметамъ общезанимательныя и по изложенію доступныя большинству читателей, а также *переводы твореній блаж. Іеронима и блаж. Августина*, которые, въ отдѣльныхъ оттискахъ, будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ *«Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ»*.

Къ январю 1904 г. выходитъ на свѣтъ 17-я часть Твореній бл. Іеронима въ русскомъ переводѣ (толкованія на посланія къ Галатамъ и Ефесянамъ).

Указомъ Св. Синода отъ 3/29 февр. 1884 г. подписка какъ на «Труды», такъ и на «Библіотеку св. отцевъ и учителей ц. западныхъ» рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, каѳедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 84-го:

январь, февраль, мартъ. 1904 г.

Книга первая—январь.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Книга вторая—февраль.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Книга третья—мартъ.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ «Кіевской Старинѣ» печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.
